

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2022 || **Том 14** || **№ 1**

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2022

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2022.
162 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2022

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); *Й. фон Браун*, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниemi*, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Крестинин*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); *Ф. Лебарон*, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); *П. Оппенхаймер*, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 15.04.2022 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Приморский фактор

Бакланов П. Я. Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения 4

Дружинин А. Г. «Морская составляющая» общественно-географических исследований в постсоветской России: основные тренды и приоритеты развития 17

Экономика

Глухих П. Л. Адаптация региональных стратегий к новому целевому показателю развития несырьевого экспорта 34

Толстогозов О. В. Структурные изменения экономики регионов Северо-Запада России: институциональный фактор 56

Развитие приграничных регионов

Манаков А. Г., Красильникова И. Н., Иванов И. А. Опыт классификации трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в пределах Балтийского региона 75

Михайлова А. А. Трансграничная цифровизация Западного порубежья России: потенциал и перспективы 90

Шупер В. А. Новые возможности для российского эксклава на Балтике в изменяющемся геополитическом положении страны 109

Страны ЕС в Балтийском макрорегионе

Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Войников В. В. Новые принципы распределения ресурсов ЕС и их влияние на страны Балтийского региона 122

Жирнова Л. С. Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства 138

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРИМОРСКИХ РЕГИОНОВ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

П. Я. Бакланов

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
690041, Россия, Владивосток, ул. Радио, 7
Дальневосточный федеральный университет
690922, Россия, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10

Поступила в редакцию 20.06.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-1
© Бакланов П. Я., 2022

Сформовавшись в конце XX века, концепция устойчивого развития остается весьма актуальной. Однако сохраняется много проблем — как в практической реализации, так и в научных обоснованиях, особенно на региональном уровне. Для достижения устойчивого развития региона, понимаемого как его стабильное развитие, сбалансированное в экономической, социальной и экологической сферах, предлагается выделять и учитывать географические факторы регионального развития: географическое, в том числе экономико-географическое положение, природные условия и их географическая дифференциация, природно-ресурсный потенциал и его размещение, сформировавшиеся территориальные структуры хозяйства и расселения населения. Выделяются их особенности для приморских регионов, в том числе наличие морских побережий как специфического ресурса, доступность морского транспорта и разнообразных морских природных ресурсов, в том числе возобновляемых, особенно важных для устойчивого развития. Геополитическое положение региона и его составляющие рассматриваются как геополитические факторы. В виде ограничений выступают морские экстремальные природные процессы и опасные явления (волновые, цунами, тайфуны и др.). Показано, что в качестве наиболее полного объекта оценок и управления устойчивым развитием следует выделять интегральную географическую систему, охватывающую регион, а основой устойчивого развития является региональное природопользование, включая освоение акваториальных сочетаний природных ресурсов. В качестве критериев устойчивого развития предлагается выделение качеств регионального развития: экономического, социального и экологического. Важнейшие инструменты достижения и поддержания устойчивого развития приморского региона — стратегическое планирование, включая территориальное и морское пространственное, мониторинг регионального природопользования и развития в целом. Применялась методология системного анализа.

Ключевые слова:

акваториальный регион, интегральная геосистема, прибрежная зона, устойчивое развитие, географические факторы, природные ресурсы, геополитическое положение, стратегическое планирование, мониторинг

Для цитирования: Бакланов П. Я. Устойчивое развитие приморских регионов: географические и геополитические факторы и ограничения // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 4–16. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-1.

Введение

В начале 90-х годов XX столетия была выдвинута парадигма устойчивого развития стран и регионов. Она быстро завоевала популярность в мире. Во многих странах, включая Россию, были приняты законодательные и программные документы достижения такого типа развития. Однако до сих пор остается нерешенной большая научная составляющая проблем — особенно на региональном уровне, в том числе в обосновании принципов, механизмов, индикаторов, целей, путей их достижения и управления и особенно в их практической реализации. К настоящему времени можно считать доказанным, что в основе представлений об устойчивом развитии лежат стабильные качественно-количественные приращения в экономической и социальной сфере и качественные в экологической сфере страны или региона и их сбалансированное развитие [1—17]. Несмотря на общность этого подхода к устойчивому развитию всех регионов, имеются существенные различия исходных проблем и ограничений, а также факторов, особенно географических, и путей достижения устойчивого развития для районов разных типов, в том числе континентальных, приморских, трансграничных [4; 6; 7; 9—13; 16—18]. Социальные факторы (связанные с поддержанием достаточной численности и структуры населения, качества его жизни), экономические (обеспечивающие достаточный потенциал ресурсов расширенного эффективного воспроизводства), инновационные (связанные с необходимостью качественного обновления технологий, продуктов и услуг), а также экологические (обеспечивающие сохранение достаточного природно-ресурсного потенциала и хороших качеств окружающей среды) одинаково важны для регионов всех типов. Однако географические факторы: географическое, в том числе экономико-географическое, положение, природно-ресурсный потенциал, его размещение и динамика, различия природных условий, сложившиеся территориальные структуры хозяйства и расселения населения — значительно дифференцированы в пространстве. В то же время все они существенно влияют на эффективность социальных, экономических и экологических факторов устойчивого развития. Для приморских регионов они более сложны и менее изучены.

Цель статьи — показать, что в качестве наиболее полного объекта оценок, планирования и управления достижения и поддержания устойчивого развития необходимо выделять интегральную географическую систему или их сочетание, охватывающее регион. Основа устойчивого развития региона — региональное природопользование, включая освоение акваториальных сочетаний природных ресурсов и формирование пространственных структур природопользования с учетом всего сочетания географических факторов в пределах интегральной геосистемы, которые имеют большую специфику в приморских регионах. На долгосрочное развитие приморских регионов значительное влияние оказывают геополитические факторы, прежде всего особенности их геополитического положения, в том числе трансграничность. Причем такое влияние на приморские регионы является более существенным, чем на континентальные, рассмотрение этого также входит в задачу данной статьи.

Состояние проблемы, материалы и методы

Проблемам устойчивого развития различных стран и отдельных регионов посвящена обширная научная литература. Общие принципы, подходы и цели устойчивого развития излагаются в работах [1 — 19 и др.]. Особенности географического подхода и большой роли географических наук рассмотрены в работах [4—7; 9—12; 16—19]. Важнейшим методологическим принципом устойчивого развития как на уровне страны, так и на региональных уровнях является достижение сба-

лансированности развития в экономической, социальной и экологической сферах [4; 6; 7; 10; 11; 17]. Этот процесс усложняется с учетом нелинейности и цикличности регионального развития, отдельные аспекты которого рассматриваются в ряде работ [17; 20]. Большое значение имеет обоснование различных показателей, или индексов, устойчивого развития [5—7; 15; 17; 21; 22]. Особенности устойчивого развития городских территорий, где отмечается высокая концентрация населения и различных видов деятельности, изложены в работах [7; 9; 11; 17; 23], а сельских территорий с особым значением природно-ресурсных факторов — в [7; 9; 11; 16; 24]. Особый интерес представляют оценки проблем устойчивого развития замкнутых сообществ приморских территорий [25]. Важнейшим инструментом достижения и последующего поддержания устойчивого развития как в стране, так и в различных районах является стратегическое планирование [26], включая многоуровневое территориальное [7; 17; 27], а для приморских районов — еще и морское пространственное [28—30]. Необходимо моделирование регионального развития, в том числе использование балансовых подходов [10; 31]. Тем не менее остается недостаточно обоснованным выделение интегральных географических систем в качестве наиболее полного объекта анализа, оценок, расчетов прогнозных вариантов регионального устойчивого развития. Для приморских регионов такие геосистемы должны охватывать и акваторриальные части.

В устойчивом развитии приморских регионов более многогранно проявляются геополитические факторы, что также менее изучено [32].

При написании данной статьи использованы научная литература, программы регионального развития, методы сравнительного и геосистемного анализа, прогнозно-географический подход. Применялись методы географического зонирования.

Результаты и обсуждения

Многочисленные исследования проблем устойчивого развития регионов, в том числе и наши [4; 6; 7; 9—11; 13—17; 20 и др.], показывают, что для достижения стабильного развития, сбалансированного в социальной, экономической и экологической сферах региона, на этапе разработки долгосрочных программ необходимо выполнение следующих условий.

1. Охват целостной географической системы, включая ее природную, природно-ресурсную, экологическую и социально-экономическую структуры, то есть рассмотрение всей интегральной геосистемой, вмещающей регион в целом.

2. Охват динамики этой геосистемы в течение длительного периода, в том числе ретроспективного и прогнозного.

3. Моделирование структуры и динамики интегральной геосистемы и расчет сбалансированного варианта ее устойчивого развития. На этой основе можно получить модель устойчивого развития региона как эффективный, гармоничный образ его будущего.

4. Стратегическое планирование и текущее оперативное управление с целью последующей реализации модели устойчивого развития региона. Объектом анализа, моделирования, расчетов, а также планирования и управления должна стать интегральная геосистема или их сочетание, охватывающее, включающее весь регион, например тот или иной субъект РФ.

5. Разнообразная информация для подобных оценок, расчетов, моделирования, планирования и управления, которая должна, во-первых, быть систематизирована, привязана к территории, в том числе в виде соответствующих региональных геоинформационных систем, а во-вторых, непрерывно обновляться за счет мониторинга изменяющихся структур геосистемы и периодических прогнозных расчетов.

6. В конечном итоге организация регионального мониторинга устойчивого развития, важнейшей базисной составляющей которого должен стать мониторинг регионального природопользования [33].

Взаимосвязанными частными объектами такого мониторинга должны быть географические факторы, в том числе их изменения во времени, динамика. Такие факторы, как географическое и экономико-географическое положение, природные условия региона, достаточно стабильны, мало изменяются во времени, но их воздействия на региональное развитие преломляются через другие, менее стабильные факторы. Природно-ресурсный потенциал территории, акватории более изменчив, его динамика определяется естественными процессами и воздействием человека, включая как добычу и использование, так и техногенные воздействия на природные ресурсы. Территориальные структуры хозяйства и расселения населения, обладая значительной инерционностью, могут существенно изменяться в процессе своего функционирования и развития.

Для приморских регионов эти географические факторы имеют свою специфику, которая влияет на достижение и поддержание устойчивого развития (табл. 1).

Таблица 1

**Особенности географических факторов и ограничений
устойчивого развития приморских регионов**

Географический фактор	Особенности для приморских регионов
Географическое, в том числе экономико-географическое, положение региона	Широкий выход к морям, океану; большая береговая линия и морское побережье как специфический природный ресурс; формирование контактных структур и функций в зоне «суша — море»
Природные условия и их пространственная дифференциация	Воздействие морских, в том числе экстремальных, природных процессов и опасных явлений, влияние морского муссонного климата на значительную прибрежную территорию
Природно-ресурсный потенциал, его размещение и динамика	Выход на разнообразные природные ресурсы моря, в том числе возобновляемые; возможности комплексирования их с природными ресурсами прибрежной суши
Сформировавшиеся территориальные структуры хозяйства и расселения населения	Большая роль прибрежных социально-экономических центров; благоприятные возможности развития морехозяйственных видов деятельности, в том числе морского транспорта, морской рекреации

Для приморских регионов прежде всего характерно формирование контактных структур и функций — в природно-экологической, природно-ресурсной и социально-экономической сферах. В результате, в этих сферах происходит образование акватерриториальных структур [10; 13; 17; 33]. Следовательно, в качестве более полного объекта анализа, моделирования, планирования и управления необходимо выделять территориально-акваториальные регионы, включающие территорию приморских районов и прилегающие к ним пространства морской акватории в пределах 200-мильной морской исключительной зоны. Общее географическое пространство такого региона можно рассматривать как интегральную геосистему, которая состоит из сочетания наземных, территориальных геосистем, прибрежно-морских акватерриториальных и морских акваториальных геосистем, достаточно тесно связанных и взаимодействующих между собой.

В целом можно выделить следующие проблемы и ограничения, а также благоприятные факторы и предпосылки в достижении и поддержании устойчивого развития в приморских регионах (табл. 2).

Таблица 2

**Общие проблемы и ограничения, благоприятные факторы
и предпосылки устойчивого развития приморских регионов**

Проблемы, ограничения	Благоприятные факторы и предпосылки
Негативное влияние морских опасных явлений (морских волн, цунами, штормов, тайфунов и др.)	Доступность разнообразных морских природных ресурсов, в том числе многих возобновляемых (биологических, энергетических, рекреационных)
Необходимость укрепления морских берегов, создания дорогостоящих систем берегозащиты. Большие капитальные затраты на строительство глубоководных портов	Возможность широкого использования более дешевого морского транспорта. Доступность и возможность использования многих рынков, прилегающих к соответствующим акваториям, в том числе зарубежным
Тяжелые морские льды и низкие температуры в арктической зоне	Более короткие и доступные к побережью звенья Северного морского пути

Большую роль в устойчивом развитии морских регионов имеют прибрежно-морские зоны (и геосистемы) и сеть прибрежных поселений. С одной стороны, они обеспечивают освоение и использование морских природных ресурсов, морского транспортного потенциала, а с другой — являются связующими звеньями между морскими и наземными геосистемами и их структурами, в том числе в развитии морехозяйственных видов деятельности [10; 13; 33; 34].

В связи с этим в приморских регионах предлагаем выделить ряд пространственных уровней — зон, районов с различной ориентацией на морские природные ресурсы и морехозяйственную деятельность (табл. 3). Основным критерием их выделения выступает удаленность от морского побережья.

Таблица 3

Схема зонирования приморских территорий

Пространственные уровни зонирования	Обобщенная ширина зон (от побережий)	Основные свойства, важные для устойчивого развития
Прибрежная зона	Территория до 50 км от береговой линии с размещением прибрежных центров, поселений	Характеристика береговой линии и ресурсные свойства морских побережий; природные ресурсы морских акваторий в пределах 200-мильной зоны; социально-экономический потенциал прибрежных поселений, как опорных центров освоения морских ресурсов, морского транспорта
Пояс мелких приморских районов	Территория шириной до 100 км от побережий, в границах приморских муниципальных районов	Выделение и характеристика акваториальных природно-ресурсных систем, структур природопользования; интегральных геосистем; социально-экономический потенциал поселений, удаленных от побережья
Пояс мезорайонов в пределах субъектов РФ	Территория шириной до 300 км от побережий, в границах приморских субъектов	Потенциал социально-экономического развития зон (субъектов); оценки природно-ресурсного потенциала и его динамики; инфраструктурного потенциала; членение территории и прилегающих акваторий, в том числе физико-географическое; природно-ресурсное, эколого-географическое, детальное социально-экономическое и др.; оценка приоритетных видов деятельности мелких районов, поселений

Базисную роль в устойчивом развитии приморских регионов играет региональное природопользование и его пространственные структуры [33]. Основным принципом их формирования и функционирования должно стать максимально длитель-

ное сохранение достаточного природно-ресурсного потенциала — как в наземных, так и в морских геосистемах. Следовательно, в качестве важнейшей задачи мониторинга регионального природопользования необходимо рассматривать слежение за динамикой природно-ресурсного потенциала наземных и морских геосистем в условиях их освоения и социально-экономического развития региона.

Нами было показано, что природные ресурсы и в пределах суши, и морские существуют не изолированно друг от друга, а в разнообразных связях и отношениях, то есть в виде территориальных и акватерриториальных природно-ресурсных сочетаний и систем [13; 33]. В связи с этим динамика этих отношений, в том числе добыча одного природного ресурса, в пределах целостной геосистемы ведет к изменениям других связанных с ним природных ресурсов, в том числе через межресурсные связи и механизмы геосистем.

Для того чтобы надежно оценивать и контролировать всю возможную сбалансированную динамику природных ресурсов акватерриториального региона, необходимо охватывать все их территориальные и акватерриториальные сочетания с межресурсными связями. Представляется, что в наличии тесных межресурсных связей в интегральных геосистемах состоят объективные причины несовместимости частной собственности на отдельные природные ресурсы и их зоны, в том числе морские, с принципами и достижением устойчивого развития. В связи с этим основным объектом оценок, планирования, освоения, управления и, соответственно, отношений собственности должны стать территориальные и акватерриториальные природно-ресурсные системы.

В социальной сфере следует добиваться резкого сокращения контрастов, различий в уровне доходов и качества жизни отдельных групп населения, как в стране, так и в регионах. Для приморских регионов более эффективными для достижения и поддержания устойчивого развития могут оказаться предприятия с коллективной (народной) формой собственности, в том числе и в сфере широкого освоения морских природных ресурсов. Это увязывается и с коллективной (народной) формой собственности на природные ресурсы суши и моря и их сочетания.

Большое влияние на достижение и, особенно, поддержание устойчивого развития приморских регионов оказывают геополитические факторы. Основным из них является геополитическое положение [32]. Отдельные составляющие последнего и их специфика в приморских регионах приводятся в таблице 4.

Таблица 4

**Сотдельные составляющие геополитического положения
и их особенности для приморских регионов**

Составляющая	Специфика
Соседство с регионами зарубежных стран	Соседство через те или иные морские акватории; возможно сочетание непосредственного соседства на территории и через морские акватории
Сходство и различия геополитического потенциала стран-соседей	Большую роль в геополитическом потенциале играет природно-ресурсный и транспортно-транзитный потенциал морских акваторий, в том числе и нереализованный в 200-мильной морской зоне
Вхождение определенной территории в международный трансграничный регион	Включение приморских регионов в трансграничные морские бассейны, необходимость установления тех или иных геополитических отношений по совместному комплексному морскому природопользованию с зарубежными странами, выходящими к этому морю
Наличие геополитических интересов и проблем у стран-соседей в пределах данного региона	Реальные или потенциальные геополитические интересы и проблемы, как правило, связанные с использованием морского природно-ресурсного и транспортно-транзитного потенциала и неурегулированностью морских границ

По сочетанию географических и геополитических факторов устойчивого развития можно выделить следующие основные типы приморских регионов (на примере российских).

1. Приморские регионы, выходящие к закрытым морям, не имеющим выхода в Мировой океан. К таким относятся, например, прикаспийские регионы.

2. Приморские регионы, входящие в трансграничные бассейны южных морей, прежде всего Черноморский и Средиземноморский.

3. Северо-западные приморские регионы, входящие в трансграничные бассейны Балтийского, а также Баренцева и Белого морей.

4. Приморские регионы, выходящие к арктическим морям — Карскому, морю Лаптевых, Восточно-Сибирскому и Чукотскому.

5. Дальневосточные приморские регионы, входящие в трансграничные бассейны Чукотского, Берингова, Охотского и Японского морей. По значительной общности в ориентации этих районов, с одной стороны, на природно-ресурсный и транспортно-транзитный потенциал Северной Пацифики, а с другой — на тихоокеанские рынки эти районы включаются нами в Тихоокеанскую Россию [13; 29].

Основным инструментом достижения и поддержания устойчивого развития в приморских регионах должно стать стратегическое планирование, охватывающее как их территориальную часть, так и акваториальную. При этом необходимо использовать имеющиеся подходы и методы иерархического территориального планирования для отдельных пространственных зон и разрабатываемые подходы морского пространственного планирования [28—30]. Например, в качестве основного объекта морского пространственного планирования следует выделять сегменты прибрежно-морского пространства [29]. Стратегическое планирование в целом должно базироваться на предплановом выделении и оценках ряда вариантов развития региона и выборе наиболее эффективного.

Следует подчеркнуть, что стратегическое планирование сбалансированного, устойчивого регионального развития не совместимо с сохранением крупной частной собственности в экономической сфере. Известно, что основным мотивом (и целью) последней является получение максимальной прибыли. Нередко это сводится к тому, что прибыль, которую получают в одном определенном районе с использованием его природных, инфраструктурных, социальных и научно-технических ресурсов, затем в виде частных инвестиций вкладывают в развитие других районов и даже стран. Разумеется, это подрывает экономическую базу устойчивого развития этого региона и выходит за рамки стратегического регионального планирования, направленного на достижение и поддержание устойчивого развития данного региона.

В качестве интегральных критериев устойчивого развития нами предложены показатели качеств регионального развития — экономического, социального и экологического [6; 10]. Экономические и социальные показатели качества отражают стабильные количественно-качественные приращения в экономической и социальной сферах региона. Экологический показатель — улучшение окружающей среды и минимальные сокращения природно-ресурсного потенциала региона в части невозобновимых ресурсов и несокращение в части возобновимых. Такие критерии необходимо использовать при оценке различных вариантов и выделении более эффективного варианта в стратегическом планировании региона, включая территориальное и морское пространственное.

В целом представляется, что учет географических и геополитических факторов в региональном развитии, например, Тихоокеанской России должен выражаться в следующем.

1. В вариантных оценках и расчетах при разработке программ долгосрочного развития, а также в последующем стратегическом планировании и управлении регион — Тихоокеанскую Россию — следует рассматривать как акваториальный, охватывающий прилегающую 200-мильную морскую экономическую зону со всем ее природно-ресурсным потенциалом. Долгосрочные региональные программы должны базироваться на современных геоинформационных системах с выделением и количественной оценкой сочетаний географических и геополитических факторов по отдельным пространственным зонам.

2. В программах долгосрочного развития этот регион следует рассматривать как важнейший, имеющий стратегическое значение для страны. Это связано с тем, что именно здесь Россия непосредственно выходит к крупнейшим странам мира: США, КНР, Японии с их очень большими геополитическими потенциалами [32].

3. В стимулировании с помощью различных инструментов его опережающего, устойчивого социально-экономического и инновационного развития.

4. В обеспечении существенно более высоких и надежных инвестиций в инфраструктуру, в глубокую переработку природных ресурсов, в том числе морских, а также в социальную сферу. В связи с этим, например, можно установить в системе государственно-частного партнерства норму — не менее 50 % государственных инвестиций на приоритетные проекты и виды деятельности, прежде всего морехозяйственные.

5. В использовании более значимых преференций на закрепление и прирост населения в регионе.

6. В подготовке для каждого трансграничного региона международных программ устойчивого развития и заключении международных долгосрочных договоров о координации в достижении и поддержании в этих регионах устойчивого природопользования и развития.

7. В мониторинге регионального природопользования и устойчивого развития с поддержанием высоких качеств регионального развития — социального, экономического и экологического, что позволит продемонстрировать соседним странам и их регионам высокий уровень жизни населения России и миролюбивые устремления нашей страны.

Заключение, основные выводы

Основным объектом оценок, анализа, стратегического планирования и управления региональным устойчивым развитием приморского района должен быть территориально-акваториальный регион в виде сочетания интегральных геосистем: наземных, прибрежно-морских и акваториальных.

Необходимы моделирование структурной динамики этого региона и на этой основе расчет прогнозных вариантов и выбор модели, соответствующей устойчивому развитию. Расчеты и оценки целесообразно проводить для различных иерархических уровней пространственного развития в пределах выделенных зон и отдельных поселений.

Для стратегического планирования следует привлекать разнообразную информацию, в том числе о соседних регионах и геосистемах, широко использовать при этом геоинформационные и цифровые технологии. В случае если приморский район входит в трансграничный регион, например в трансграничный речной или морской бассейн, необходимо использовать различную информацию по всему трансграничному региону. Это связано с наличием тесных взаимозависимостей в динамике, в том числе и в развитии отдельных частей трансграничных регионов и геосистем [10; 13; 18].

В конечном итоге целесообразно создание регионального мониторинга устойчивого развития, формирующегося на геоинформационной и цифровой основах, и периодического моделирования прогнозной динамики интегральных геосистем региона. Основой такого мониторинга должен стать мониторинг регионального природопользования, включающий оценку и использование географических и геополитических факторов.

Новые проблемы в устойчивом развитии приморских регионов вносит глобальное потепление климата. Возможны как благоприятные следствия, например улучшение условий судоходства в северных широтах и др., так и неблагоприятные — таяние многолетней мерзлоты, затопление низменных территорий побережий и др. В связи с этим роль географических факторов в устойчивом развитии приморских регионов возрастает.

Следует отметить, что в целом парадигма устойчивого развития стран и их регионов, утвердившись в конце XX века, остается наиболее привлекательной и в текущем XXI веке. Однако для ее практической реализации необходима существенная трансформация политико-экономических систем многих стран в целом.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-05-80006.

Список литературы

1. Агафонов, Н. Т., Исляев, Р. А. 1995, *Основные положения перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития*, Центр регионально-политических исследований и проектирования, СПб., 117 с.
2. Лавров, С. Б., Селиверстов, Ю. П. 1996, Концепция устойчивого развития: стереотипы и реальность (Концепция РГО), *Географические проблемы стратегии устойчивого развития природной среды и общества*, М., РАН, с. 42—47.
3. Кондратьев, К. Я. 1997, Глобальная экодинамика и устойчивое развитие: естественно-научные аспекты и «человеческое» измерение, *Известия РГО*, т. 129, № 6, с. 1—12.
4. Глазовский, Н. Ф. 1999, Цели, возможности и механизмы устойчивого развития на разных уровнях природно-социальных систем, *Географические аспекты проблемы перехода к устойчивому развитию стран Содружества независимых государств*, Киев, М., Объедин. научн. Совета по фонд. геогр. пробл. РАН, с. 21—35.
5. Тикунов, В. С., Цапук, Д. А. 1999, *Устойчивое развитие территории: картографо-геоинформационное обеспечение*, М., Смоленск, СГУ, 173 с.
6. Бакланов, П. Я. 2005, Устойчивое региональное развитие и роль географической науки, *Университетская география. Материалы юбилейной научной конференции*, М., Геогр. ф-т МГУ, с. 30—40.
7. *Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России*, 2002, М., КМК, 444 с.
8. Gallopin, G. C., Raskin, P. 1998, Windows on the Future: Global Scenarios and Sustainability, *Environment*, № 40, p. 6—11, 26—31.
9. Тулохонов, А. К. 1999, *Байкальские регионы: проблемы устойчивого развития*, Новосибирск, Наука, 208 с.
10. Бакланов, П. Я. 2001, *Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития*, Владивосток, Дальнаука, 144 с.
11. Винокуров, Ю. И., Красноярова, Б. А., Овдиенко, В. И. и др. 2003, *Устойчивое развитие Сибирских регионов*, Новосибирск, Наука, 240 с.
12. Семенов, Ю. М., Белов, А. В., Суворов, Е. Г. и др. (ред.) 2007, *Географические исследования Сибири*, Т. 1. Структура и динамика геосистем, Новосибирск, изд-во «Гео», 413 с.
13. Бакланов, П. Я., Каракин, В. П. (ред.) 2010, *Геосистемы Дальнего Востока на рубеже XX и XXI веков*, Т. II. Природные ресурсы и региональное природопользование, Владивосток, Дальнаука, 560 с.

14. *Towards a Green Economy. Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. A Synthesis for Policy Makers*, 2011, UNEP, 43 p.
15. *Sustainability Development. The UK Strategy Report*, 1994, SD 2426, London, 20 p.
16. Тишков, А. А., Корытный, Л. М. (рук. кол); Сдасюк, Г. В., Клюев, Н. Н. (отв. ред.) 2012, *Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию*, М., Товарищество научных изданий КМК.
17. Wehong, C., Baklanov, P. Ya. (eds.) 2009, *Sustainable Development and cyclic economy informatization, Science and Technology of China* Publishing House, Beijing, 512 p. (in Chinese).
18. Федоров, Г. М., Корнеевец, В. С. 2009, Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход, *Балтийский регион*, № 2, с. 32—42. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2009-2-3>.
19. Sikka, G., Yenneti, K., Singh, R. B. 2021, IGU-YECG, Special Issue: Geospatiality And Sustainable Development Goals, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 14, № 1, p. 6—8. doi: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2020-196>.
20. Бабурин, В. Л. 2019, Устойчивость экономик стран Большого Балтийского региона к циклам конъюнктуры, *Балтийский регион*, т. 11, № 1, с. 4—13. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-1>.
21. Barinova, V. A., Zemtsov, S. P. 2020, Inclusive Growth and Regional Sustainability of Russia, *Regional Research of Russia*, № 10, p. 10—19. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970520010025>.
22. Кузнецова, А. Л. 2015, О направлениях создания устойчивой и динамичной экономики Калининградской области, *Балтийский регион*, т. 5, № 3, p. 83—95. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-7>.
23. Kudryavtseva, O. V., Malikova, O. I., Egorov, E. G. 2021, Sustainable Urban Development And Ecological Externalities: Russian Case, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 14, № 1, p. 81—90. doi: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2020-151>.
24. Волощенко, К. Ю., Михайлова, А. А. 2012, Инновационные факторы и условия устойчивого развития сельских территорий, *Балтийский регион*, № 3, с. 79—87. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-3-7>.
25. Eremchenko, E., Tikunov, V., Strobl, J., Del Mastro, A., Monaco, F. 2021, Sustainable Development: Understanding The Least Resource Base, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 14, № 1, p. 25—32. doi: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2020-119>.
26. Seliverstov, V. E., Melnikova, L. V. 2013, Analysis of strategic planning in regions of the Siberian Federal District, *Regional Research of Russia*, № 3, p. 96—102. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970513010097>.
27. Скатерщиков, С. В., Чистобаев, А. И. 2014, Принципы территориального планирования и их реализация в Европейском союзе и Российской Федерации, Балтийский регион, № 1 (19), p. 104—112. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-1-9>.
28. Эйлер, Ч. Н. 2014, *Обзор мирового опыта в области морского пространственного планирования*, М., Всемирный фонд дикой природы (WWF), 136 с.
29. Бакланов, П. Я. 2018, Морское пространственное планирование: теоретические аспекты, *Балтийский регион*, т. 10, № 2, с. 76—85. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-5>.
30. Domingues-Tejo, E., Metternicht, G., Johnston, E., Hedge, L. 2016, Marine Spatial Planning Advancing the Ecosystem-Based Approach to Coastal Zone Management: A review, *Marine Policy*, № 72, p. 115—130. doi: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2016.06.023>.
31. Волощенко, К. Ю., Кузнецова, А. Л. 2014, Опыт разработки и применения балансовой модели управления региональным развитием в специфических территориальных условиях, *Балтийский регион*, № 3, p. 4—21. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-3-1>.
32. Бакланов, П. Я. 2020, Геополитические факторы в региональном развитии, *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, № 4, с. 75—83. doi: <https://doi.org/10.24866/1815-0683/2020-4/75-83>.
33. Baklanov, P. Y. 2019, Spatial structures of nature management in regional development, *Geography and Natural Resources*, t. 40, № 1, p. 1—8. doi: <https://doi.org/10.1134/S1875372819010013>.
34. Дружинин, А. Г. 2020, Опорные базы морского побережья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности, *Балтийский регион*, т. 12, № 3, с. 89—104. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>.

Об авторе

Петр Яковлевич Бакланов, доктор географических наук, академик РАН, научный руководитель, Тихоокеанский институт географии, Дальневосточное отделение РАН, Россия; профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия.

E-mail: baklanov@tigdvo.ru

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF COASTAL REGIONS: GEOGRAPHICAL AND GEOPOLITICAL FACTORS AND LIMITATIONS

P. Ya. Baklanov

The Pacific Geographical Institute
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
7 Radio St., Vladivostok, Russia, 690041
Far Eastern Federal University
10 Ayax Bay, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922

Received 20.06.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-1
© Baklanov, P. Ya. 2022

Having formed at the end of the 20 th century, the concept of spatial development retains its relevance today. Yet, it is associated with a range of problems with its practical implementation and theoretical vindication, especially at a regional level. Attaining sustainable regional development, understood as a steady progress balanced across the economy, social industries and environmental protection, has been deemed impossible without identifying and considering regional development factors, such as geographical and economic-geographical position, environmental conditions and their geographical diversity, natural resource and their location, spatial features of the economy and the settlement structure. Coastal regions are affected by sundry other factors, such as the presence of a seacoast, viewed as a special resource, access to maritime transport and the availability of marine resources, including renewable ones, which are essential for sustainable development. The geopolitical situation of a region and the components of this situation are considered as geopolitical factors. Other limitations include extreme natural processes and events (large waves, tsunamis, typhoons etc.) The article aims to show that an integral geographical system or a combination thereof covering a region should be considered as the most appropriate object for assessment, planning and management of sustainable development, which is based on regional nature management including water and land resources. It is proposed that sustainable development criteria include economic, social and environmental metrics of regional development. Strategic marine and spatial planning and the monitoring of regional environmental management and development are identified as principal tools for attaining and maintaining sustainable development.

Keywords:

water and land region, integrated geosystem, coastal zone, sustainable development, geographical factors, natural resources, geopolitical situation, strategic planning, monitoring

References

1. Agafonov N. T., Islyayev R. A. 1995, *Osnovnye polozheniya perekhoda Rossiiskoi Federatsii na model' ustoichivogo razvitiya* [Basic Provisions for the Transition of the Russian Federation to a Sustainable Development Model], Central Political Research and Development, St. Petersburg, 117 p. (in Russ.).
2. Lavrov, S. B., Seliverstov, Yu. P. 1996, The concept of sustainable development: stereotypes and reality (Concept of the Russian Geographical Society), *Geograficheskie problemy strategii ustoichivogo razvitiya prirodnoi sredy i obshchestva* [Geographical problems of the strategy of sustainable development of the natural environment and society], Moscow, RAS, p. 42–47 (in Russ.).
3. Kondratiev, K. Ya. 1997, Global Ecodynamics and Sustainable Development: Natural Science and the Human Dimension, *Regional Research of Russia*, vol. 129, no. 6, p. 1–12 (in Russ.).
4. Glazovsky, N. F. 1999, Goals, opportunities and mechanisms of sustainable development at different levels of natural and social systems. In: *Geograficheskie aspekty problemy perekhoda k ustoichivomu razvitiyu stran Sodruzhestva nezavisimykh gosudarstv* [Geographic Aspects of the Problem of Transition to Sustainable Development in the Countries of the Commonwealth of Independent States], Kiev, M., Association. scientific Fund Council. geogr. prob. RAS, p. 21–35 (in Russ.).
5. Tikunov, V. S., Tsapuk, D. A. 1999, *Ustoichivoe razvitie territorii: kartografo-geoinformatsionnoe obespechenie* [Sustainable development of the territory: cartographic and geoinformation support], M., Smolensk, SGU, 173 p. (in Russ.).
6. Baklanov, P. Ya. 2005, Sustainable Regional Development and the Role of Geographic Science. In: *Universitetskaya geografiya. Materialy yubileinoi nauchnoi konferentsii* [University geography. Materials of the anniversary scientific conference], M., Geogr. Faculty of Moscow State University, p. 30–40 (in Russ.).
7. *Perekhod k ustoichivomu razvitiyu: global'nyi, regional'nyi i lokal'nyi urovni. Zarubezhnyi opyt i problemy Rossii* [Transition to sustainable development: global, regional and local levels. Foreign experience and problems of Russia], 2002, M., KMK, 444 p. (in Russ.).
8. Gallopin, G. C., Raskin, P. 1998, Windows on the Future: Global Scenarios and Sustainability, *Environment*, no. 40, p. 6–11, 26–31.
9. Tulokhonov, A. K. 1999, *Baikal'skie regiony: problemy ustoichivogo razvitiya* [Baikal regions: problems of sustainable development], Novosibirsk, Nauka, 208 p. (in Russ.).
10. Baklanov, P. Ya. 2001, *Dal'nevostochnyi region Rossii: problemy i predposylki ustoichivogo razvitiya* [Far East region of Russia: problems and prerequisites for sustainable development], Vladivostok, Dalnauka, 144 p. (in Russ.).
11. Vinokurov, Yu. I., Krasnoyarova, B. A., Ovdienko, V. I. et al. 2003, *Ustoichivoe razvitie Sibirskikh regionov* [Sustainable Development of the Siberian Regions], Novosibirsk, Nauka, 240 p. (in Russ.).
12. Semenov, Yu. M., Belov, A. V., Suvorov, E. G. et al. (eds.) 2007, *Geograficheskie issledovaniya Sibiri* [Geographical studies of Siberia], T. 1. Struktura i dinamika geosystem [Structure and dynamics of geosystems], Novosibirsk, Geo Publishing House, 413 p. (in Russ.).
13. Baklanov, P. Ya., Karakin, V. P. (red.) 2010, *Geosistemy Dal'nego Vostoka na rubezhe XX i XXI vekov* [Geosystems of the Far East at the turn of the 20th and 21st centuries], T. II. Prirodnye resursy i regional'noe prirodopol'zovanie [Natural resources and regional nature management], Vladivostok, Dalnauka, 560 p. (in Russ.).
14. *Towards a Green Economy. Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. A Synthesis for Policy Makers*, 2011, UNEP, 43 p.
15. *Sustainability Development. The UK Strategy Report*, 1994, SD 2426, London, 20 p.
16. Tishkov, A. A., Korytny, L. M. (hand. count); Sdasyuk, G. V., Klyuev, N. N. (responsible editor) 2012, *Rossiya i ee regiony: integratsionnyi potentsial, riski, puti perekhoda k ustoichivomu razvitiyu* [Russia and Its Regions: Integration Potential, Risks, Ways of Transition to Sustainable Development], M., Association of Scientific Publications KMK, Moscow (in Russ.).
17. Wehong, C. Baklanov, P. Ya. (eds.) 2009, *Sustainable Development and cyclic economy informatization, Science and Technology of China* Publishing House, Beijing, 512 p. (in Chinese)
18. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S. 2009, Trans-Border Regions in the System of the Regional Hierarchy: the Systemic Approach, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 26–33. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-2-3>.

19. Sikka, G., Yenneti, K., Singh, R.B. 2021, IGU-YECG, Special Issue: Geospatiality And Sustainable Development Goals, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 14, no. 1, p. 6—8. doi: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2020-196>.
20. Baburin, V.L. 2019, The resistance of the greater Baltic region states to market cycle changes, *Balt. Reg.*, vol. 11, no. 1, p. 4—13. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-1>.
21. Barinova, V.A., Zemtsov, S.P. 2020, Inclusive Growth and Regional Sustainability of Russia, *Regional Research of Russia*, no. 10, p. 10—19. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970520010025>.
22. Kuznetsova, A. 2015, Towards a Stable and Dynamic Economy in the Kaliningrad Region, *Balt. Reg.*, vol. 5, no. 3, p. 83—95. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-7>.
23. Kudryavtseva, O.V., Malikova, O.I., Egorov, E.G. 2021, Sustainable Urban Development And Ecological Externalities: Russian Case, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 14, no. 1, p. 81—90. doi: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2020-151>.
24. Voloshenko, K., Michailova, A. 2012, Innovative factors and conditions of sustainable development of rural territories, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 79—87. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-3-7>.
25. Eremchenko, E., Tikunov, V., Strobl, J., Del Mastro, A., Monaco, F. 2021, Sustainable Development: Understanding The Least Resource Base, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 14, no. 1, p. 25—32. doi: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2020-119>.
26. Seliverstov, V.E., Melnikova, L.V. 2013, Analysis of strategic planning in regions of the Siberian Federal District, *Regional Research of Russia*, no. 3, p. 96—102. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970513010097>.
27. Skaterschikov, S.V., Chistobaev, A.I. 2014, Spatial planning in the European Union and the Russian Federation, *Balt. Reg.*, no. 1 (19), p. 104—112. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-1-9>.
28. Eiler, Ch.N. 2014, *Obzor mirovogo opyta v oblasti morskogo prostranstvennogo planirovaniya* [Survey of World Experience in Marine Spatial Planning], M., World Wildlife Fund (WWF), 136 p. (in Russ.).
29. Baklanov P.Ya. 2018, Marine Spatial Planning: Theoretical Aspects, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 2, p. 76—85. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-5>.
30. Domingues-Tejo, E., Metternicht, G., Johnston, E., Hedge, L. 2016, Marine Spatial Planning Advancing the Ecosystem-Based Approach to Coastal Zone Management: A review, *Marine Policy*, no. 72, p. 115—130. doi: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2016.06.023>.
31. Voloshenko, K., Kuznetsova, A. 2014, The Balance Model of Regional Development Management in Certain Territorial Conditions: Development and Application, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 4—21. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-3-1>.
32. Baklanov, P.Ya. 2020, Geopolitical factors in regional development, *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs policy of Russia in the Far East], no. 4, p. 75—83. doi: <https://doi.org/1024866/1815-0683/2020-4/75-83> (in Russ.).
- 33.0 Baklanov, P.Y. 2019, Spatial structures of nature management in regional development, *Geography and Natural Resources*, T. 40, no. 1, p. 1—8. doi: <https://doi.org/10.1134/S1875372819010013>.
34. Druzhinin, A.G. 2020, The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 3, p. 89—104. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>.

The author

Prof. Petr Ya. Baklanov, Fellow of the Russian Academy of Sciences; Research Director, Pacific Geographical Institute Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia; Professor, Far Eastern Federal University, Russia.

E-mail: baklanov@tigdvo.ru

«МОРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

А. Г. Дружинин

Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105
Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

Поступила в редакцию 25.12.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-2
© Дружинин А. Г., 2022

Формирование (с конца 1960-х годов) «морской ветви» российской (советской) экономической (социально-экономической) географии стало не только значимой составляющей дифференциации географической науки, расширения ее предметно-объектного поля, но и прямым следствием стремительного роста морехозяйственной активности, общего «поворота» страны (ее экономики, военной инфраструктуры, селитебной системы) к Мировому океану. В статье на библиографическом и наукометрическом материалах рассматриваются основные факторы, особенности и приоритеты развития российской социально-экономической географии Мирового океана непосредственно в постсоветский период. Особое внимание уделено «эффекту колеи» в формировании научного направления (сложившееся профессиональное сообщество, базовая тематика, стартовые концепты), а также генерированию новых «точек роста» и предметно-проблемных областей морской общественной географии. Показано, что данная субдисциплина в первые годы после распада СССР демонстрировала высокую инерционность и резистентность, постепенно тем не менее маргинализируясь, утрачивая изначально присущие ей черты научного мейнстрима. Интерес к морской тематике стал возрождаться лишь с первой половины 2000-х годов, обретая новый импульс десятилетие спустя в связи с морскими трансграничными исследованиями, анализом геополитических и геоэкономических аспектов морехозяйственной активности, акцентом на специфике приморских порубежных территорий (включая учет потенциала и рисков их социально-экономического развития в системе континентально-океанической дихотомии). Сделан вывод, что дальнейшая реализация «морского вектора» в геостратегии Российской Федерации создает пролонгированный запрос на развитие отечественной общественной географии Мирового океана, включая ее необходимую «гуманизацию», а также активное вовлечение в процессы общегеографического синтеза. Идентифицированы основные центры современной исследовательской и научно-издательской активности России в области «морской» общественной географии, показано, что значимое место в их ряду занимает Калининград (Балтийский федеральный университет им. И. Канта).

Ключевые слова:

социально-экономическая география, морская тематика, развитие науки, морская активность, исследовательские центры, Россия

Для цитирования: Дружинин А. Г. «Морская составляющая» общественно-географических исследований в постсоветской России: основные тренды и приоритеты развития // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 17–33. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-2.

Введение

«История науки, — полагал выдающийся теоретик социально-экономической географии Ю. Г. Саушкин, — более всего нужна именно в бурные, переломные периоды ее развития» [1, с. 7]. Наблюдаемая ныне, в первые десятилетия XXI века, кардинальная трансформация сложившегося ранее и казавшегося практически неизблемым глобального миропорядка [2; 3], равно как и неизбежное в этой ситуации переосмысление превалирующих исследовательских подходов, установок, парадигм (сопровожаемое характерным для любого рода кризисов и потрясений ощущением «покидания гавани» [4, с. 7]) — требует особо четкого, сфокусированного внимания к трендам, логике и детерминантам развития той или иной области (сферы) научного знания, ее отдельных предметно-сфокусированных направлений. В особой мере это относится к отечественной общественной географии, вынужденной реагировать на устойчиво прирастающий спектр присущих ей фундаментальных и прикладных задач в том числе и формированием новых и новых своих направлений, субдисциплин.

С конца 1960-х — начала 1970-х годов в сфере внимания нашего профессионального экономико-географического сообщества оказывается морская тематика (благодаря трудам А. П. Алхименко, П. Я. Бакланова, В. А. Дергачёва, С. Б. Лаврова, В. В. Покшишевского, С. С. Сальникова, С. Б. Слевича и др.), культивируемая в рамках особого рода институционализированной экономической (социально-экономической) географии Мирового океана, стремительно развивающейся, поддерживаемой научными лидерами, обретшей привлекательность и признание [5]. Именно на три последних советских десятилетия (ставших в эволюции отечественной географической научной мысли периодом, вне сомнения, наиболее ярким и продуктивным) пришелся масштабный «поворот» экономики СССР, его инфраструктуры и селитебной системы к Мировому океану, к его ресурсам и коммуникациям [6], сопровождавшийся все явственнее укореняющимся восприятием страны как не только «континентальной», но и, одновременно, «морской» державы [7]. Наша наука реагировала на эти изменения, анализировала их траекторию, прочерчивала пространственный контур.

Последующий постсоветский период стал для морской составляющей отечественной социально-экономической (общественной) географии в значительной мере трансформационным, связанным с ее разнонаправленной (в том числе и негативной по тональности) динамикой, озаменованным дополнительными возможностями, вызовами, рисками. Столь необходимом в связи с существенно видоизменившимися условиями и форматами морехозяйственной активности реосвоение нашей страной акваторий (и побережий) Мирового океана, акцентированное во множестве государственных нормативных документов (от принятой еще в 1992 году программы «Возрождение торгового флота России на 1993—2000 годы» до утвержденной в 2019 году новой редакции «Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года»), при этом неизбежно предполагало (и инициирует ныне!) его общественно-географическое «сопровождение», то есть фактически дальнейшее развитие ранее сформировавшегося научного направления. Меняющееся геополитическое и геоэкономическое положение России в современной Евразии [8] лишь актуализирует, четче фокусирует эту магистральную задачу. Цель статьи — выявление (с опорой на библиографическую и наукометрическую аналитику) основных тенденций и достижений в постсоветских российских «морских» (и «приморских») общественно-географических исследованиях, идентификация ведущих экспертов и сложившихся «центров активности» в этой сфере, обоснование для нее как текущих, так и долгосрочных научно-теоретических и прикладных приоритетов.

«Эффект колеи» в динамике российской экономической географии Мирового океана в первые постсоветские годы: основные проявления

В постсоветский период морская экономико-географическая тематика, продолжая оставаться значимой составляющей общественно-географического знания, стала тем не менее терять статус былого научного «мейнстрима», утрачивать сверхпривлекательность и элитарность. Ее траектория в 1990-е — первой половине 2000-х годов предопределялась уже не столько непосредственно четким «социальным заказом» (советское морское наследие, включая и его научную составляющую, оказалось дезинтегрированным и в целом пребывало в системном упадке [9; 10]), сколько ранее сложившейся структурой науки, инкорпорированным в методологию пониманием «земноводности» [11, с. 500] ее предмета, а также инерцией динамики предшествующих лет, своего рода «эффектом колеи». Последний позволил, кстати, даже в условиях охватившего науку кризиса, дополняемого коррекцией тематических и методологических приоритетов [12], продолжать культивировать и популяризировать «морскую проблематику», одновременно частично адаптируя ее к новым российским географическим и политико-экономическим реалиям.

В постсоветских морских общественно-географических исследованиях устойчиво сохранялся, в частности, оформившийся еще в 1970-е годы (и абсолютно созвучный тому периоду) выраженный «экономический крен», предполагающий преимущественное внимание именно хозяйственным структурам и процессам. Вопреки рыночным метаморфозам в научном дискурсе неизменно (и, подчеркну, учитывая особую роль комплексобразования именно в «морских» сферах, вполне оправданно!) циркулировало и понятие «морехозяйственного комплекса» (в публикациях А. П. Алхименко, Г. В. Батуровой, Г. Г. Гогоберидзе, В. В. Ивченко, А. В. Мошкова и др.). Превалировали (следуя традиции) и отраслевые разработки с акцентом прежде всего на портовое хозяйство и морской транспорт (А. А. Романенко [13]), а также рыбодобычу в Мировом океане (А. П. Алексеев, С. И. Никоноров [14], Г. Д. Титова [15], В. В. Ивченко [16]). Именно эти отрасли уже в первой половине 1990-х годов, кстати, первыми испытали посткризисный подъем, стали (в особой мере — ведущие морские порты) значимыми «полюсами роста» как всего морского хозяйства страны, так и экономики непосредственно приморских территорий.

В русле укорененных еще в советский период фундаментальных методологических идей о сопряженности аквального (морского) и территориального как императиве географического анализа и наряду с этим сущностной характеристике пространственной организации, в том числе в условиях нашей страны [11], продолжала культивироваться приморская регионалистика [17], воспроизводились представления о приморской зоне [18], акцентировался «сдвиг» хозяйства к побережьям [19]. Соответствующая проблематика превалировала и в подготовленных в первые постсоветские годы диссертационных исследованиях: прибрежные зоны в Западной Европе и Европейской России (С. А. Фадеев, 1998), Севастопольский приморский регион и его структура хозяйства (Т. Е. Александрова, 1998), зонирование Черноморского побережья России в целях рационального природопользования (О. А. Чуканова, 2004), Петропавловск-Елизовская агломерация (Л. М. Илюшкина, 2004), портово-хозяйственные зоны Российского Приазовья (К. А. Армагян, 2004), города азово-черноморского побережья Краснодарского края (А. А. Филобок, 2004), транспортная инфраструктура Азово-Черноморского побережья России (В. В. Шестернин, 2005).

Само исследовательское пространство «морской тематики» сохраняло при этом свою приуроченную к приморским городам асимметричную полицентричность. В ее формате благодаря «исторической колее» все 1990-е годы безусловным ве-

дущим центром оставался Санкт-Петербург (Ленинград), где регулярно публиковались тематические сборники научных статей (в том числе и приуроченные к съездам Русского географического общества [20]), а также специализирующиеся на экономической географии Мирового океана отдельные монографии и брошюры [21; 22]. Аквально-территориальные структуры и процессы продолжали приоритетным образом рассматриваться и в регионоведческих работах ведущих исследователей Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток) [23].

К началу 2000-х годов «эффект колеи» советской географии в целом тем не менее иссякал, постепенно уходили и бывшие лидеры, адепты ее «морского направления» (С. Б. Лавров — в 2000 году, С. Б. Слевич — в 2006 году, А. П. Алхименко — в 2012 году). Однако на этом фоне уже с середины 2000-х годов сама Россия в целом (экономика, селитебная система) стала все явственнее вновь «поворачиваться» к Мировому океану [24], актуализируя тем самым возрастающую потребность в наращивании активности и в сфере «морского» общественно-географического анализа.

Ренессанс российских морских экономико-географических исследований: важнейшие факторы и векторы

С середины 2000-х годов в Российской Федерации обозначился многоаспектный и весьма четко выраженный новый «всплеск» интереса к морской тематике, совмещавший следование ранее сложившейся исследовательской традиции с ее аппликацией (и адаптацией) к новым условиям и форматам (включая пространственные) активности в акваториях Мирового океана, равно как и на опоясывающих страну побережьях.

Восстановительный по своему базовому вектору, инерционный по тематике и инструментарию и при этом во многом предопределивший потенциал последующего развития (в рамках механизма «социальной эстафеты») ренессанс российской экономической географии Мирового океана, пришедший на «нулевые» годы XXI столетия, проявился по целому ряду знаковых направлений.

Во-первых, в обобщении факторов, особенностей и трендов динамики морского хозяйства уже непосредственно в формате Российской Федерации (весьма показателен и информативен в этом отношении тематический сборник «Морехозяйственный комплекс России», изданный в 2005 году в Санкт-Петербурге под редакцией А. П. Алхименко).

Во-вторых, в попытке системно проанализировать текущее состояние и приоритеты российских общественно-географических исследований в рамках разработки на географическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова гранта РФФИ (под руководством Н. С. Мироненко), целиком сфокусированного на проблематике Мирового океана [25].

В-третьих, в крайне значимом теоретическом обосновании феномена континентально-океанической дихотомии (базирующемся, в свою очередь, на сформулированных еще в начале 1920-х годов «евразийских» идеях П. Н. Савицкого), представленного в первой (и пока единственной) за весь постсоветский период докторской диссертации по специальности 25.00.24 (ныне — 1.6.13), посвященной учету «фактора моря» в пространственном развитии (с акцентом на его экстерналии для внутриконтинентальных территорий страны) и защищенной в 2006 году Л. А. Безруковым [26].

В-четвертых, в новом осмыслении проблематики районирования Мирового океана («взаимосвязанного с сушей» [27]), в первую очередь в публикациях Г. Г. Гогоберидзе.

Ренессанс «морской составляющей» в общественной географии оказался сопряжен также с последовательной реконцептуализацией ряда крупных российских макрорегионов именно как аквально-территориальных структур (что в дальнейшем предельно ярко проявилось в развиваемой П. Я. Баклановым и его коллегами-дальневосточниками идее «Тихоокеанской России» [28; 29]) либо территорий с обширными, превалирующими приморскими зонами и высокой степенью «морезависимости» их селитебных и хозяйственных подсистем (Арктика с ее «морским фасадом» [30], Юг России, включая его черноморское и каспийское побережья [31], а также российский Северо-Запад [32]). Это, в свою очередь, обеспечило заделы для дальнейшего (столь необходимого в условиях сложившихся углубляющихся диспропорций в пространственном развитии [33]) сфокусированного экономико-географического анализа приморских зон и регионов (включая рассмотрение различных аспектов формирования в их пределах инициированных геоэкономическими процессами транспортно-логистических коридоров [34] и портово-индустриальных комплексов [35]).

Благодаря научно-образовательной конъюнктуре, а также многоаспектному возрождению внимания к теоретико-методологическим аспектам исследований достаточно многочисленными в 2000-е годы оказались и защищенные по морской тематике кандидатские диссертации (табл. 1).

Таблица 1

**Число авторефератов диссертаций* по «морской тематике»
в рамках специальности 25.00.24 (сейчас — 1.6.13),
размещенных в электронной базе Российской государственной библиотеки****

Диссертации	Временной период защиты диссертаций, годы				Авторефераты (2003—2018)
	2003—2007	2008—2012	2013—2017	2018—2019	
Всего	310	262	142	33	747
В том числе по «морской тематике»	11	5	4	0	20
Доля диссертаций по «морской тематике», %	3,5	1,9	2,8	0	2,7

Примечание: * Кандидатских и докторских.

** Проанализирована тематика всех имеющихся в базе авторефератов по специальности «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» за 2003—2019 годы (авторефераты вне данного временного интервала в электронной библиотеке, к сожалению, не представлены); принадлежность «морской тематике» определялась на основе учета зафиксированного в названии объекта (морские акватории, приморские территории), а также предмета исследований (пространственная организация различных видов морехозяйственной активности, включая приморские формы расселения).

Источник: составлено автором по данным Российской государственной библиотеки на ноябрь 2021 года (<https://sigla.rsl.ru>).

Характерно, что первоначально (в рамках «колеи» советской экономической географии Мирового океана, а также специфики первых постсоветских лет) в совокупности защищенных диссертационных работ превалировали производственные и хозяйственно-экологические аспекты: нефтегазовые проблемы Каспийского региона (М. Г. Жулинский, 2006), комплексное освоение прибрежной зоны Черного моря (С. Л. Сычёв, 2006), промышленная марикультура в Российском Причерноморье (Ю. Б. Елецкий, 2007), экологический менеджмент в морских портах Балтийского региона (К. Д. Шелест, 2007), рыбохозяйственная система Краснодарского края (Е. В. Буссель, 2009). Однако уже в конце 2000-х годов доминирующее (впрочем,

существенно сократившееся) число защит оказалось посвящено туристско-рекреационной тематике: роли Темрюкского района в Азово-Черноморском рекреационном комплексе (Д. С. Веселов, 2007), Геленджика в рекреационной системе Черноморского побережья (Е. В. Мысливка, 2011), рекреационному природопользованию на Соловецких островах (Д. Ю. Поликин, 2011), региональным особенностям рекреационного освоения черноморского побережья (Д. Н. Фокин, 2012), месту Сочи в курортно-рекреационной системе черноморского побережья (С. В. Бутт, 2012), рекреационному водопользованию в Севастополе (Н. Ф. Лазицкая, 2014), индустрии туризма Океании (М. В. Гущина, 2016). И подобное структурное изменение, как видится, лишь отчасти было данью недолговечной научной «моде», отражая в большей мере начавшуюся (в сопоставлении с социально-экономической географией в целом с запаздыванием практически на 30 лет) «социологизацию» экономической географии Мирового океана, ее трансформацию в широкую по спектру интересов географо-обществоведческую субдисциплину. На этом фоне прирастали возможности для сокращения возникшей в постсоветский период предметно-содержательной дистанции между «морскими» и «сухопутными» общественно-географическими исследованиями для укоренения и тиражирования в общественной географии Мирового океана различного рода инструментальных инноваций, равно как и для роста «мореориентированности» всего нашего профессионального сообщества.

Новые импульсы и тренды в динамике «морской составляющей» общественно-географических исследований в современной России

С начала — середины 2010-х годов «морская ветвь» отечественной общественной (социально-экономической) географии обретает дополнительные импульсы и грани. Дальнейший рост морехозяйственной активности страны, ее все более заметное и целенаправленное позиционирование в Мировом океане [36] обеспечили предпосылки для диверсификации рассматриваемой субдисциплины, расширения «фронта» исследований (включившего в себя систему морских трубопроводов [37], судостроение [38] и др.) со смещением акцента на инфраструктурное обеспечение морских интересов России и ее крупнейших корпораций [39], на кластеризацию и комплексное образование [40; 41].

Наметившееся (весьма позитивное и продуктивное!) «сближение» морских исследований с другими областями общественно-географического знания воплотилось в идентификации (и анализе) морской тематики в таких динамичных, пропульсивных направлениях нашей науки, как трансграничная регионалистика (в ее фокусе оказались трансграничные морские регионы, причем, в особой мере, Балтика [42]), а также геополитика (в русле фундаментальных общепланетарных геостратегических изменений также начавшая вновь, два десятилетия спустя после первых постановочных отечественных работ [43], постепенно проявлять свой «морской вектор» [44—46]).

Рост для России геополитической значимости как в целом Мирового океана, так и (в еще большей мере) опоясывающих страну морских акваторий создал предпосылки для морских исследований на стыке с популярной в последние годы лимологией. Это воплотилось не только в заметном росте внимания к вопросам приморской регионалистики (включая межрегиональную компаративистику [47], типологию приморских территорий [48]), но и в обосновании концепта морского порубежья Российской Федерации как континуально-дискретного общественно-географического образования, особо значимого для геополитики страны и ее геоэкономических интересов, формируемого и интегрируемого иерархическим соразвитием ведущих морехозяйственных центров («опорных баз» [49]).

Характерная для последнего десятилетия выраженная регионализация морских общественно-географических исследований позволила прирастить и укрепить сеть специализирующихся на «морской тематике» российских научных центров (в их ряду значимое место заняли Калининград, Краснодар, Ростов-на-Дону, Симферополь). Дополнительными «драйверами» активности в области социально-экономической географии Мирового океана оказались при этом такие новые для страны обстоятельства, как включение в ее состав Крымского полуострова (ставшего одним из ключевых объектов морской политики страны [50]), «посткрымское» позиционирование Калининградской области в Балтийском регионе (где существенно возросшие риски [51] и ресурсные барьеры развития противоречиво сочетаются с устойчивой привлекательностью приморских территорий для населения [52]), а также декларируемое (и отчасти уже реализуемое) смещение приоритетов пространственного развития страны как «на восток», так и в Арктическую зону, воплотившееся в целой плеяде соответствующих постановочных и обзорно-аналитических работ [53—56].

Существенный импульс современной активизации российских морских географических исследований придала и их финансовая поддержка со стороны Российского научного фонда (в 2015—2021 годах на базе Южного федерального университета реализованы крупные межрегиональные сетевые проекты «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий Европейской России» и «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»), а также Русского географического общества (грант «Российская Балтика: состояние, проблемы, перспективы»), обеспечившего условия для проведения в ноябре 2017 года в Санкт-Петербурге первой в стране научной конференции «Проблемы морского пространственного планирования».

На фоне возрастания геостратегической значимости приморских территорий и тяготеющих к ним морских акваторий проявились и разноплановые попытки вычленить общественно-географическую специфику собственно «приморского» (в расселении, миграциях, инновационной активности и т. п. [57—59]). Одновременно были озвучены концептуальные представления о «факторе моря» в пространственном развитии, о «мореориентированности» общества и его территориальных структур, о сопряженности «морского» и «внутриконтинентального» в общественно-географической динамике [60].

Фиксируя многоаспектные проявления развития современной российской социально-экономической географии Мирового океана, следует одновременно констатировать сочетание присущих данной субдисциплине позитивных трендов с консервацией ее сложившегося в первые постсоветские годы местоположения как в целом достаточно периферийной области научного знания, явления «второго эшелона». Морская тематика испытывает существенный кадровый дефицит (в настоящее время к ней тяготеет не более 5% от общей численности российских географов-обществоведов¹), а также недостаток достоверной социально-экономической (и экономической — в особой мере!) информации. Невысока и неустойчива (по отдельным годам) презентация морских исследований в ведущих профильных периодических изданиях (табл. 2).

¹ Показатель определен с учетом численности профессионального сообщества российских географов-обществоведов (установленной исходя из Реестра членов Ассоциации российских географов-обществоведов, представленного на сайте Ассоциации <https://www.argorussia.ru/>, и оценки, произведенной ранее А. И. Трейвишем), а также авторского экспертного анализа численности российских географов-обществоведов, имеющих публикации, предметно-объектно «выходящие» на тематику социально-экономической географии Мирового океана.

Таблица 2

**Ведущие российские периодические научные издания
географического профиля, опубликовавшие в 2016—2020 годах
статьи по морской общественно-географической тематике**

Научное издание	Число опубликованных статей					
	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Балтийский регион	5	4	3	3	2	17
Известия РГО	1	2	2	2	1	8
Вестник АРГО	3	—	—	—	3	6
Известия РАН. Сер. Географическая	1	1	1	1	1	5
Географический вестник	—	2	—	—	3	5
География и природные ресурсы	1	1	—	—	1	3
Региональные исследования	1	1	0	1	0	3
Всего по всем изданиям	12	11	6	7	11	47

Источник: составлено автором по данным <https://www.elibrary.ru>; при формировании выборки периодических изданий (по результатам общественной экспертизы все они входят в первую десятку рейтинга российских научных журналов по направлению «география») и их дальнейшем ранжировании использован базовый критерий: число публикаций по «морской тематике».

Арьергардное развитие российской социально-экономической географии Мирового океана (заведомо невыигрышное в ситуации общей стагнации науки, в том числе российской [61]) предопределяется также ее слабой инновационностью и прикладной ориентированностью, равно как и недостаточностью «стыковки» между морской тематикой и иными областями общественно-географического знания. Ситуация порождает существенный диссонанс между актуализацией морских исследований и возможностями их реализации в рамках имеющегося научного инструментария и сложившейся тематики, что требует преодоления.

Приоритетные задачи и важнейшие перспективные направления развития российской социально-экономической географии Мирового океана

На современном этапе в России в разработке морской тематики (в ее общественно-ведческих, социально-экономических аспектах) вновь (как и полвека назад) нужен системный, качественный «рывок», вмещающий в себя как дальнейшее ускоренное формирование (и обособление) исследований Мирового океана и его побережий в качестве относительно самостоятельной субдисциплины, равнозначной другим направлениям общественной географии, так и развитие морской ветви нашей науки «вширь» и «вглубь» на основе реализации ее интеграционного потенциала, способности к междисциплинарной, международной кооперации и заимствованиям в изучении межсредовых акваториальных структур и процессов.

Развитие «вширь» предполагает прежде всего завершение пролонгированного процесса трансформации изначально сложившейся (и преваляровавшей практически весь постсоветский период) экономической географии Мирового океана в «морскую составляющую» общественной географии. Здесь важна не только дальнейшая «гуманизация» морских исследований (с акцентом на ускоренное «доформирование» их геокультурологического «пласта», включая вопросы «морской культуры», «приморской идентичности», образа тех или иных морских акваторий, кросс-культурного взаимодействия в приморских зонах и т. п.), но и тиражирование, укрупнение морской тематики за пределами собственно субдисциплины, своего рода «мореориентированность» всей общественной географии (предполагающая внима-

ние к «морским» пространственным структурам и процессам со стороны всех без исключения разделов общественной географии). Успех в этом направлении создаст предпосылки для решения и более общей, актуализированной, фундаментальной задачи — «маринизации» географической картины мира в контуре пространства русского языка и российской культуры.

Основной вектор развития «вглубь» связан, как видится, с разработкой инструментария рассмотрения «морского» и «внутриконтинентального» в их сложной, многоаспектной, противоречивой сопряженности, взаимообусловленности. Заделы в этом направлении пока представлены немногочисленными публикациями по проблематике хинтерландов крупных морских портов (наподобие Новороссийского, Усть-Луги, Находки и др. [62; 63], охватывающих подавляющую часть российского пространства, включая и географически удаленные от моря территории). Не менее востребованы и исследования роли глобальных изменений (природно-климатических, технико-технологических и др.) в действии «фактора моря», его проекции на пространственную организацию общества, включая полимасштабное акваториальное системообразование (с крайне необходимым для современной России акцентом на формирования центрo-периферийных структур «морских» регионов во взаимосвязи с геополитическими и геоэкономическими процессами). Требуют своего включения в арсенал отечественной общественной географии Мирового океана и современные (непрерывно совершенствуемые, нарабатываемые) технологии научного поиска: коммуникационные, аналитические, когнитивные (включая использование потенциала искусственного интеллекта, больших баз данных и т. п.).

В текущем XXI столетии морское хозяйство страны развивается как часть глобальной структуры; его важнейшие компоненты в высокой степени интернационализированы, а приморские регионы в своей массе включены в трансграничные акваториальные структуры в качестве «двойной» и «тройной» периферии. Учет данного обстоятельства, а также императива «национализации» (и регионализации) позитивных эффектов присутствия России, ее корпораций в акваториях Мирового океана призван стать одной из первостепенных задач уже отчасти формирующейся (в том числе и постановочными работами в области морского планирования [64]) «морской составляющей» регулирования пространственного развития страны, ее встраивания в общую систему менеджмента на федеральном, региональном, муниципальном и корпоративном уровнях. Необходима в данном контексте и общая интернационализация отечественных морских исследований в области общественной географии, включающая как «продвижение» за рубеж россиеориентированной морской повестки, так и (что не менее важно!) создание условий (лингвистических, инструментарных, информационных) для повышения статуса и признания российских наработок по Мировому океану, восприятия, осмысления (критического, в соотнесении с условиями Российской Федерации) наиболее значимых трендов, подходов и достижений, циркулирующих в глобальном научном пространстве.

Заключение

Эволюция науки (в ее национально, геокультурно очерченных форматах) неотделима от судеб, исторических траекторий соответствующих народов, стран, цивилизаций. Став неотъемлемой составляющей предметно-объектной сферы советской (русской) социально-экономической географии, проблематика Мирового океана лишь в первые после распада СССР годы оказалась «в тени», отошла на «второй план», с середины 2000-х годов вновь актуализируясь, обретая (усилиями трех поколений географов) дополнительные импульсы в своей динамике, демонстрируя новые содержательные грани. «Морские» позиции и интересы современ-

ной России, ее четко озвученные геостратегические перспективы и приоритеты² — создают безусловный запрос на дальнейшее развитие отечественной общественной географии Мирового океана.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ 22-28-00022 «Геоэкономические и геополитические детерминанты трансформации центрo-периферийных структур в трансграничных «морских» регионах: концептуализация, мониторинг и моделирование в интересах государственного управления (на материалах Балтики, Каспия и Причерноморья)» в Южном федеральном университете.

Список литературы

1. Саушкин, Ю. Г. 1980, Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., Просвещение, 269 с.
2. Бордачёв, Т. 2021, Когда России станут безразличны соседи, *ВЗГЛЯД*, 13 августа 2021, URL: <https://vz.ru/opinions/2021/8/13/1113574.html> (дата обращения: 08.11.2021).
3. Барабанов, О., Бордачёв, Т., Лисоволик, Я., Лукьянов, Ф., Сушенцов, А., Тимофеев, И. 2018, Жизнь в осыпающемся мире. Доклад Международного дискуссионного клуба Валдай, октябрь 2018, 25 с., URL: <https://gu.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 08.11.2021).
4. Кузнецов, Б. Г. 1972, *Философия оптимизма*, М., Мысль, 358 с.
5. Сальников, С. С. 1984, Экономическая география океана — новое перспективное направление экономической и социальной географии, *Советская география*, Л., Наука, с. 231 — 242.
6. Дружинин, А. Г. 2016, «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации, *Известия РАН. Серия географическая*, с. 10 — 19.
7. Горшков, С. Г. 1976, *Морская мощь государства*, М., Воениздат, 416 с.
8. Druzhinin, A. G. 2020, Eurasian Vectors of Maritime Economic Activity of Russia, *Geogr. Nat. Resour.*, no. 41, p. 99 — 107.
9. Алхименко, А. П. 2005, Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы, *Морехозяйственный комплекс России*, СПб., с. 5 — 25.
10. Дергачёв, В. А. 2021, Районирование Мирового океана против «сухого закона» в географии, Катровский, А. П., Шувалов, В. Е., Агирречу, А. А. (ред.) *Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика*, сборник научных статей, Смоленск, Изд-во Смоленского государственного университета, с. 91 — 98.
11. Саушкин, Ю. Г. 1973, *Экономическая география: история, теория, методы, практика*, М., Мысль, 559 с.
12. Колосов, В. А., Мироненко, Н. С., Петров, Н. В., Трейвиш, А. И. 1996, Российская общественная география первой половины 90-х годов, *Известия РАН. Серия географическая*, № 3, с. 17 — 27.
13. Романенко, А. 1999, Морское судоходство и судостроение на пути к XXI веку, *Мировой океан на пороге XXI века*, СПб., РГО, с. 103 — 128.
14. Алексеев, А. П., Никоноров, С. И. 2005, *Географическая среда как фактор развития прибрежного рыболовства и марикультуры*, СПб., РГО, 178 с.
15. Титова, Г. Д. 2003, *Кризис мирового рыболовства: экономические и правовые проблемы*, СПб., РГО, 77 с.
16. Ивченко, В. В. 2008, Рыбopомышленный комплекс Калининграда: от стагнации к возрождению, *Вестник РГУ им. И. Кант. Сер.: Экономические и юридические науки*, № 3, p. 63 — 68.

² Морская доктрина Российской Федерации, 2021, Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/555631869> (дата обращения: 16.11.2021); Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года, 2019, Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/37755/> (дата обращения: 16.11.2021).

17. Матрусов, Н. Д. 1992, О развитии приморских регионов России в современных условиях, *Региональная организация и управление морехозяйственными комплексами страны*, СПб., Русск. геогр. об-во, с. 50—52.
18. Пустовгаров, В. И. 2004, *Пространственное планирование устойчивого развития приморской рекреационной зоны Калининградской области*: дис. канд. геогр. наук, Калининград, 178 с.
19. Дружинин, А. Г. 2004, Экономический потенциал приморской зоны: понятийно-терминологические основы концепции, *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, № 4, с. 38—47.
20. *География мирового океана и картография. Труды XI съезда Русского географического общества*, 2000, Т. 3. Тез. докл. XI съезда РГО, Архангельск, 2000, СПб., Рус. геогр. О-во, 205 с.
21. Алхименко, А. П., Цветков, В. Ю. 2002, *Балтийское море: Международный природно-хозяйственный регион*, СПб., РГО, 45 с.
22. Алхименко, А. П. (отв. ред.) 2007, *Северный морской путь: состояние, проблемы, перспективы*, Русское географическое о-во, Северо-Западный НИИ культурного и природного наследия, СПб., 223 с.
23. Бакланов, П. Я., Мошков, А. В. 2021, Экономико-географические исследования в Тихоокеанском институте географии, *Тихоокеанская география*, № 1 (5), с. 6—20.
24. Druzhinin, A. 2019. The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia, *Quaestiones Geographicae*, vol. 38, no. 2, Wydawnictwo Naukowe, Poznań, p. 91—100.
25. Мироненко, Н. С. (ред.) 2008, *Общественно-географические проблемы освоения пространства и ресурсов мирового океана*, СПб., М., Аспект Пресс, 192 с.
26. Безруков, Л. А. 2008, *Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии*, Новосибирск, Гео, 369 с.
27. Гогоберидзе Г. Г. 2007, *Комплексное районирование приморских территорий Мирового океана*, СПб., Изд-во РГГМУ, 396 с.
28. Бакланов, П. Я. 2015, Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития, *Известия Российской академии наук. Сер. географическая*, № 5, с. 8—19.
29. Котляков, В. М., Бакланов, П. Я. (отв. ред.). 2020, *Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Дальний Восток*, М., Paulsen, 237 с.
30. Пилясов, А. Н. 2010, Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона, *ЭКО*, № 12, с. 54—75.
31. Дружинин, А. Г. (ред.). 2016, *Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели*, Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ, 236 с.
32. Дружинин, А. Г., Клемешев А. П., Федоров Г. М. и др. 2018, *Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации*, Сер. Научная мысль Балтийского федерального университета, М., ИНФРА-М, 216 с.
33. Кузнецова, О. В. 2019, Проблемы выбора приоритетов пространственного развития, *Вопросы экономики*, № 1, с. 146—157. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-146-157>.
34. Шелест, К. Д. 2004, Балтийские транспортные коридоры и российские геоэкономические интересы, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7: Геология. География*, № 3, с. 88—93.
35. Орлова, В. Г. 2012, Портово-промышленные зоны: условия и источники развития, *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, № 8 (133), с. 115—120.
36. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S. 2021, Russia in the World Ocean: Interests and Lines of Presence, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 336—348.
37. Потоцкая, Т. И. 2018, Геополитический аспект современного транспортно-географического положения России, *Известия РАН. Сер. географическая*, № 3, с. 5—17.
38. Лачининский, С. С., Шендрик, А. В. Васильева, В. А. 2020, Судостроительная отрасль в Северо-Западном федеральном округе: факторы и приоритеты развития, особенности локализации, *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, № 2—3 (61—62), p. 134—140.

39. Александрова, Т. Е. 2010, *Морская инфраструктура России: теория, основные этапы развития, проблемы*, СПб., АврораДизайн, 352 с.
40. Батурова, Г. В. 2012, Региональные морехозяйственные кластеры как основа социально-экономического развития приморских территорий, *Транспортное дело России*, Т. 6, № 2, с. 40—42.
41. Дружинин, А. Г. 2017, *Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экзистические эффекты*, Ростов-на-Дону, Изд-во Южного федерального университета, 421 с.
42. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 2008, *Россия на Балтике: 1990—2007 гг.*, Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта.
43. Слевич, С. Б. 1989, Политическая география океана: вопросы теории, *Политическая география и современность: тенденции становления научного направления*, Л., Наука, с. 78—86.
44. Корзун, В. А. 2005, *Интересы России в Мировом океане в новых геополитических условиях*, М., Наука, 522 с.
45. Безруков, Л. А. 2015, Политико-географические проблемы делимитации Севера и Арктики России, *География и природные ресурсы*, № 4, с. 68—80. doi: <https://doi.org/10.1134/S187537281504006X>.
46. Бакланов, П. Я., Романов, М. Т. 2013, Морская составляющая геополитического положения тихоокеанской России, *Устойчивое природопользование в прибрежно-морских зонах*, материалы международной конференции, с. 25—27.
47. Махновский, Д. Е. 2014, Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков, *Балтийский регион*, № 4, с. 59—78. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-4-4>.
48. Федоров, Г. М., Корнеевец, В. С. 2015, Социально-экономическая типологизация приморских регионов России, *Балтийский регион*, № 4, с. 121—134. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-4-7>.
49. Дружинин, А. Г. 2020, «Опорные базы» морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности, *Балтийский регион*, Т. 12, № 3, с. 89—104. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>.
50. Вольхин, Д. А. 2016, «Приморский фактор» социально-экономической и демографической динамики Крыма, *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*, № 5, с. 154—169.
51. Худoley, К. К. 2016, Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки, *Балтийский регион*, № 1, с. 7—25. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>.
52. Федоров, Г. М., Кузнецова, Т. Ю., Разумовский, В. М. 2017, Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области, *Известия Русского географического общества*, Т. 149, № 3, с. 15—31.
53. Шматков, А. В. 2013, Центры морской хозяйственной деятельности в Арктической зоне России, *Экономика и предпринимательство*, № 3 (32), с. 93—97.
54. Вардомский, Л. Б. 2019, Северный морской путь как механизм обеспечения связанности Большой Евразии, *Мир перемен*, № 2, с. 129—140.
55. Лаженцев, В. Н. 2015, Социально-экономическая география и междисциплинарный синтез в изучении Севера и Арктики России, *Пространственная экономика*, № 4, с. 117—130.
56. Бакланов, П. Я. 2020, Территория опережающего развития как звено территориальных социально-экономических систем в их динамике, *Тихоокеанская география*, № 4 (4), с. 14—24.
57. Lachininskii, S. S., Sorokin, I. S., Mikhaylov, A. S. et al. 2019, Coastal cities and agglomeration in the innovative stage of western Russia, *Regional Research of Russia*, Т. 9, № 4, p. 396—405.
58. Михайлов, А. С. 2019, Приморские агломерации в трансформации национального инновационного пространства, *Балтийский регион*, Т. 11, № 1, с. 29—42. doi: <https://doi.org/10.5922/10.5922/2079-8555-2019-1-3>.
59. Михайлов, А. С., Горочная, В. В., Хвалеи, Д. В., Гуменюк, И. С. 2020, Специфика инновационного развития приморских регионов России: дивергенция севера и юга, *Балтийский регион*, Т. 12, № 3, с. 105—126. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-7>.

60. Дружинин, А. Г. 2021, *Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ*, Ростов-на-Дону, Изд-во Южного федерального университета, 270 с.

61. Шупер, В. А. 2020, Самоорганизация на переломе. Траектории социально-экономического развития: вызовы для России, *Известия Российской академии наук. Сер. географическая*, № 1, с. 147—155. doi: <https://doi.org/10.31857/S2587556620010173>.

62. Ермакова, Н. А. 2012, Опыт классификации хинтерландов морских портово-промышленных комплексов, *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, № 3, с. 57—63.

63. Дец, И. А. 2017, Подходы к идентификации и делимитации хинтерландов крупных морских портов на примере Новороссийска и Санкт-Петербурга, *Географический вестник*, № 4, с. 60—68.

64. Бакланов, П. Я. 2018, Морское пространственное планирование: теоретические аспекты, *Балтийский регион*, Т. 10, № 2, с. 76—85. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-5>.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

THE MARINE COMPONENT OF HUMAN GEOGRAPHY STUDIES IN POST-SOVIET RUSSIA: KEY TRENDS AND DEVELOPMENT PRIORITIES

A. G. Druzhinin

Southern Federal University
105 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don,
344006, Russia

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
29 Staromonentny pereulok, Moscow, 119017, Russia

Received 25.12.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-2

© Druzhinin, A. G., 2022

Originated in the 1960s, the 'marine branch' of Soviet, and later Russian, economic and social geography contributed to the diversification of geographical science and expanded its scope. The new branch was a product of the rapid growth of the marine economy and the country's military infrastructure and settlement system starting to gravitate towards the World Ocean. This article uses bibliographical and scientometric materials to explore the factors, features and priorities of the development of the Russian post-Soviet human geography of the World Ocean. Special attention is paid to path dependence in the evolution of this branch of geography (associated with the established professional community, the fundamental research themes and the basic concepts) and the emergence of new growth poles within the scope of

To cite this article: Druzhinin, A. G. 2022, The marine component of human geography studies in Post-Soviet Russia: key trends and development priorities, *Balt. Reg.*, 2022. Vol. 14, no. 1. p. 17—33. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-2.

marine human geography. Although this subdiscipline showed a high degree of resilience in the first years after the demise of the USSR, it became marginalised from the scientific mainstream. The interest in marine studies revived only in the early 2000s, gaining momentum after a decade of desolation. The renaissance was due to new transboundary marine research, the analyses of the geopolitical and geoeconomic aspects of the marine economy and close attention given to coastal border areas (particularly the prospects and risks of the socio-economic development of these territories within the continent-ocean dichotomy). The marine focus of Russia's geostrategy will generate steady demand for a national human geography of the World Ocean, including its inevitable humanities component. Another trend is the involvement of marine human geography in cross-branch geographical synthesis. The study also identifies Russian research and publication centres excelling at marine human geography.

Keywords:

human geography, marine studies, development of science, marine economy, research centres, Russia

References

1. Saushkin, Yu. G. 1980, *Geograficheskaya nauka v proshlom, nastoyashchem, budushchem* [Geographical science in the past, present, and future, Moscow, Enlightenment], 269 p. (in Russ.).
2. Bordachev, T. 2021, When Russia will become indifferent to neighbors, *VZGLYAD*, August 13, 2021, available at: <https://vz.ru/opinions/2021/8/13/1113574.html> (accessed 8.11.2021) (in Russ.).
3. Barabanov, O., Bordachev, T., Lisovolik, Ya., Lukyanov, F., Sushentsov, A., Timofeev, I. 2018, *Zhizn' v osypayushchemsya mire* [Life in a crumbling world], Report of the Valdai International Discussion Club, October 2018, 25 p. available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (accessed 8.11.2021) (in Russ.).
4. Kuznetsov, B. G. 1972, *Filosofiya optimizma* [Philosophy of optimism], Moscow, Mysl, 358 p. (in Russ.).
5. Salnikov, S. S. 1984, Economic geography of the ocean — a new promising direction of economic and social geography, *Sovetskaya geografiya* [Soviet Geography], L., Nauka, p. 231 — 242. (in Russ.).
6. Druzhinin, A. G. 2016, “Marine component” of Russian social geography: traditions and innovations, *Regional Research of Russia*, p. 10—19.
7. Gorshkov, S. G. 1976, *Morskaya moshch' gosudarstva* [The sea power of the state], M., Voenizdat, 416 p. (in Russ.).
8. Druzhinin, A. G. 2020, Eurasian Vectors of Maritime Economic Activity of Russia, *Geogr. Nat. Resour.*, no. 41, p. 99—107.
9. Alkhimenko, A. P. 2005, The marine economic complex of Russia: development trends and problems. In: *Morekhozyaistvennyi kompleks Rossii* [Marine economic complex of Russia], St. Petersburg, p. 5—23 (in Russ.).
10. Dergachev, V. A. 2021, Zoning of the World Ocean against the “dry law” in geography. In: Katrovsky, A. P., Shuvalov, V. E., Agirrechu, A. A. (eds.) *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Socio-economic geography: history, theory, methods, practice], collection of scientific articles, Smolensk, Publishing House of Smolensk State University, p. 91—98 (in Russ.).
11. Saushkin, Yu. G. 1973, *Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic geography: history, theory, methods, practice], Moscow, Mysl, 559 p.
12. Kolosov, V. A., Mironenko, N. S., Petrov, N. V., Trayvish, A. I. 1996, Russian public geography of the first half of the 90s, *Regional Research of Russia*, no. 3, p. 17—27 (in Russ.).
13. Romanenko, A. 1999, Maritime shipping and shipbuilding on the way to the XXI century. In: *Mirovoi okean na poroge XXI veka* [The world Ocean on the threshold of the XXI century], St. Petersburg, RGO, p. 103—128 (in Russ.).
14. Alekseev, A. P., Nikonorov, S. I. 2005, *Geograficheskaya sreda kak faktor razvitiya pri-brezhnogo rybolovstva i marikul'tury* [Geographical environment as a factor in the development of coastal fishing and mariculture], St. Petersburg, RGO, 178 p. (in Russ.).

15. Titova, G.D. 2003, *Krizis mirovogo rybolovstva: ekonomicheskie i pravovye problemy* [The crisis of world fisheries: economic and legal problems], St. Petersburg, RGO, 77 p. (in Russ.).
16. Ivchenko, V.V. 2008, The fishing industry complex of Kaliningrad: from stagnation to revival, *Vestnik RGU im. I. Kant. Seriya: Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Bulletin of the I. Kant Russian State University. Economic and Legal Sciences], no. 3, p. 63—68 (in Russ.).
17. Matrusov, N.D. 1992, On the development of the primorsky regions of Russia in modern conditions. In: *Regional'naya organizatsiya i upravlenie morekhozyaistvennymi kompleksami strany* [Regional organization and management of marine economic complexes of the country], Saint Petersburg, Russk. Geographical region, p. 50—52 (in Russ.).
18. Pustovgarov, V.I. 2004, *Prostranstvennoe planirovanie ustoichivogo razvitiya primorskoj rekreatsionnoy zony Kaliningradskoy oblasti* [Spatial planning of sustainable development of the primorsky recreational zone of the Kaliningrad region], PhD Thes., Kaliningrad, (in Russ.).
19. Druzhinin, A.G. 2004, Economic potential of the Primorsky zone: conceptual and terminological foundations of the concept, *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences], no. 4, p. 38—47 (in Russ.).
20. *Geografiya mirovogo okeana i kartografiya. Trudy XI s"ezda Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Geography of the world ocean and cartography. Proceedings of the XI Congress of the Russian Geographical Society], 2000, Vol. 3. XI Congress of the Russian Geographical Society, Arkhangel'sk, 2000, abstracts, St. Petersburg, RGO, 205 p. (in Russ.).
21. Alkhimenko, A.P., Tsvetkov, V.Yu. 2002, *Baltiiskoe more: Mezhdunarodnyi prirodno-khozyaistvennyi region* [The Baltic Sea: International natural and economic region], St. Petersburg, RGO, 45 p. (in Russ.).
22. Alkhimenko, A.P. (ed.) 2007, *Severnyi morskoi put': sostoyanie, problemy, perspektivy* [The Northern Sea Route: state, problems, prospects], Russian Geographical Area, North-Western Research Institute of Cultural and Natural Heritage, St. Petersburg, 223 p. (in Russ.).
23. Baklanov, P.Ya., Moshkov, A.V. 2021, Economic and geographical studies at the Pacific Institute of Geography, *Tikhookeanskaya geografiya* [Pacific Geography], no. 1 (5), p. 6—20 (in Russ.).
24. Druzhinin, A. 2019, The sea factor in the spatial and socio-economic dynamics of today's Russia, *Quaestiones Geographicae*, vol. 38, no. 2, Boducki Wydawnictwo Naukowe, Poznań, p. 91—100.
25. Mironenko, N.S. (ed.) 2008, *Obshchestvenno-geograficheskie problemy osvoeniya prostranstva i resursov mirovogo okeana* [Socio-geographical problems of the development of space and resources of the world ocean], Moscow, Aspect Press, 192 p. (in Russ.).
26. Bezrukov, L.A. 2008, *Kontinental'no-okeanicheskaya dikhotomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii* [Continental-oceanic dichotomy in international and regional development], Novosibirsk, Academic publishing house "Geo", 369 p.
27. Gogoberidze, G.G. 2007, *Kompleksnoe raionirovanie primorskikh territorii Mirovogo okeana* [Complex zoning of the coastal territories of the World Ocean], St. Petersburg, Publishing house of RGGMU, 396 p. (in Russ.).
28. Baklanov, P.Ya. 2015, Pacific Russia: geographical and geopolitical factors of development, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 5, p. 8—19. (in Russ.).
29. Kotlyakov, V.M., Baklanov, P.Ya. 2020, *Sovremennaya Rossiya: geograficheskoe opisaniye nashego Otechestva. Dal'nii Vostok* [Modern Russia: geographical description of our Fatherland. The Far East], Moscow, Paulsen, 237 p. (in Russ.).
30. Pilyasov, A.N. 2010, Arctic Mediterranean: prerequisites for the formation of a new macroregion, *ECO*, no. 12, p. 54—75 (in Russ.).
31. Druzhinin, A.G. (ed.) 2016, *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie primorskikh territorii Evropeiskoi chasti Rossii: faktory, trendy, modeli* [Socio-economic development of the coastal territories of the European part of Russia: factors, trends, models], Rostov-on-Don, Publishing House of the Southern Federal University, 236 p. (in Russ.).
32. Druzhinin, A.G., Klemeshev A.P., Fedorov G.M. et al. 2018, *Primorskie zony Rossii na Baltike: faktory, osobennosti, perspektivy i strategii transgranichnoi klasterizatsii* [Coastal zones of Russia in the Baltic: factors, features, prospects and strategies of cross-border clustering], Ser. Scientific thought of the Baltic Federal University, Moscow, "INFRA-M", 216 p. (in Russ.).
33. Kuznetsova, O.V. 2019, Trade-offs of spatial development priorities choice, *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, p. 146—157. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-146-157>.

34. Shelest, K. D. 2004, Baltic transport corridors and Russian geo-economic interests, *Vestnik of Saint Petersburg University. Geology. Geography*, no. 3, p. 88—93 (in Russ.).
35. Orlova, V. G. 2012, Port-industrial zones: conditions and sources of development, *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki* [Izvestiya of the Southern Federal University. Technical sciences], no. 8 (133), p. 115—120 (in Russ.).
36. Druzhinin, A. G., Lachininskii, S. S. 2021, Russia in the World Ocean: Interests and Lines of Presence, *Regional Research of Russia*, vol. 11, no. 3, p. 336—348.
37. Pototskaya, T. I. 2018, The geopolitical aspect of the modern transport and geographical position of Russia, *Regional Research of Russia*, no. 3, p. 5—17.
38. Lachininskii, S. S., Shendrik, A. V. Vasilyeva, V. A. 2020, Shipbuilding industry in the North-Western Federal District: factors and priorities of development, localization features, *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [The economy of the North-West: problems and prospects of development], no. 2—3 (61—62), p. 134—140 (in Russ.).
39. Alexandrova, T. E. 2010, *Morskaya infrastruktura Rossii: teoriya, osnovnye etapy razvitiya, problemy* [Marine infrastructure of Russia: theory, main stages of development, problems], St. Petersburg, Avrora design, 352 p. (in Russ.).
40. Baturova, G. V. 2012, Regional marine clusters as the basis of socio-economic development of coastal territories, *Transportnoe delo Rossii* [Transport business of Russia], no. 6(2), p. 40—42 (in Russ.).
41. Druzhinin, A. G. 2017, *Transgranichnoe klasteroobrazovanie v primorskikh zonakh Evropeiskoi chasti Rossii: factory, modeli, ekonomicheskie i ekisticheskie efekty* [Cross-border cluster formation in the coastal zones of the European part of Russia: factors, models, economic and economic effects], Rostov-on-Don, Southern Federal University Press, 421 p. (in Russ.).
42. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2008, *Rossiya na Baltike: 1990—2007 gg.* [Russia in the Baltic: 1990—2007], Kaliningrad, Publishing House of the I. Kant Russian State University (in Russ.).
43. Slevich, S. B. 1989, Political geography of the ocean: questions of theory. In: *Politicheskaya geografiya i sovremennost': tendentsii stanovleniya nauchnogo napravleniya* [Political geography and modernity: trends in the formation of a scientific direction], L., Nauka, p. 78—86 (in Russ.).
44. Korzun, V. A. 2005, *Interesy Rossii v Mirovom okeane v novykh geopoliticheskikh usloviyakh* [Russia's interests in the World Ocean in new geopolitical conditions], Moscow, Nauka, 522 p. (in Russ.).
45. Bezrukov, L. A. 2015, Political-geographical problems of delimitation of Russia's North and Arctic, *Geography and Natural Resources*, vol. 36, no. 4 p. 358—368. doi: <https://doi.org/10.1134/S187537281504006X>.
46. Baklanov, P. Ya., Romanov, M. T. 2013, The marine component of the geopolitical situation of Pacific Russia, *Ustoichivoe prirodopol'zovanie v pribrezhno-morskikh zonakh* [Sustainable nature management in coastal-marine zones], Materials of the international conference, p. 25—27 (in Russ.).
47. Makhno, D. E. 2014, The Coastal Regions of Europe: Economic Development at the Turn of the 20th Century, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 50—66. doi: [10.5922/2074-2079-8555-4-4](https://doi.org/10.5922/2074-2079-8555-4-4).
48. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S. 2015, Socioeconomic typology of Russia's coastal regions, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 89—101. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-4-7>.
49. Druzhinin, A. G. 2020, The strongholds of Russian coastal borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 3, p. 89—104. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-6>.
50. Volkhin, D. A. 2016, “Primorsky factor” of socio-economic and demographic dynamics of the Crimea, *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers and Social Scientists], no. 5, p. 154—169 (in Russ.).
51. Khudoley, K. K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 4—16. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-1>.
52. Fedorov, G. M., Kuznetsova, T. Yu., Razumovsky, V. M. 2017, The influence of the proximity of the sea on the development of the economy and settlement of the Kaliningrad region, *Regional Research of Russia*, vol. 149, no. 3, p. 15—31.

53. Shmatkov, A. V. 2013, Centers of marine economic activity in the Arctic zone of Russia, *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship], no. 3 (32), p. 93–97 (in Russ.).
54. Vardomsky, L. B. 2019, The Northern Sea Route as a mechanism for ensuring the connectivity of Greater Eurasia, *Mir peremen* [The World of Change], no. 2, p. 129–140 (in Russ.).
55. Lazhentsev, V. N. 2015, Socio-economic geography and interdisciplinary synthesis in the study of the North and the Arctic of Russia, *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], no. 4, p. 117–130 (in Russ.).
56. Baklanov, P. Ya. 2020, Territory of advanced development as a link of territorial socio-economic systems in their dynamics, *Tikhookeanskaya geografiya* [Pacific geography], vol. 4, no. 4, p. 14–24 (in Russ.).
57. Lachininskii, S. S., Sorokin, I. S., Mikhaylov, A. S., Samusenko, D. N., Mikhaylova, A. A. 2019, Coastal cities and agglomeration in the innovative stage of western Russia, *Regional Research of Russia*, vol. 9, no. 4, p. 396–405.
58. Mikhaylov, A. S. 2019, Coastal agglomerations and the transformation of national innovation spaces, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 29–42. doi: <https://doi.org/10.5922/10.5922/2079-8555-2019-1-3>.
59. Mikhaylov, A. S., Gorochnaya, V. V., Hvalev, D. V., Gumenyuk, I. S. 2020, Innovative development of Russian coastal regions: north-south divergence, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 3, p. 105–126. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-7>.
60. Druzhinin, A. G. 2021, *Idei klassicheskogo evraziistva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskii analiz* [The ideas of classical Eurasianism and modernity: socio-geographical analysis], Rostov-on-Don, Publishing House of the Southern Federal University, 270 p. (in Russ.).
61. Shuper, V. A. 2020, Self-organization at the trajectory turning point: Challenges for Russia, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 1. p. 147–155. doi: <https://doi.org/10.31857/S2587556620010173>.
62. Ermakova, N. A. 2012, Experience of classification of hinterlands of sea port-industrial complexes, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Izvestiya of St. Petersburg State University of Economics], no. 3, p. 57–63 (in Russ.).
63. Dets, I. A. 2017, Approaches to identification and delimitation of hinterlands of large seaports on the example of Novorossiysk and St. Petersburg, *Geograficheskii vestnik* [Geographical Bulletin], no. 4, p. 60–68 (in Russ.).
64. Baklanov, P. Ya. 2018, Marine Spatial Planning: Theoretical Aspects, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 2, p. 76–85. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-5>.

The author

Prof. Alexander G. Druzhinin, Director, North Caucasus Institute for Economic and Social Research, Southern Federal University, Russia; Leading Research Fellow, Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdru9@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

АДАПТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ К НОВОМУ ЦЕЛЕВОМУ ПОКАЗАТЕЛЮ РАЗВИТИЯ НЕСЫРЬЕВОГО ЭКСПОРТА

П. Л. Глухих

П. Л. Глухих
Институт экономики Уральского отделения
Российской академии наук,
620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29

Поступила в редакцию 30.04.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-3
© Глухих П. Л., 2022

В изменившихся в 2020 году условиях хозяйствования Правительство РФ выбрало одним из четырех факторов устойчивого экономического роста поддержку несырьевого неэнергетического экспорта. Вызовом является не только достижение нового целевого показателя, но и проблема отсутствия достаточных условий для системной диверсификации российского экспорта. Актуальным становится развитие методологии нормативного институционального отражения целевых показателей несырьевого неэнергетического экспорта в правовых актах регионов. Поэтому цель исследования — совершенствование методологии разработки целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта для региональных стратегий как институционального фактора диверсификации экономики. Исследование носит поисковый характер, его методическая особенность — использование качественного и количественного контент-анализа с элементами автоматизированного частотного анализа текста нормативно-правовых документов. Научная значимость и новизна исследования заключается в разработанной классификации целевых показателей несырьевого неэнергетического экспорта, вносящей вклад в теорию экспортной стратегии региона. Проведенный анализ стратегий социально-экономического развития позволил подтвердить гипотезу, что не у всех регионов СЗФО приоритеты и целевые показатели развития несырьевого неэнергетического экспорта соответствовали федеральному законодательству. Практическую значимость представляют предложенные рекомендации по адаптации показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта.

Ключевые слова:

содействие экспорту, региональная программа экспорта, сырьевая зависимость, диверсификация, анализ текста, контент-анализ

Введение

Проблема сырьевой зависимости российского хозяйства актуальна в теории и практике уже не одно десятилетие. Актуальность этой проблемы изменилась после обновления национальных целей (лето 2020 года). Центральной идеей уточненной экономической политики России на ближайший период становится стратегия устойчивого роста ВВП с темпом выше среднемирового уровня. Вся архитектура актуализированной политики, по замыслу первого заместителя председателя Пра-

---

Для цитирования: Глухих П. Л. Адаптация региональных стратегий к новому целевому показателю развития несырьевого экспорта // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 34–55. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-3.

вительства РФ Андрея Белоусова, выстраивается таким образом, чтобы «задействовать те факторы, где имеются существенные резервы для ускорения»¹. Обоснованием такого подхода, по его словам, является проведенная «тщательная оценка вклада» следующих факторов в экономический рост:

- ускорение инвестиций;
- развитие малого и среднего предпринимательства;
- поддержка несырьевого неэнергетического экспорта;
- повышение производительности труда.

Не умаляя значение других факторов, в рамках данного исследования остановимся только на внешнеэкономическом факторе. По озвученным оценкам, «увеличение несырьевого неэнергетического экспорта» дает примерно 0,4 п.п. «дополнительного ежегодного прироста ВВП»². Таким образом, данный фактор на 1 п.п. меньше, чем два первых фактора (инвестиции, малый и средний бизнес), и на такую же величину результативнее роста производительности труда. Такой ожидаемый от политики результат превышает значение экспертной оценки исследователей Института народнохозяйственного прогнозирования РАН под руководством академика Б. Н. Порфирьева: «Реализация всего комплекса мероприятий в рамках национальных проектов позволит ускорить среднегодовые темпы роста ВВП в 2020—2024 гг. не более чем на 0,6 п.п.» [1, с. 4]. Они считают, что не следует преувеличивать благоприятное влияние национальных проектов на экономическое развитие, в том числе и потому, что за последнее десятилетие в среднем ежегодно темпы экономического роста составляли менее 0,9 %.

Несмотря на такие разногласия, дополнительным подтверждением значимости экспорта выступают данные Банка России о росте экономической деятельности в первые два месяца 2021 года, которая обеспечивается «активным восстановлением в экспортных отраслях и отраслях промежуточного потребления»³. Особенность такого восстановления обусловлена более медленным возвращением значений экспорта во второй половине 2020 года к доковидному значению, в таких условиях импорт восстанавливался быстрее⁴. Это представляет отдельную проблему для развития экспорта в текущих условиях.

По целевому показателю, утвержденному в 2020 году в «июльском» Указе Президента России, планируется «реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70 % по сравнению с показателем 2020 г.»⁵ к 2030 году. Интересно, что значение указано не в стоимостном выражении как в Указе 2018 года⁶, а в относительном. Поскольку значение этого целевого показателя, по оценке Российского

¹ Совместное заседание Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам, 2020, Kremlin.ru, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64736> (дата обращения: 26.02.2021).

² Совместное заседание Госсовета и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам, 2020, Kremlin.ru, URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64736> (дата обращения: 26.02.2021).

³ О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования, 2021, Банк России. Март 2021. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/32077/bulletin_21-02.pdf (дата обращения: 10.03.2021).

⁴ Меньше нефти, больше тканей, 2021, Коммерсантъ, № 22 от 09.02.2021. URL: <https://www.kommersant-ru.cdn.ampproject.org/c/s/www.kommersant.ru/amp/4682353> (дата обращения: 06.02.2021).

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

экспортного центра (РЭЦ), составило в 2020 году 161,3 млрд дол. США⁷, то величина целевого показателя к 2030 году в стоимостном выражении будет равняться 272 млрд дол. США без учета инфляции, а по новой методике расчета, исключающей золото из несырьевых неэнергетических товаров⁸, — 242,7 млрд дол. Новые значения существенно отличаются от утвержденных ранее (рис. 1).

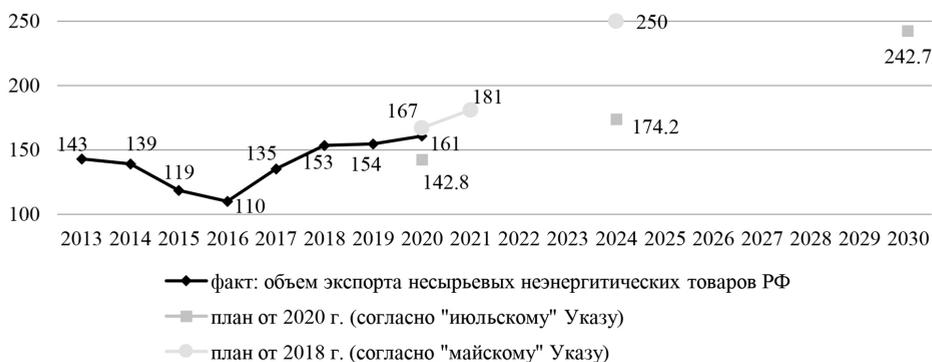

Рис. 1. Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров РФ, млрд дол. США

Источник: рассчитано и составлено автором по данным РЭЦ (<http://regionstat.exportcenter.ru/regions/list/>); «Гарант» (<https://base.garant.ru/71937200/>; <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>).

Первоначально выбранный Правительством РФ темп прироста был более амбициозным. Согласно ранее принятому (с 2018 года) «майскому» Указу, к 2024 году требовалось обеспечить экспорт несырьевых неэнергетических товаров в объеме 250 млрд дол. США. По Указу 2020 года срок достижения подобного значения был увеличен на 6 лет (до 2030 года). Также его величина фактически снизилась с 250 до 242,7 млрд дол. США. Если бы это значение не было пересмотрено, то по итогам 2020 года планового значения в 167 млрд не удалось бы достичь (по факту — 161,3 млрд дол. США).

Несмотря на некоторый прогресс в приближении к целевым значениям и снижение амбициозности показателя развития экспорта, говорить об устойчивой тенденции роста несырьевого неэнергетического экспорта пока не приходится. Дополнительным искусственным барьером спроса на экспорт могут выступать государственные ограничения внешних поставок для сдерживания внутренних цен на наиболее значимые товары. Поэтому актуальными для науки и практики становятся проблемы достижения целевого показателя развития несырьевого неэнергетического экспорта и недостаточной системной диверсификации российского экспорта. Регионы России создают различный вклад в решение этих проблем.

Поскольку сопоставление в стоимостных значениях не учитывает территориальные различия и экономический потенциал, то для объективности оценки существенно различающихся регионов сравним долю федерального округа в несырьевом неэнергетическом экспорте с долей в совокупном экспорте РФ (рис. 2).

⁷ Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, 2021, ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59177> (дата обращения: 23.03.2021).

⁸ Несырьевой экспорт показал условный рост, 2021, Коммерсантъ, № 29 от 18.02.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4694226?utm_source=vk&utm_medium=social_vlst_money&utm_campaign=nesyrievoy-neenergeticheskiy-eksport-rf-v (дата обращения: 19.02.2021).

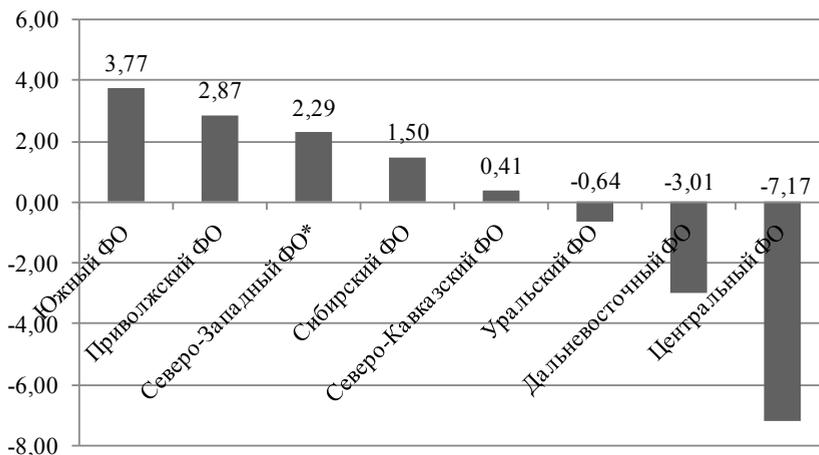

Рис. 2. Превышение вклада федерального округа в несырьевой неэнергетический экспорт РФ над долей совокупного экспорта федерального округа в РФ за 2020 год, %

Источник: рассчитано и составлено автором по данным РЭЦ (<http://regionstat.exportcenter.ru/structure/dynamics>).

Примечание: * без учета Ненецкого АО (нет данных).

Как видно из данных, сформировалась высокая дифференциация федеральных округов и регионов по доле несырьевого неэнергетического экспорта. Наибольший относительный вклад в экспортную диверсификацию с учетом общих экспортных возможностей в 2020 году вносили регионы ЮФО (их доля в общероссийском показателе несырьевого неэнергетического экспорта составляет 8,8 %, что значительно больше, чем их доля в общем экспорте — 5,1 %) и ПФО (12,1 % в неэнергетическом экспорте против 9,2 % в совокупном экспорте). Однако с учетом их меньшей абсолютной доли наибольший интерес представляют регионы СЗФО (2-е место после ЦФО с негативными структурными показателями: совокупная доля — 48,3 %, что больше, чем у неэнергетического — 41,3 %). При этом регионы СЗФО демонстрировали высокий относительный вклад — 2,3 % (14,8 % в неэнергетическом экспорте против 12,6 % в совокупном).

Кроме того, среди всех субъектов РФ специфическая роль в ВЭД принадлежит приграничным регионам страны (существенная доля таких регионов приходится на СЗФО, также особое значение имеет соседство со странами Европы, в том числе вследствие историко-культурной близости [2–4]). Отдельной прикладной проблемой остается невысокий вклад приграничных регионов в показатели экспорта. Еще в 2002 году эксперты указывали, что «на приграничные субъекты РФ приходится не более 15 % экспорта России» [5, с. 114]. Таким образом, приграничные регионы не используют свое географическое преимущество в виде экономии на транспортных издержках внутри страны, а стоимость текущего экспорта становится неконкурентоспособной.

Цель статьи — совершенствование методологии разработки целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта для региональных стратегий как институционального фактора диверсификации экономики.

Задачи статьи:

1) систематизировать теоретические подходы к значимости региональных стратегий как институционального фактора развития несырьевого экспорта;

2) разработать классификацию целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО на основе анализа текстов стратегий;

3) обосновать практические рекомендации для органов власти регионов СЗФО по совершенствованию формулировок утвержденных целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в стратегиях социально-экономического развития.

Не исключая множество других факторов развития несырьевого неэнергетического экспорта регионов, в том числе механизмов поддержки, и временно абстрагируясь от них, первоначально необходимо провести отдельный анализ одного из институциональных факторов — наличие утвержденных целевых показателей. Для этого объектом исследования выбраны региональные несырьевые экспортные стратегии, отраженные в концептуальных нормативно-правовых документах российских регионов как институционального фактора управления внешнеэкономической деятельностью (ВЭД). Ожидаемая научная новизна заключается в попытке проведения поискового исследования, в том числе средствами современных автоматизированных методов анализа текста документов, результативными в схожих научных задачах, но ранее не применявшимися для экспортной тематики и выработки решения научно-практической проблемы недостаточной системной диверсификации экспорта российских регионов. Исследование в первую очередь направлено на то, чтобы попытаться дать максимальную подробную, с учетом возможностей метода контент-анализа, первоначальную более формальную оценку институционального фактора развития экспорта — наличия утвержденных в регионе целевых показателей.

Теоретические подходы к региональным стратегиям как институциональному фактору развития несырьевого экспорта

Теоретической основой статьи являются традиционные подходы в сфере ВЭД, в том числе в региональном аспекте (теории экспортной стратегии региона), положения институциональной экономики (институциональное значение правовых документов), системный подход, а также смежные научные положения зарубежных и отечественных ученых, рассматривающих различные региональные аспекты экспорта. Анализ современных зарубежных и отечественных исследований позволяет обобщить и выделить проблемы изученности региональной стратегии развития несырьевого экспорта как системы и влияния на нее региональной нормативной базы как ее институционального фактора.

Сложившейся в данной научной области теоретические подходы можно сгруппировать в два направления исследований:

1. Несырьевая региональная экспортная стратегия. Обзор научного направления показал, что среди источников стратегии внешнеэкономической деятельности выделяются две неравные составляющие. Наименее представленным является подход, при котором рассматриваются стратегии внешнеэкономической деятельности субъектов бизнеса — экспортеров [6—8, с. 37; 9, с. 50; 10 и др.]. В противовес этому подходу доминирующим источником выступают органы государственной власти, в том числе региональные. Общеизвестная необходимость экспортной диверсификации производства продолжается рассматриваться с различных аспектов [11—18, с. 6 и др.]. Так, отмечается нестабильность успехов российских экспортеров, в том числе по динамике несырьевой неэнергетической продукции из-за конъюнктуры мировых рынков [19, с. 17]. Поэтому требуется дополнительный поиск факторов, обеспечивающих устойчивость роста несырьевого неэнергетического экспорта.

Вопросам оценки вклада регионов в экспортную диверсификацию посвящен ряд исследований. Например, в работе К. А. Гулина, Н. О. Якушева, Е. А. Мазилова осуществляется попытка оценить долю несырьевого экспорта регионов в общем объеме экспорта РФ. С опорой на авторскую методику делается вывод о высокой дифференциации регионов по несырьевому экспорту — 63 субъекта РФ (72,5 % от общего числа) по итогам 2016 года обеспечивали только 19,1 % несырьевого экспорта страны [20, с. 64]. Поэтому так важно выявлять регионы, обладающие существенным нереализованным несырьевым экспортным потенциалом.

Исследователями, например С. Ю. Титовой, фиксируется, что «основной целью программ поддержки экспорта является его диверсификация в сторону повышения доли несырьевых неэнергетических товаров» [21, с. 152]. В продолжение этого подхода предпринимались отдельные попытки анализа наличия стратегических элементов в нормативных документах. Так, Е. Н. Ковалева и А. А. Оганова на примере четырех регионов (Брянской, Псковской, Смоленской областей и Алтайского края) оценивали показатели экспортной среды, в том числе «Наличие конкретных целевых показателей развития экспортной деятельности в региональных государственных программах развития» [22, с. 42]. Однако данная оценка имела формальный характер (наличие/отсутствие).

2. Роль региональной нормативной базы как институционального фактора развития экспорта. Существует распространенная позиция, что внешнеторговый комплекс страны включает законодательную составляющую [23, с. 10; 18, с. 72 и др.]. Иногда ее называют «правовой структурой регулирования» [8, с. 94—95]. Таким образом, нормативно-правовые акты в сфере ВЭД выступают институциональным фактором развития экспорта [24].

В серии исследований под руководством Ж. А. Мингалевой обосновывается значение нормативной базы для развития региональной ВЭД. По состоянию на начало 2010-х годов на основе анализа управления ВЭД в регионах исследователями фиксировалась следующая проблема: «не разработана (или плохо скоординирована) региональная нормативная база на основе федеральных законов» [25, с. 83]. Также в статьях подчеркивалось, что для «эффективного взаимодействия на мировой арене» регионам необходимо «разрабатывать конкретную стратегию рыночного поведения» [26, с. 61]. Поэтому далее в эмпирической части исследования будут оцениваться экспортные стратегии регионов в области несырьевого неэнергетического экспорта.

Также Ж. А. Мингалевой проводился содержательный анализ программ социально-экономического развития. По состоянию на начало 2010-х годов он показал, что «субъекты Федерации не обращают должного внимания на формирование и становление внешнеэкономической деятельности в регионе» [26, с. 62]. Продолжительный интерес исследователей к установлению роли региональных нормативных программ и стратегий развития экспорта свидетельствует об их значимости. В то же время данные исследования отдельно не оценивали несырьевой неэнергетический экспорт.

Еще больший интерес для данного исследования представляет «типология регионов по проводимой внешнеэкономической политике» Л. Б. Вардомского и Е. Е. Скатерщиковой, учитывающая больше специализированных факторов, в том числе и «уровень развития регионального законодательства во внешнеэкономической сфере» [5, с. 107—109]. В результате типология включает четыре группы регионов:

— субъекты РФ с высоким уровнем законодательства во внешнеэкономической сфере, который определялся авторами в случае, если нормативная база превосхо-

дила федеральный уровень, а также если регион демонстрировал более развитые значения показателей ВЭД (по данным исследователей, по состоянию на 2002 год первая группа включала Республику Татарстан, Москву, Санкт-Петербург и др.);

— субъекты Федерации с недостаточно успешными позициями ВЭД, но с относительно высоким уровнем профильного законодательства, включающим «программы развития экспорта и импорта», концепции стимулирования создания и развития производств: экспортоориентированных и импортозамещающих (Калининградская, Ленинградская, Архангельская, Мурманская, Псковская области, Республики Карелия и Коми и др.);

— субъекты Федерации с невысоким уровнем развития профильной правовой базы (дублируются национальные нормативы), но вполне успешные в социально-экономическом развитии, а также обладающие высокими оборотами экспорта и другими развитыми аспектами ВЭД (Тюменская область, Ненецкий автономный округ, Вологодская, Иркутская, Свердловская области);

— регионы с низким уровнем законодательства во внешнеэкономической сфере, а также пониженным уровнем экспортного потенциала и средним уровнем социально-экономического развития.

С одной стороны, данная методика представляется достаточно комплексной для заявленной задачи — создания «типологии проводимой внешнеэкономической политики», с другой — она отдельно не концентрируется на оценке развитости регионального законодательства (итоговая оценка региона складывается из нескольких признаков). Измерение развитости нормативной базы предполагает простую качественную оценку (наличие/отсутствие документа). Объяснимо, что методика, разработанная на рубеже XX века, не оценивала несырьевые приоритеты законодательства, которые тогда еще не были так актуальны ни в научной, ни управленческой повестке.

Таким образом, обзор большого количества научных источников показал, что, с одной стороны, существуют отдельные исследования различных сторон несырьевой региональной экспортной стратегии, подтверждающие ее значимость, с другой — использовалось только несколько подходов к количественной и качественной оценке региональной нормативной базы, но не было попыток оценить эти аспекты совместно. Прикладная и научная значимость исследования может заключаться в выявлении многообразия и установлении наиболее удачных практик формулирования целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в региональных социально-экономических стратегиях. Для оценки их развитости предлагается применить методы анализа текста правовых документов, хорошо себя зарекомендовавшие в смежных научных задачах.

Методы и материалы анализа текстов для оценки целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в законодательной базе

Задача оценки законодательной базы является междисциплинарной, поскольку для ее измерения требуется, во-первых, применение методов естественных и социальных наук по автоматизированному (интеллектуальному) анализу текстов, включая элементы контент-анализа, во-вторых, учет юридических подходов по адаптации таких методов к особому нормативно-правовому содержанию документов, в-третьих, отражение специфики ВЭД.

Методология контент-анализа как научного метода разрабатывалась в трудах Дж. Б. Мангейма и Р. К. Рича [27], Л. Я. Аверьянова [28], Е. Я. Таршиса [29] и др. Один из основоположников контент-анализа, Х. Лассуэлл, и его последователи

обосновывали, что «основной единицей анализа может быть символ или понятие» [30]. В отечественной традиции контент-анализа сложился иной подход, когда основной единицей выступает «социальная идея, определенная социально значимая тема» [31]. В исследовании будем придерживаться сформулированного Н. Костенко и В. Ивановым определения контент-анализа: «качественно-количественный метод изучения документов, который характеризуется объективностью выводов и строгостью процедуры и состоит в квантификационной обработке текста с дальнейшей интерпретацией результатов» [32].

Юридическая наука накопила богатый опыт анализа текстов. Первоначально применялся метод качественного анализа текстов. Причиной, по мнению А. Ф. Черданцева, является особый лингвистический подход, когда «формой правовой информации выступает язык как определенная знаковая система» [33, с. 5]. Качественный подход к анализу способствует углубленному пониманию текста, но часто сопровождается повышенными трудозатратами исследователя.

Продолжительная традиция учета языковой составляющей позволила исследователям-юристам быстрее интегрировать новые автоматизированные системы интеллектуального анализа нормативных текстов. А. Ф. Черданцев называет это явление информационным подходом к праву. Данный подход способствовал развитию методов количественного анализа текстов. Изначально эти методы в подавляющем большинстве были не механизированными. Лишь впоследствии с развитием и адаптацией современных информационных технологий началась постепенная автоматизация этого процесса. Анализ современных зарубежных исследований показывает, что все активнее начинают использоваться более сложные автоматизированные решения для обработки естественного языка в юридических текстах [34]. Механизация такой деятельности особенно важна, поскольку, как отмечает Д. А. Савельев, «в настоящее время существенно возрастает и объем публикуемых в электронной форме правовых актов, и возможности современных информационных технологий, в частности компьютерной лингвистики, при обработке текстов» [35, с. 41].

В исследованиях по тематике ВЭД, так же как в социальных науках в целом, начинают использоваться методы анализа текста. Первоначально в большей степени развивался качественный контент-анализ [36; 5, с. 94]. Самостоятельным, более сложившимся направлением является неавтоматизированный контент-анализ нормативных документов, регламентирующих международное взаимодействие, в частности межстрановое сравнение. Д. А. Дегтерев, А. Х. Дегтерев, М. А. Никулин, А. Л. Оганесян провели частотный контент-анализ встречаемости в стратегиях национальной безопасности государств СНГ ключевых внешнеполитических партнеров, позволивший выявить «внешнеполитический курс страны и ее стратегические приоритеты» [37, с. 180—181]. Однако анализировался только факт упоминания ключевого слова и не оценивалась смысловая нагрузка его использования.

С учетом отмеченного и в соответствии с целями статьи в качестве основного метода исследования планируется использовать качественный и количественный контент-анализ с элементами автоматизированного частотного анализа текста. Выбор частотного анализа обуславливается следующими аргументами:

1. В большинстве случаев с анализом правовых документов лучше справляется частотный анализ, поскольку за единицу анализа можно взять ключевые слова документа, которые в таком формальном тексте более устойчивы. В этом случае можно более объективно измерять частоту повторяемости словосочетаний в тексте.
2. Дополнительным преимуществом частотного анализа является возможность анализа различных по объему документов, поскольку частота встречаемости ключевых слов оценивается как относительная величина.
3. Количество оцениваемых ключевых слов может быть любым (от одного до множества).

Точность метода должна достигаться благодаря разработке формализованной программы исследования, базирующейся на методологически обоснованных процедурах контент-анализа [31; 29]:

1. Определение цели и гипотезы исследования. Из выявленных практических проблем и их научного осмысления выбрана следующая эмпирическая цель исследования (цель программы): на основе анализа текста стратегий развития регионов СЗФО разработать классификацию целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта, оценить их соответствие федеральному законодательству и предложить рекомендации по улучшению.

С учетом возможностей верификации текста нормативно-правовых документов при анализе выбраны следующие рабочие гипотезы исследования:

Гипотеза I. Наиболее развитые регионы СЗФО имеют практику утверждения несырьевых неэнергетических приоритетов в стратегиях социально-экономического развития, опережающую по времени федеральное законодательство.

Гипотеза II. Не у всех регионов СЗФО целевые показатели развития несырьевого неэнергетического экспорта, утвержденные в стратегиях социально-экономического развития, соответствуют федеральному законодательству.

2. Построение выборки документов. Для проверки гипотез эмпирическая база создавалась из массива региональных документов. На основании отдельного анализа были оценены распространенность и наличие в различных типах документов тематики несырьевого экспорта: 1) узкопрофильные документы: а) стратегии в сфере ВЭД; б) программы в сфере ВЭД; 2) многопрофильные документы: а) стратегии социально-экономического развития; б) госпрограммы социально-экономического (экономического) развития; в) иные госпрограммы. Было установлено, что из всех региональных концептуальных документов, в которых содержится информация о развитии экспорта, только такой тип, как стратегия социально-экономического развития, есть во всех регионах СЗФО. Таким образом, эмпирический массив представляет собой коллекцию полных текстов стратегий социально-экономического развития регионов СЗФО, действовавших в начале 2021 года и с 2017 по 2021 год. При наличии редакций документов в корпус включались тексты консолидированных редакций (с действующими в каждом году изменениями и дополнениями).

3. Разработка категориальной модели предмета анализа. Для верификации в тексте обозначенных в гипотезах параметров требуется сформировать перечень категорий анализа — ключевых слов, отражающих несырьевой неэнергетический экспорт.

4. Определение меры (единицы) измерения. Для проверки предложенных гипотез нужно установить принадлежность стратегий к тематике несырьевого экспорта. В качестве единицы счета было выбрано отношение количества ключевых слов ко всем словам документа, выраженное в процентах. Такое отношение еще называется релевантностью и показывает, насколько ключевое слово отражает содержание всего документа. Использование такого показателя позволяет преодолеть проблему сопоставления различных по объему слов документов.

Результаты и обсуждение анализа показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в стратегиях регионов СЗФО

Эмпирическая часть исследования была проведена согласно разработанной ранее последовательности этапов, представленных в программе исследования. В рамках каждой из гипотез были получены следующие результаты.

Проверка гипотезы I. Для проверки этой гипотезы предпринималась попытка определения не только текущих несырьевых неэнергетических приоритетов, но и

эволюции их появления в разных регионах. Для этого анализировались тексты стратегий, действовавших за период 2017—2020 годов, предшествующий утверждению несырьевых неэнергетических приоритетов на федеральном уровне («майский» Указ 2018 года). В частности, проверялась рабочая гипотеза о наличии регионов с опережающим утверждением несырьевых неэнергетических приоритетов. Для ее проверки использовался сервис автоматического анализа текста «Istio»⁹, иногда применяемый исследователями для частотного анализа ключевых слов текста [38, с. 22]. Сервис позволяет оценить документ по показателям процента ключевых слов в тексте, то есть измеряется плотность (частота) встречаемости ключевых слов, их процентное соотношение с всем объемом текста. В качестве ключевого использовалось слово «неэнергетический», расположенное рядом со словами «несырьевой» и/или «экспорт». При анализе учитывались все формы слова (падежи, числа) (рис. 3).

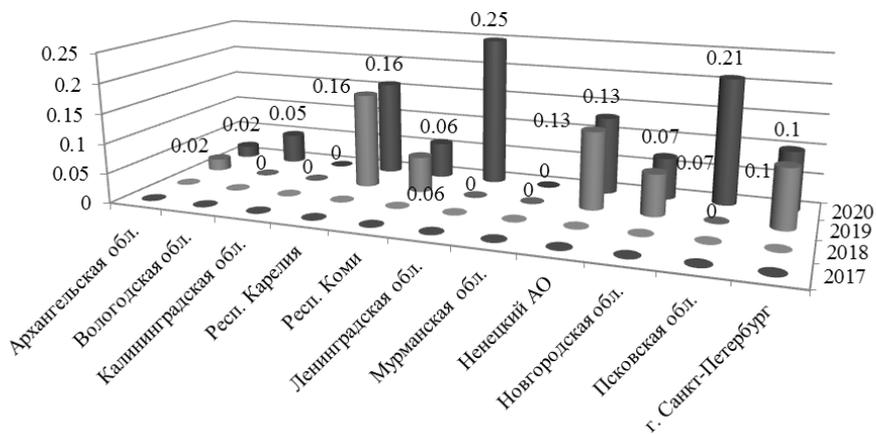

Рис. 3. Релевантность ключевого слова «неэнергетический» в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО за 2017—2020 годы, %

Источник: составлено автором с помощью сервиса istio.com

Первоначальный количественный анализ текстов документов позволил выявить, что не у всех регионов СЗФО стратегия социально-экономического развития содержала ключевые слова, обозначающие приоритеты развития несырьевого неэнергетического экспорта (9 из 11 регионов), по состоянию на апрель 2021 года. Полностью отсутствовало словосочетание «несырьевой неэнергетический экспорт» в различных его словесных формах и его прямые аналоги в стратегиях Калининградской и Мурманской областей. Несмотря на отсутствие ключевых слов, в стратегиях говорилось о важности экспортной ориентации.

Выдвинутая рабочая гипотеза I не подтвердилась — в СЗФО нет регионов со стратегией, содержащей опережающие по времени федеральный уровень приоритеты развития несырьевого неэнергетического экспорта (ранее 2018 года). Оценка динамики появления исследуемых приоритетов показывает ожидаемую временную зависимость: у большинства регионов СЗФО (6 из 11) они введены в 2019 году (на следующий год после федерального утверждения). У трех регионов стратегии были приняты с запозданием еще на год — в 2020 году (Вологодская, Ленинградская и Псковская области).

⁹ Сервис автоматического анализа текста «Istio». URL: <http://istio.com> (дата обращения: 19.02.2021).

Проверка гипотезы II. Для этого из действующих текстов стратегий социально-экономического развития регионов СЗФО был составлен текстовый корпус (181 слово), содержащий положения о несырьевом неэнергетическом экспорте. Для корректного частотного анализа требовалась лемматизация исходного корпуса, то есть приведение каждого слова к простой форме. Для данной процедуры российские исследователи в последнее время чаще всего используют бесплатный сервис от Яндекс «MyStem» [39, с. 20; 40, с. 17 и др.]. Несмотря на достаточно качественную лемматизацию, далее проводилась проверка преобразованного текста. Из корпуса удалялись союзы, предлоги, местоимения, знаки препинания и другие символы. С помощью сервиса «Word It Out»¹⁰ было построено облако слов, отражающее встречаемость смысловых словосочетаний и отдельных слов, используемых совместно с ними (рис. 4).

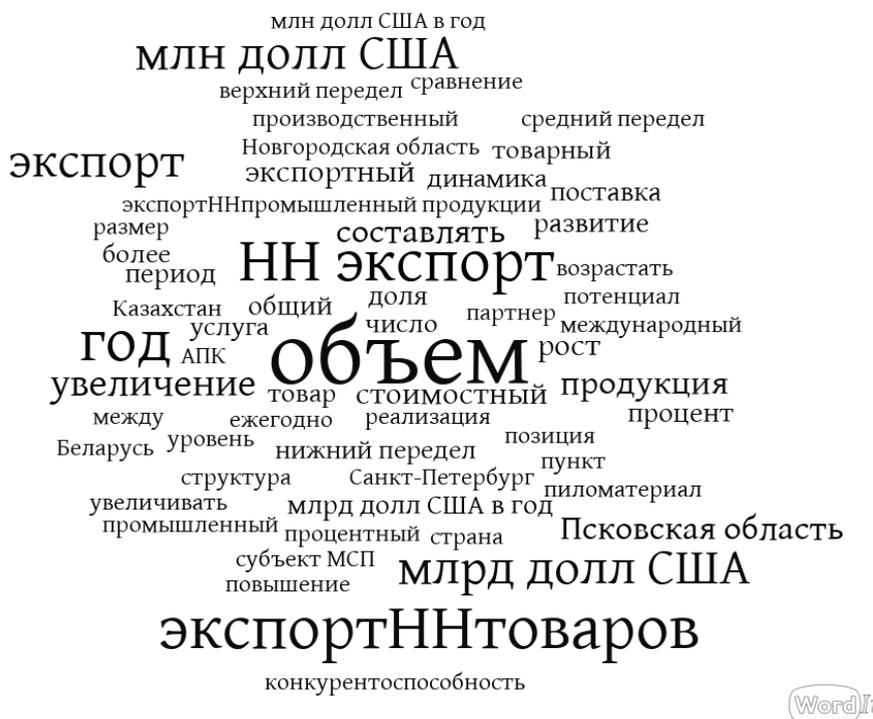

Рис. 4. Облако слов положений о несырьевом неэнергетическом экспорте, содержащихся в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО (по состоянию на апрель 2021 года)*

Примечание: НН — несырьевой неэнергетический / несырьевых неэнергетических.

* Кроме стратегий Калининградской и Мурманской областей, так как в них отсутствовали данные положения.

Источник: составлено автором по состоянию на апрель 2021 года с помощью сервиса «Word It Out».

Для лучшей наглядности на рисунке 4 показаны словосочетания и слова с частотой встречаемости в корпусе более двух раз. Рассмотрим список наиболее встре-

¹⁰ Word It Out, 2021. URL: <https://worditout.com/word-cloud/create> (дата обращения: 19.02.2021).

чаемых словосочетаний в объединенном тексте действующих стратегий регионов СЗФО. Детальный анализ выявил следующую частоту ключевых словосочетаний (от наиболее частых к более редким):

- экспорт несырьевых неэнергетических товаров — 17;
- несырьевой неэнергетический экспорт — 16;
- млрд дол. США — 12;
- млн дол. США — 11;
- млрд дол. США в год — 4;
- нижний передел — 3.

Поскольку самым распространенным значимым отдельным словом является слово «объем» и близкие к нему по смыслу часто встречающиеся слова и словосочетания, то наиболее частотные словесные конструкции представляют собой показатели. Для выявления других смысловых значений (утверждения приоритета или формализованного целевого показателя и т. д.) была разработана авторская классификация (табл.).

Частота ключевых слов в стратегиях существенно различается по регионам (встречаемость от 1 до 9 раз). В стратегиях регионов СЗФО было найдено 44 словесных конструкции, закрепляющие приоритеты и/или целевые показатели несырьевого неэнергетического экспорта. Они сильно различаются у разных регионов и в рамках одной стратегии. Такое разнообразие требует отдельного осмысления и выявления содержащихся ограничений и возможностей для совершенствования. Поэтому автором впервые была предпринята попытка классификации региональных целевых показателей несырьевого неэнергетического экспорта. Первый, наиболее значимый признак градации — степень формализации приоритета: высокая степень предполагает, что приоритет сформулирован в виде конкретного показателя, низкая степень говорит о неформализованной формулировке приоритета. Для упрощения восприятия в таблице указывался только наиболее значимый класс приоритета из всех содержащихся в стратегии. Второй признак градации — это соответствие показателя федеральному законодательству (указы Президента РФ). Поскольку существуют два действующих показателя (от 2020 и от 2018 года), то оценивалось наличие обоих. Ни у одной из стратегий регионов СЗФО по состоянию на апрель 2021 года не было показателя, полностью идентичного федеральному (от 2020 года) — «реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее ...% по сравнению с показателем 2020 года». Наиболее близким к такому относительному типу являлся показатель в стратегии Санкт-Петербурга. Но формально данный показатель не соответствовал федеральной методике расчета и в качестве базового не использовал значение 2020 года.

Пять из девяти региональных стратегий утвердили в качестве целевого показатель, принятый на федеральном уровне в 2018 году (объем, в стоимостном выражении). Но практически все региональные формулировки показателя отличались от федеральной формулировки степенью детализации значений своего показателя. Достоинством некоторых стратегий являлось наличие нескольких сценариев реализации (Республики Карелия и Коми). У стратегии Республики Карелия присутствовала максимальная ежегодная детализация значений до 2030 года, а у стратегии Республики Коми — частичная (только у первых этапов указаны ежегодные величины до 2025 года, а у последующих — одно значение для этапа до 2035 года). Стратегии без выделения сценариев также различаются: с ежегодными значениями показателей (Новгородская область) и поэтапными (Архангельская область, Ненецкий автономный округ).

**Классификация целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта
в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО**

Класс целевого показателя	Формулировка показателя в стратегии					Регион СЗФО
1. Приоритет формализован в показатель						
1.1. Показатель соответствовал федеральному в формулировке от 2020 года						
1.1.1. Идентичный показатель	—					—
1.1.2. Однотипный показатель	Наименование показателя (индикатора), единица измерения		Значение показателя (индикатора) по годам			Санкт-Петербург
			2021	2024	2030	2035
	Темп роста объемов несырьевого неэнергетического экспорта товаров (ежегодно в среднем за период), всего, %		107,03	108,01	108,12	105,98

1.2. Показатель соответствовал основному федеральному в формулировке от 2018 года

1.2.1. Содержит разные сценарии реализации:	Сценарий	Факт	Прогноз		1-й этап		2-й этап		3-й этап			Республика Карелия			
А. Ежегодные значения показателя	Приоритетные направления и показатели	2017	2018*	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
	Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, млн дол. США	473,1	500	520	550	580	620	660	700	729,9	761,2	793,7	827,7	863,1	900
	Целевой	473,1	500	540	580	620	660	700	790	821,7	854,6	888,8	924,4	961,5	1000
	Форсированный	473,1	500	566	620	673	730	793	870	904,7	940,8	978,3	1017,3	1057,8	1100

Б. Частично ежегодные значения показателя	Целевой индикатор	Сценарий	Факт / оценка	I этап — до 2021		II этап — до 2025				III этап — до 2030	IV этап — до 2035	Республика Коми			
			Факт	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024		2025	2030	2035
	Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, млрд дол. США	Оптимистиче-ский	0,58	0,59	0,64	0,64	0,64	0,92	0,94	0,78	0,78	0,92	0,94		
	Целевой	Целевой	0,58	0,59	0,63	0,63	0,91	0,93	0,77	0,77	0,77	0,91	0,93		
	Инерционный	Инерционный	0,58	0,59	0,61	0,61	0,86	0,87	0,75	0,75	0,75	0,86	0,87		

1.2.2. Значения показателя без выделения сценариев реализации:	Наименование показателя	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Новгородская область
А. Ежегодные значения показателя	Объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров (в том числе экспорта услуг) (млн дол. США)	759,0	1024,5	1129,5	1210,5	1278,0	1392,0	1550,3	1658,5	1794,0	1938,0	

Б. Поэтапные значения показателя	Стоимостной объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, млн дол. США	2024		2030	2035	Архангельская область		
	Наименование показателя	Текущее значение показателя		1 509,00	1 704,00	2 319,00		
	Стоимостной объем экспорта несырьевых неэнергетических товаров, млн дол. США	Россия, 2017 СЗФО, 2017 НАО**, 2017		I этап, 2021	II этап, 2024	III этап, 2030		
		135,1	20,2	0	Не менее 0,5	Не менее 0,5	Не менее 1,0	Ненецкий АО

1.3. Показатель близкий к основному федеральному в формулировке от 2018 года

1.3.1. Значения показателя без выделения сценариев реализации:	Показатели	2016 – 2018	2019 – 2024	2025 – 2030	Ленинградская область
	Доля несырьевого неэнергетического экспорта в общем объеме экспорта (на конец периода), %	40	50	60	

1.4. Другие показатели

1.4.1. Смежные показатели	Рост экспорта несырьевых, неэнергетических товаров в 2030 году составит не менее 70% по сравнению с 2020 годом	Вологодская область
---------------------------	--	---------------------

2. Неформализованный приоритет (не в формате показателя)

2.1. Неколичественный приоритет	В среднесрочной перспективе — до 2030 года — приоритетным внешнеэкономическим партнером останутся страны Балтии, но возрастает важность других стран, таких как Беларусь и Казахстан (за счет несырьевого неэнергетического экспорта)	Псковская область
---------------------------------	---	-------------------

Примечание: * оценка, ** НАО — Ненецкий автономный округ.

Источник: составлено автором по данным справочно-правовых систем.

У остальных трех регионов показатели не соответствовали федеральному уровню. По смыслу близким к федеральному показателю 2018 года, но не равнозначным являлся относительный показатель Ленинградской области — «доля несырьевого неэнергетического экспорта в общем объеме экспорта». Но данный показатель более зависим от объема совокупного экспорта региона, и при отсутствии приоритета по его развитию может быть занижен ради формального выполнения более значимого показателя.

Настораживает формулировка целевого показателя в стратегии Вологодской области («Рост экспорта несырьевых, неэнергетических товаров в 2030 году составит не менее 70 % по сравнению с 2020 годом»). По используемым ключевым словам и их последовательности она максимально похожа на более актуальный федеральный показатель 2020 года. Но благодаря присутствовавшей запятой между ключевыми словами «несырьевых» и «неэнергетических» в стратегии, видимо, получилось утвердить два нетипичных показателя «экспорт несырьевых товаров» и «экспорт неэнергетических товаров». Но согласно общераспространенным методологическим подходам к расчету этих показателей маловероятно, что их значения могут быть близкими в одном регионе в заданный период времени. Поэтому наличие запятой приводит к неоднозначности понимания целевого показателя.

По состоянию на апрель 2021 года был противоречив показателем несырьевого экспорта в стратегии Псковской области. С одной стороны, в ее тексте отмечалась наибольшая встречаемость ключевых слов (9 раз), с другой — во всех случаях, кроме одного, они использовались не для обозначения приоритетов, а для описания текущего состояния в регионе. Единственное указание, приближенное к формулировке приоритета, приводилось не только не в формате показателя, но и в очень косвенном контексте («за счет несырьевого неэнергетического экспорта»). То есть стратегия имела не самый удачный вариант обозначения приоритета. Применительно к подобной ситуации эксперты указывают, что профильной региональной «проблемой реализации программы поддержки экспорта является нечеткая проработанность целей, а также показателей» [21, с. 153]. Поэтому достижение такого слабоформализованного приоритета не представляется очевидным и необходимым. Следовательно, отсутствие четко формализованных приоритетов и показателей снижает вероятность развития несырьевого неэнергетического экспорта региона.

Таким образом, разработка авторской классификации позволила выявить, что ни одна из стратегий социально-экономического развития регионов СЗФО не включала целевой показатель, аналогичный более актуальному (от 2020 года) федеральному. Большая часть регионов (6 из 11) в разной степени соответствовала только целевому показателю 2018 года. В двух регионах целевой показатель существенно отличался от федерального. Наибольший риск возможен в трех субъектах СЗФО, где целевой показатель полностью отсутствовал, причем в двух из них даже не указывался на необходимость развития несырьевого неэнергетического экспорта, хотя могут присутствовать еще менее конкретные приоритеты несырьевого экспорта. Поэтому гипотеза II подтвердилась: не у всех регионов СЗФО целевые показатели развития несырьевого неэнергетического экспорта, утвержденные в стратегиях социально-экономического развития, соответствовали федеральному законодательству, что способно снижать реализацию их экспортного потенциала.

Полученные научные результаты исследования позволяют выработать практические рекомендации для органов власти регионов СЗФО. В рамках обновленного национального проекта федеральное финансирование на проведение соответствующих региональных мероприятий будет зависеть от успехов территории в достиже-

нии требуемых значений несырьевого неэнергетического экспорта. Исследование позволило обосновать важность совершенствования стратегий и необходимость реализации следующих предложений для органов власти регионов СЗФО:

1. Рекомендации для Калининградской, Мурманской и Псковской областей. Отсутствие в действующих (по состоянию на апрель 2021 года) региональных стратегиях положений о несырьевом неэнергетическом экспорте ослабляет институциональное условие повышенного вклада регионов в соответствующий федеральный целевой показатель. Статистические данные демонстрируют хорошие успехи этих регионов в росте несырьевого неэнергетического экспорта. Калининградская область за 2020 год показала наилучшую среди регионов СЗФО динамику роста объемов несырьевого неэнергетического экспорта — 116,1 % (хотя годом ранее был существенный спад — 75,6 %) ¹¹. Мурманская область в 2020 году заняла второе место — рост составил 115,9 % (и такие значения являются для нее устойчивыми — 114,6 % за 2018—2020 годы). Псковская область за 2020 год показала незначительное снижение — 98,1 % (но с учетом предшествующих четырех лет демонстрировала высокий темп роста — 110,8 %). При таких положительных значениях официальное закрепление уже реализуемых приоритетов и целевых показателей в стратегиях не создаст повышенной нагрузки на региональную власть, а позволит объективно показать достигнутые положительные результаты и придать дополнительный импульс их развитию. Поэтому регионам рекомендуется внести дополнение в стратегии и принять значение целевого показателя, утвержденное на федеральном уровне (такой подход соответствует сложившейся законодательной практике регионов): «реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70 % по сравнению с показателем 2020 года» к 2030 году. Такая разновидность показателя учитывает региональную специфику за счет большей его универсальности, поскольку он основан на относительной величине, которая лучше отражает особенность региона, учитывает его положение в базовом 2020 году.

2. Рекомендации для Ленинградской и Вологодской областей: заменить в стратегиях существовавший по состоянию на апрель 2021 года показатель на соответствующий федеральному законодательству. Предлагается утвердить более актуальный вариант целевого показателя (из Указа 2020 года): «реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70 % по сравнению с показателем 2020 года» к 2030 году. Это особенно важно, учитывая, очень вероятно, что в тексте стратегии Вологодской области допущена опечатка в формулировке целевого показателя, которая сильно исказила смысл. Поскольку доля несырьевого неэнергетического экспорта в совокупном экспорте Ленинградской области в 2020 году составляла 49,5 %, а Вологодской области была еще выше — 87,3 % и они превышают общероссийский уровень диверсификации (47,7 %), то реализация такого показателя в регионах будет более достижимой.

При применении полученных результатов стоит учитывать, что региональное законодательство — это не единственный фактор, определяющий развитие несырьевого неэнергетического экспорта, но концептуальные документы как важнейший институциональный фактор являются продуктивной входной точкой для анализа. С учетом конкретности цели статьи оценка утвержденных в регионах значимых целевых показателей будет производиться в следующем исследовании. В дальнейшем планируется оценить значение несырьевых неэнергетических приоритетов и целевых показателей в других типах региональных документов.

¹¹ Динамика структуры экспорта, 2021, *Цифровая платформа «Мой экспорт»*. URL: <http://regionstat.exportcenter.ru/structure/dynamics> (дата обращения: 27.04.2021).

Заключение

Анализ приоритетов национальной экономической политики и научные исследования показывают значимость развития несырьевого неэнергетического экспорта. В существующих исследованиях сформировались только отдельные теоретико-методологические положения значимости региональных стратегий как институционального фактора развития несырьевого неэнергетического экспорта.

Качественному и количественному контент-анализу подверглись более 35 версий стратегий социально-экономического развития регионов СЗФО за период с 2017 по начало 2021 года. Научная значимость исследования состоит в разработанной авторской классификации целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта, вносящей вклад в развитие теории экспортной стратегии региона, за счет выявления многообразия и установления наиболее удачных практик формулирования приоритетов и целевых показателей развития несырьевого неэнергетического экспорта в региональной нормативной базе.

Новизна исследования заключается в следующих положениях: 1) установлена эволюция отражения несырьевого неэнергетического приоритета в стратегиях социально-экономического развития регионов СЗФО; 2) выявлены ключевые словосочетания и словесные конструкции, формирующие положения о несырьевом неэнергетическом экспорте регионов СЗФО; 3) обоснована необходимость адаптации региональных стратегий к изменившейся после вступления в силу Указа Президента РФ 2020 года о национальных целях развития федеральной системе ключевых показателей эффективности развития несырьевого неэнергетического экспорта.

Практическую значимость представляют предложенные органам власти регионов СЗФО рекомендации по адаптации стратегий социально-экономического развития к обновленным целевым показателям развития несырьевого экспорта. Обновление региональных стратегий будет способствовать достижению целевого показателя развития несырьевого неэнергетического экспорта на национальном уровне, а также внесет вклад в системную диверсификацию российского экспорта.

Определены направления для дальнейшего этапа исследования, который будет сосредоточен на экономико-статистической оценке значения утвержденных целевых показателей для развития несырьевого неэнергетического экспорта, в том числе и в других типах документов, а также обосновании эффективных механизмов поддержки несырьевого неэнергетического экспорта в регионах.

Список литературы

1. Порфирьев, Б. Н., Широков, А. А., Узяков, М. Н. и др. 2020, Основные направления социально-экономического развития в 2020—2024 гг. и на период до 2035 г., *Проблемы прогнозирования*, Т. 180, № 3, с. 3—15.
2. Boman, J., Berg, E. 2007, Identity and institutions shaping cross-border co-operation at the margins of the European Union, *Regional and Federal Studies*, vol. 17, no. 2, p. 195—215.
3. Castells, M. 2004, *The Power of Identity: The Information Age. Economy, Society and Culture*, vol. 2.
4. Hunt, S. A. et al. 1994, Identity Fields. New Social Movements. In: Larana, E. et al. (ed.) *Philadelphia*, Temple University Press, p. 185—208.
5. Вардомский, Л. Б., Скаторщикова, Е. Е. 2002, *Внеэкономическая деятельность регионов России*, учебное пособие для вузов. Глушкова, В. Г. (ред.), М., 320 с.
6. Lado, N., Martinez-Ros, E., Valenzuela, A. 2004, Identifying successful marketing strategies by export regional destination, *International marketing review*, vol. 21, no. 6, p. 573—597. doi: <https://doi.org/10.1108/02651330410568024>.

7. Gashi, P. 2014, Export behavior of SMEs in transition countries, *Small Business Economics*, vol. 42.
8. Завьялов, Ф. Н. (ред.) 2018, *Актуальные вопросы разработки экспортной стратегии региона*, монография, Ярославль, ЯрГУ, 268 с.
9. Андреева, Е. Л., Глухих, П. Л., Мыслякова, Ю. Г. 2018, Бизнес-стратегии участия компании в предпринимательских экосистемах, *Управленец*, Т. 9, № 6, с. 49—57. doi: <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-5>.
10. Lawless, M., Siedschlag, I., Studnicka, Z. 2019, Firm strategies in expanding and diversifying exports, *World economy*, vol. 42, no. 2, p. 349—375. doi: <https://doi.org/10.1111/twec.12702>.
11. Andreeva, E. L., Linetsky, A. F., Ratner, A. V. et al. 2016, Impact of international economic agreements on the development of international trade for region. In: *SGEM 2016, Proceedings of 3-rd international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Economics and tourism*, Sofia, Book 2, vol. 5, p. 305—312.
12. Amiti, M., Freund, C. 2010, An anatomy of China's export growth. In: *China's growing role in world trade*, Chicago, University of Chicago Press, p. 33—56.
13. Besedeš, T., Prusa, T. J. 2011, The role of extensive and intensive margins and export growth, *Journal of Development Economics*, vol. 96, no. 2, p. 371—379.
14. Кадочников, С. М., Федюнина, А. А. 2013, Динамика экспортной диверсификации в условиях экономического роста: эмпирический анализ для российских регионов 2003—2010 гг., *Вестник Уральского федерального университета. Серия: Экономика и управление*, № 5, с. 73—89.
15. Cadot, O., Carrère, C., Strauss-Kahn, V. 2011, Export diversification: What's behind the hump? *Review of Economics and Statistics*, vol. 93, no. 2, p. 590—605.
16. Laruelle, M., Peyrouse, S. 2013, Mineral Wealth Export Strategies Versus State Sovereignty. In: *Globalizing central Asia: geopolitics and the challenges of economic development*, Routledge, Oxford, p. 190—217.
17. Дедкова, Е. Г. 2017, Несырьевой экспорт в России: современное состояние и перспективы развития, *Экономические и гуманитарные науки*, Т. 308, № 9, с. 101—107.
18. Спартак, А. Н., Кнобель, А. Ю., Флегонтова Т. А. и др. 2018, Перспективы наращивания российского несырьевого экспорта, *Экономическое развитие России*, М., Российский экспортный центр, 132 с.
19. Кузьмина, В. М., Пархомчук, М. А. 2020, Основные направления деятельности по поддержке экспорта несырьевого неэнергетического сектора экономики, *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, Т. 10, № 6, с. 10—19.
20. Гулин, К. А., Якушев, Н. О., Мазилев, Е. А. 2018, Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта, *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, Т. 11, № 3, с. 57—70. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.4>.
21. Титова, С. Ю. 2020, Оценка результативности поддержки экспорта на региональном уровне (на примере Хабаровского края). В: *Проблемы и механизмы реализации национальных приоритетов социально-экономического развития России*, РИЦ ХГУЭП. Хабаровск, с. 151—156.
22. Ковалева, Е. Н., Оганова, А. А. 2018, Несырьевой неэнергетический экспорт России макро- и мезоуровня: основные тенденции развития и направления поддержки, *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент*, № 2, с. 36—45. doi: <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2018-11-2-36-45>.
23. Коваль, А., Левашенко, А. 2017, Поддержка экспорта в России: системный подход, *Экономическое развитие России*, № 12, с. 10—14.
24. Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Мыслякова, Ю. Г., Глухих, П. Л. 2018, Внешнеэкономический фактор развития регионов Северо-Запада: оценка влияния и специфика институционального обеспечения, *Балтийский регион*, № 1, с. 19—36. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2018-1-2>.

25. Мингалева, Ж. А., Оборина, Е. Д. 2010, Управление внешнеэкономической деятельностью в рамках структурной модернизации экономики региона (на примере Пермского края), *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*, Т. 92, № 1, с. 82—86.
26. Мингалева, Ж. А., Оборина, Е. Д. 2010, Разработка стратегии внешнеэкономической деятельности региона в программах структурной модернизации экономики, *Вестник пермского университета. Серия: экономика*, Т. 4, № 1, с. 61—66.
27. Мангейм, Дж. Б., Рич, Р. К. 1997, *Политология. Методы исследования*: пер. с англ, М., Весь Мир, 544 с.
28. Аверьянов, Л. Я. 2007, *Контент-анализ*, монография. М., РГИУ, 286 с.
29. Таршис, Е. Я. 2014, *Контент-анализ: Принципы методологии. (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программа исследования)*, М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 182 с.
30. Weber, R. Ph. 1985, *Basic Content Analysis*, Beverly Hill.
31. Шаляпина, С. К. 1998, *Построение категориальной модели в контент-анализе*, автореф. на соиск. ученой степ. канд. соц. наук.: 22.00.01 — теория, методология и история социологии. М., 34 с.
32. Костенко, Н., Иванов, В. 2003, *Опыт контент-анализа. Модели и практики*, М., Центр свободной прессы, 44 с.
33. Черданцев, А. Ф. 2012, *Логико-языковые феномены в юриспруденции*, М., Норма, НИЦ Инфра-М, 320 с.
34. Chalkidis, I., Kampas, D. 2019, Deep learning in law: early adaptation and legal word embeddings trained on large corpora, *Artificial Intelligence and Law*, vol. 27, no. 2, p. 171—198. doi: <https://doi.org/10.1007/s10506-018-9238-9>.
35. Савельев, Д. А. 2018, О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных, *Право. Журнал Высшей школы экономики*, № 1, с. 26—44. doi: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.26.44>.
36. Тихомиров, Ю. Л. 1999, Вопросы правового регулирования международных и внешнеэкономических связей российских регионов, *Сборник документов и материалов по вопросам междунароных и внешнеэкономический связей субъектов Российской Федерации*, М., Изд-во МИД РФ, с. 21.
37. Дегтерев, Д. А., Дегтерев, А. Х., Никулин, М. А. и др. 2014, Прикладной анализ внешней политики стран СНГ, *Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, № 4, с. 176—184.
38. Кракашова, О. А., Житников, И. В. 2019, Контент-анализ материалов II Открытого российского статистического конгресса, *Учет и статистика*, Т. 54, № 2, с. 20—28.
39. Кучаков, Р., Савельев, Д. 2018, *Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов*. СПб., ИПП ЕУСПб., 20 с.
40. Семин, П. О. 2020, Некоторые закономерности установления региональных категорий особо охраняемых природных территорий, *Экономическая социология*, Т. 21, № 2, с. 11—38.

Об авторе

Павел Леонидович Глухих, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Россия.

E-mail: gluchih_p_l@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5992-3780>

ADAPTING REGIONAL STRATEGIES TO THE NEW NON-RESOURCE EXPORT DEVELOPMENT TARGET

P. L. Glukhikh

Institute of Economics Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
29 Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia

Received 30.04.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-3
© Glukhikh, P L., 2022

In the radically new economic conditions of 2020, the Government of the Russian Federation selected supporting non-resource and non-energy exports as one of the four factors of sustainable economic growth. Achieving this target is a challenge, but the absence of sufficient conditions for a systemic diversification of Russian exports also poses a substantial problem. This situation lends urgency to developing a methodology for the normative institutional reflection of non-resource non-energy targets in regional legislative acts. This article aims to improve the methods for embedding non-resource non-energy export targets in regional strategies (the targets are expected to serve as an institutional factor prompting economic diversification). This research is exploratory; methodologically, it stands out for using qualitative and quantitative content analysis with elements of computer-assisted frequency analysis of legislative acts and regulations. The study classifies, for the first time, the non-resource non-energy export targets, contributing to the regional export strategy theory. Analysis of strategies for socio-economic development confirmed the hypothesis that, in some north-western Russian regions, the priorities and targets of non-resource non-energy exports are at odds with federal law. The practical implication of this study is recommendations on adapting strategies for regional socio-economic development to the updated non-resource non-energy export targets.

Keywords:

export promotion, regional export programme, resource dependence, diversification, text analysis, content analysis

References

1. Porfir'ev, B. N., Shirov, A. A., Uzyakov, M. N. et al. 2020, The main directions of socio-economic development in 2020–2024 and for the period up to 2035, *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], vol. 180, no. 3. p. 3–15. (in Russ.).
2. Boman, J., Berg, E. 2007, Identity and institutions shaping cross-border co-operation at the margins of the European Union, *Regional and Federal Studies*, vol. 17, no. 2, p. 195–215.
3. Castells, M. 2004, *The Power of Identity: The Information Age. Economy, Society and Culture*, vol. 2.
4. Hunt, S. A. et al. 1994, Identity Fields. New Social Movements. In: Larana, E. et al. (ed.) *Philadelphia*, Temple University Press, p. 185–208.
5. Vardomskii, L. B., Skatershchikova, E. E. 2002, *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' regionov Rossii: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Foreign economic activity of the regions of Russia: study guide for universities]. 320 p. (in Russ.).
6. Lado, N., Martinez-Ros, E., Valenzuela, A. 2004, Identifying successful marketing strategies by export regional destination, *International marketing review*, vol. 21, no. 6, p. 573–597. doi: <https://doi.org/10.1108/02651330410568024>.

7. Gashi, P. 2014, Export behavior of SMEs in transition countries, *Small Business Economics*, vol. 42.
8. *Aktual'nye voprosy razrabotki eksportnoi strategii regiona*, 2018 [Topical issues of the development of the export strategy of the region: monograph], YarGU, 268 p. (in Russ.).
9. Andreeva, E. L., Glukhikh, P. L., Myslyakova, Yu. G. 2018, Business strategies of the company's participation in entrepreneurial ecosystems, *Upravlenets* [The Manager], vol. 9, no. 6. p. 49–57. doi: <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-5>.
10. Lawless, M., Siedschlag, I., Studnicka, Z. 2019, Firm strategies in expanding and diversifying exports, *World economy*, vol. 42, no. 2, p. 349–375. doi: <https://doi.org/10.1111/twec.12702>.
11. Andreeva, E. L., Linetsky, A. F., Ratner, A. V. et al. 2016, Impact of international economic agreements on the development of international trade for region. In: *SGEM 2016*, Proceedings of 3-rd international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Economics and tourism, Sofia, Book 2, vol. 5, p. 305–312.
12. Amiti, M., Freund, C. 2010, An anatomy of China's export growth. In: *China's growing role in world trade*, Chicago, University of Chicago Press, p. 33–56.
13. Besedeš, T., Prusa, T. J. 2011, The role of extensive and intensive margins and export growth, *Journal of Development Economics*, vol. 96, no. 2, p. 371–379.
14. Kadochnikov, S. M., Fedyunina, A. A. 2013, Dynamics of export diversification in the conditions of economic growth: an empirical analysis for Russian regions 2003–2010, *Vestnik Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Ural Federal University. Series: Economics and Management], no. 5, p. 73–89 (in Russ.).
15. Cadot, O., Carrère, C., Strauss-Kahn, V. 2011, Export diversification: What's behind the hump? *Review of Economics and Statistics*, vol. 93, no. 2, p. 590–605.
16. Laruelle, M., Peyrouse, S. 2013, Mineral Wealth Export Strategies Versus State Sovereignty. In: *Globalizing central Asia: geopolitics and the challenges of economic development*, Routledge, Oxford, p. 190–217.
17. Dedkova, E. G. 2017, Non-primary export in Russia: current state and prospects of development, *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki* [Economic and human sciences], vol. 308, no. 9, p. 101–107 (in Russ.).
18. Spartak, A. N., Knobel', A. Yu., Flegontova, T. A. et al. 2018, Prospects for increasing Russian non-primary exports, *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic Development of Russia], p. 132 (in Russ.).
19. Kuz'mina, V. M., Parkhomchuk, M. A. 2020, The main directions of activity for supporting the export of non-resource non-energy sector of the economy, *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management], vol. 10, no. 6, p. 10–19 (in Russ.).
20. Gulin, K. A., Yakushev, N. O., Mazilov, E. A. 2018, Activation of economic growth in the regions of the Russian Federation on the basis of stimulating the development of non-resource exports, *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], vol. 11, no. 3, p. 57–70. doi: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.4> (in Russ.).
21. Titova, S. Yu. 2020, Assessment of the effectiveness of export support at the regional level (on the example of the Khabarovsk Territory). In: *Problemy i mekhanizmy realizatsii natsional'nykh prioritetov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii*, RITs KhGUEP, p. 151–156 (in Russ.).
22. Kovaleva, E. N., Oganova, A. A. 2018, Nesyr'evoi neenergeticheskii eksport Rossii makro-i mezourovnya: osnovnye tendentsii razvitiya i napravleniya podderzhki, *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya Ekonomika i ekologicheskii menedzhment* [Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya Ekonomika i ekologicheskii menedzhment], no. 2, p. 36–45. doi: <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2018-11-2-36-45> (in Russ.).
23. Koval', A., Levashenko, A. 2017, Export support in Russia: systematic approach, *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia], no. 12, p. 10–14.
24. Andreeva, E. L., Ratner, A. V., Myslyakova, Y. G., Glukhikh, P. L. 2018, The External Economic Factor in the Development of Northwestern Regions: Institutional Support and an Impact Assessment, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 19–36. doi: <https://doi.org/10.17586/10.5922/2079-8555-2018-1-2>.

25. Mingaleva, Zh. A., Oborina, E. D. 2010, Management of foreign economic activity within the framework of structural modernization of the regional economy (on the example of the Perm Region), *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki* [Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic Sciences], vol. 92, no. 1, p.82—86 (in Russ.).
26. Mingaleva, Zh. A., Oborina, E. D. 2010, Development of the strategy of foreign economic activity of the region in the programs of structural modernization of the economy, *Vestnik permskogo universiteta. Seriya: ekonomika* [Bulletin of the Perm University. Series: Economics], vol. 4, no. 1, p. 61—66 (in Russ.).
27. Mangeim, Dzh. B., Rich, R. K. 1997, *Politologiya. Metody issledovaniya* [Political Science. Research methods], per. s angl. Ves' Mir, 544 p. (in Russ.).
28. Aver'yanov, L. Ya. 2007, *Kontent-analiz* [Content analysis], RGIUr, 286 p. (in Russ.).
29. Tarshis, E. Ya. 2014, *Kontent-analiz: Printsipy metodologii. (Postroenie teoreticheskoi bazy. Ontologiya, analitika i fenomenologiya teksta. Programma issledovaniya)* [Content analysis: Principles of methodology. (Building a theoretical framework. Text ontology, analysis, and phenomenology. Research program)], Knizhnyi dom «LIBROKOM», 182 p. (in Russ.).
30. Weber, R. Ph. 1985, *Basic Content Analysis*, Beverly Hill.
31. Shalyapina, S. K. 1998, *Postroenie kategorial'noi modeli v kontent-analize* [Building a categorical model in content analysis], PhD Thes., 34 p. (in Russ.).
32. Kostenko, N., Ivanov, V. 2003, *Opyt kontent-analiza. Modeli i praktiki* [Experience of content analysis. Models and practices], Tsentr svobodnoi pressy, 44 p. (in Russ.).
33. Cherdantsev, A. F. 2012, *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii* [Logico-linguistic phenomena in jurisprudence], Norma, NITs Infra-M, 320 p. (in Russ.).
34. Chalkidis, I., Kampas, D. 2019, Deep learning in law: early adaptation and legal word embeddings trained on large corpora, *Artificial Intelligence and Law*, vol. 27, no. 2, p. 171—198. doi: <https://doi.org/10.1007/s10506-018-9238-9>.
35. Savel'ev, D. A. 2018, On the Creation and prospects of using the corpus of texts of Russian Legal acts as a set of open data, *Pravo, Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Journal of the Higher School of Economics], no. 1, p. 26—44. doi: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.26.44>.
36. Tikhomirov, Yu. L. 1999, Questions of legal regulation of international and foreign economic relations of the Russian regions. In: *Sbornik dokumentov i materialov po voprosam mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskii svyazei sub"ektov Rossiiskoi Federatsii*, p. 21 (in Russ.).
37. Degterev, D. A., Degterev, A. Kh., Nikulin, M. A. et al. 2014, Applied analysis of the foreign policy of the CIS countries, *Vestnik rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], no. 4, p. 176—184 (in Russ.).
38. Krakashova, O. A., Zhitnikov, I. V. 2019, Content analysis of materials of the II Open Russian Statistical Congress, *Uchet i statistika* [Accounting and Statistics], vol. 54, no. 2, p. 20—28 (in Russ.).
39. Kuchakov, R., Savel'ev, D. 2018, *Slozhnost' pravovykh aktov v Rossii: Leksicheskoe i sintaksicheskoe kachestvo tekstov* [Complexity of legal acts in Russia: Lexical and syntactic quality of texts], IPP EUSPb, 20 p. (in Russ.).
40. Semin, P. O. 2020, Some regularities of establishing regional categories of specially protected natural territories, *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], vol. 21, no. 2, p. 11—38 (in Russ.).

The author

Dr Pavel L. Glukhikh, Senior Research Fellow, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: gluchih_p_l@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5992-3780>

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР

О. В. Толстогузов

Институт экономики
Карельского научного центра РАН,
185030, Россия, Петрозаводск, просп. А. Невского, 50

Поступила в редакцию 19.05.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-4
© Толстогузов О. В., 2022

Устранение неравномерности развития регионов и территориальных дисбалансов воспринимается как актуальная задача, при решении которой необходимо учитывать геоэкономические особенности различных частей пространственно структурированной территории страны. Цель данного исследования — выявление тенденций трансформации экономического пространства и структурных изменений в экономике региона Северо-Западного федерального округа. Теоретико-методологическое осмысление трансформации пространства осуществляется с участием экономической теории и географии, учений о территориально-производственных комплексах и циклах производства энергии, региональной экономики и других наук. Проведен институционально-экономический анализ капитализации доходов, а также роли институционального фактора. Осуществлен анализ валовой добавленной стоимости (ВДС) по видам деятельности в разрезе регионов. В данном исследовании рассматриваются некоторые аспекты движения капитала (ренты) в экономическом пространстве. Наблюдаются следующие тенденции: Архангельская и Мурманская области, Республики Коми и Карелия диверсифицировали экономику за счет развития обрабатывающей промышленности наряду с добычей полезных ископаемых, Мурманская и Псковская области — за счет развития сельского хозяйства и т. д. Показано, что на региональные факторы, генерирующие ренту при значительных транзакционных издержках, оказывают влияние институциональные факторы. Сделан вывод о волновом характере структурных изменений в экономике регионов Северо-Запада России. Индекс ВДС регионов и развития отраслевых рынков показывает переходную зону структурных фаз «волны», которая в основном приходится на 2014 год. Триггером для второй фазы волны и новых структурных изменений стали санкции и усиление конфронтации, которые снизили отток капитала и оказали значительное влияние на последующие структурные изменения в региональной экономике.

Ключевые слова:

экономическое пространство, институт, транзакция, экономическая рента, инвестиции

Введение

Устранение территориальных диспропорций воспринимается как актуальная задача, в которой необходимо учитывать геоэкономические особенности разных частей пространственно структурированной территории страны [1 — 4]. Под простран-

Для цитирования: Толстогузов О. В. Структурные изменения экономики регионов Северо-Запада России: институциональный фактор // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 56–74.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-4.

ственным неравенством понимается различие показателей (валовая добавленная стоимость (ВДС), валовой региональный продукт (ВРП) и т. д.) [1]. Исследователи оценивают пространственные различия в том смысле, что экономические действия являются контекстуальными, а не обусловленными исчислением максимизации дохода [3—5]. При этом больше внимания уделяется организационным процедурам. Рассматриваются как сам локальный процесс [5], так и изменяющийся институциональный порядок взаимодействий между агентами при локализации соотношения частных и общих институтов [6—8]. Поэтому ученые начали активно исследовать функцию институтов в развитии территорий [8—10] и роль, которую играют экзогенные и эндогенные факторы в развитии периферийных регионов [2; 11; 12]. При этом они обращают внимание на «мезофеномены», позиционированные на основе отличия от микро- и макроуровней [13; 14]. Так, в рамках принятой логики «мезо-подхода» к взаимодействию общих и частных правил при объяснении процессов кооперации и координации агентов в фокусе внимания оказываются «мезоинституты» — новая исследовательская категория, выполняющая важную функцию посредника сопряжения общих и частных правил [8; 15; 16]. Концепция институтов позволяет исследовать пространственные объекты как мезоэкономические системы с концентрацией на их организационных особенностях. В широком смысле мезоэкономика изучает эволюцию экономических групп (кластеры, сети и т. д.) и поэтому формируется под влиянием отраслевой, пространственной и институциональной экономики [17, с. 30]. При этом эксперты обращают внимание на условия неопределенности и трансформацию институционального порядка взаимодействия между агентами, функционирование мезоэкономических структур и эндогенное формирование механизмов координации агентов [7; 14; 16; 18; 19].

В рамках подобных смыслов поставлена цель настоящего исследования, которая заключается в выявлении тенденций трансформации экономического пространства и структурных изменений в экономике регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО).

Методы исследования

Теоретико-методологическое осмысление экономического пространства СЗФО осуществляется с участием экономической теории и географии, учений о территориально-производственных комплексах (ТПК) и энергопроизводственных циклах (ЭПЦ), региональной экономики и других наук. При этом Северо-Запад России — это объект, представляемый моделью центр-периферийных взаимодействий [2]. Помимо экономического анализа применялся институциональный анализ, который заключался в сопоставлении различных институциональных характеристик объектов с целью выявления общих и частных институтов и их влияния на экономику регионов. Предметом анализа стал мезоинститут — контрактная система, сложившаяся в отрасли, и другие действующие институты, регулирующие порядок хозяйствования.

Информационную базу исследований составили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) (<https://rosstat.gov.ru/folder/10705>): номинальные ВРП и ВДС, инвестиции, валовое накопление основного капитала, численность населения. Статистический анализ осуществлялся по отдельным и укрупненным видам деятельности в разрезе регионов (табл. 1). Критерием объединения видов услуг и управленческих действий в агрегаты выступал механизм ценообразования: конкурентный (рыночный) и неконкурентный (нерыночный).

Таблица 1

Группировка видов деятельности по секторам

Виды деятельности (по Росстату)	Агрегированные сектора экономики	
Добыча полезных ископаемых	Добыча полезных ископаемых	
Обрабатывающие производства	Обрабатывающие производства	
Строительство	Строительство	
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	Транзакционный сектор экономики (рыночные услуги)	
Транспортировка и хранение; деятельность в области информации и связи		
Деятельность финансовая и страховая		
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг		
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания		
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование		Транзакционный сектор экономики (нерыночные услуги)
Образование		
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений		
Здравоохранение и предоставление социальных услуг		
Предоставление прочих видов услуг		
Производство и обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений		
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	Сельское и лесное хозяйство и др.	
Сельское хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство и лесное хозяйство		

Индекс ВДС регионов и развития секторов в разрезе регионов СЗФО рассчитывался известным образом по формуле

$$\mu_{ij}(t) = \frac{d_{ij}(t)}{D_j(t)} \frac{N(t)}{n_i(t)},$$

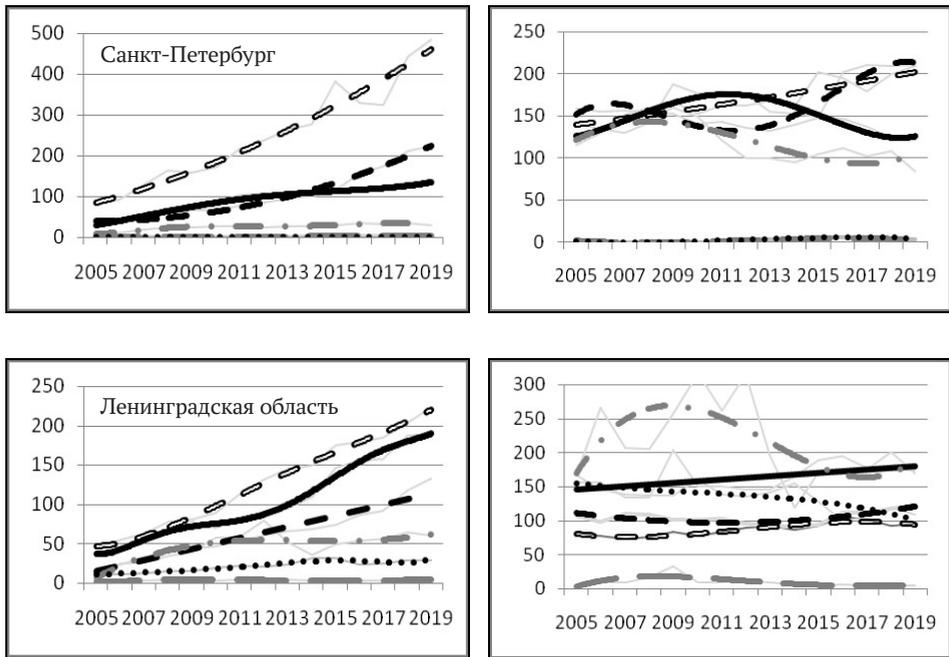
где d_{ij} — объем произведенной валовой добавленной стоимости в i -м регионе в j -м секторе (отрасли); D_j — объем произведенной валовой добавленной стоимости в j -м секторе (отрасли) России, млн руб.; n_i — численность населения i -го региона; N — численность населения России; t — годы наблюдений (2005—2019).

Индекс $\mu_{ij}(t)$ характеризует степень развитости секторов регионов в сравнении со средним российским уровнем. Превышение его значения в 100% отражает специализацию экономики региона.

Для анализа трендов использовался метод выделения модулированного сигнала, наведенного на колебания значений информационного сигнала — соответствующего статистического показателя. Модуляция выполнялась с целью выделения соответствующего полезного сигнала, несущего в себе информацию о структурных изменениях.

Результаты

Ранее в работе [2] были показаны тренды, сложившиеся в регионах Северо-Запада России в начале XXI века. Однако затем в результате известных геополитических событий экономическое пространство испытало новую волну структурных сдвигов. Анализ временных рядов индекса позволил сделать выводы о структуре экономики регионов и их отраслевой специализации. На рисунках 1—4 представлена динамика удельного ВДС отрасли (агрегированного сектора) и индекс ВДС регионов (μ_{ij}). Анализ трендов осуществлялся после модуляции соответствующих полезных сигналов ВДС сектора и $\mu_{ij}(t)$ регионов. Каждый из четырех рисунков представляет определенный тип структурных сдвигов и соответствующие группировки регионов.

а

б

- Обрабатывающие производства
- Добыча полезных ископаемых
- - Транзакционный сектор экономики (рыночные услуги)
- · Транзакционный сектор экономики (нерыночные услуги)
- · Строительство
- · · · · Сельское и лесное хозяйство

Рис. 1. Изменение структуры экономики регионов со специализациями «Транзакционный сектор экономики (рыночные услуги)» и «Обрабатывающие производства»:

а — ВДС отрасли (сектора) в пересчете на душу населения, тыс. руб.;
 б — индекс ВДС регионов, % от среднероссийского уровня

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

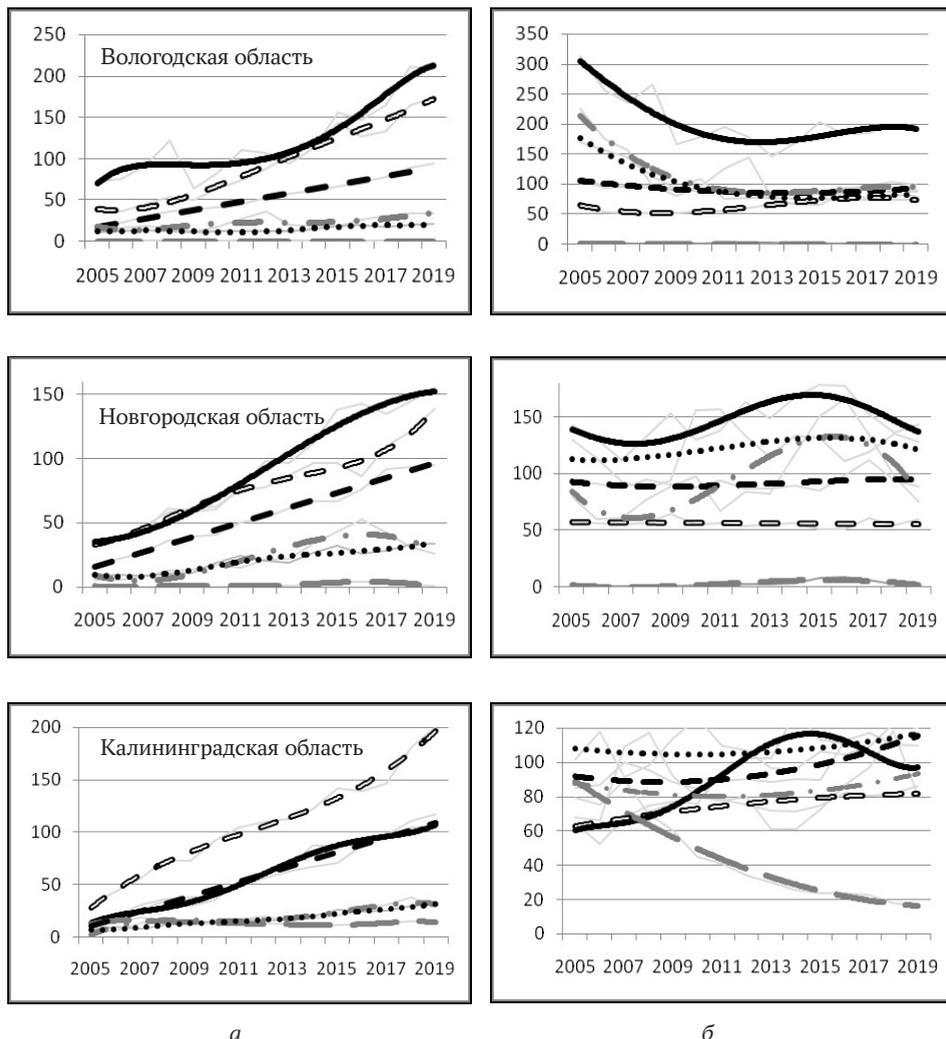

Рис. 2. Изменение структуры экономики регионов со специализацией «Обрабатывающие производства»:

а — ВДС отрасли (сектора) в пересчете на душу населения, тыс. руб.;
 б — индекс ВДС регионов, % от среднероссийского уровня

Примечание: обозначения те же, то и на рисунке 1.

На основе анализа данных сделали два вывода. Первый вывод касается разделения временного интервала наблюдений на два периода. Условная линия перелома трендов приходится на 2014 год. Второй вывод: у ряда регионов намечилось изменение предыдущего тренда, отмеченного в работе [2]. Происходит активное развитие отдельных секторов экономики вплоть до смены специализации (при условии превышения среднероссийского уровня) (рис. 1—4 и табл. 2).

В Республиках Коми и Карелии, Архангельской, Мурманской и Калининградской областях наблюдается диверсификация регионального хозяйства за счет развития «обрабатывающих производств» наряду с «добычей полезных ископаемых».

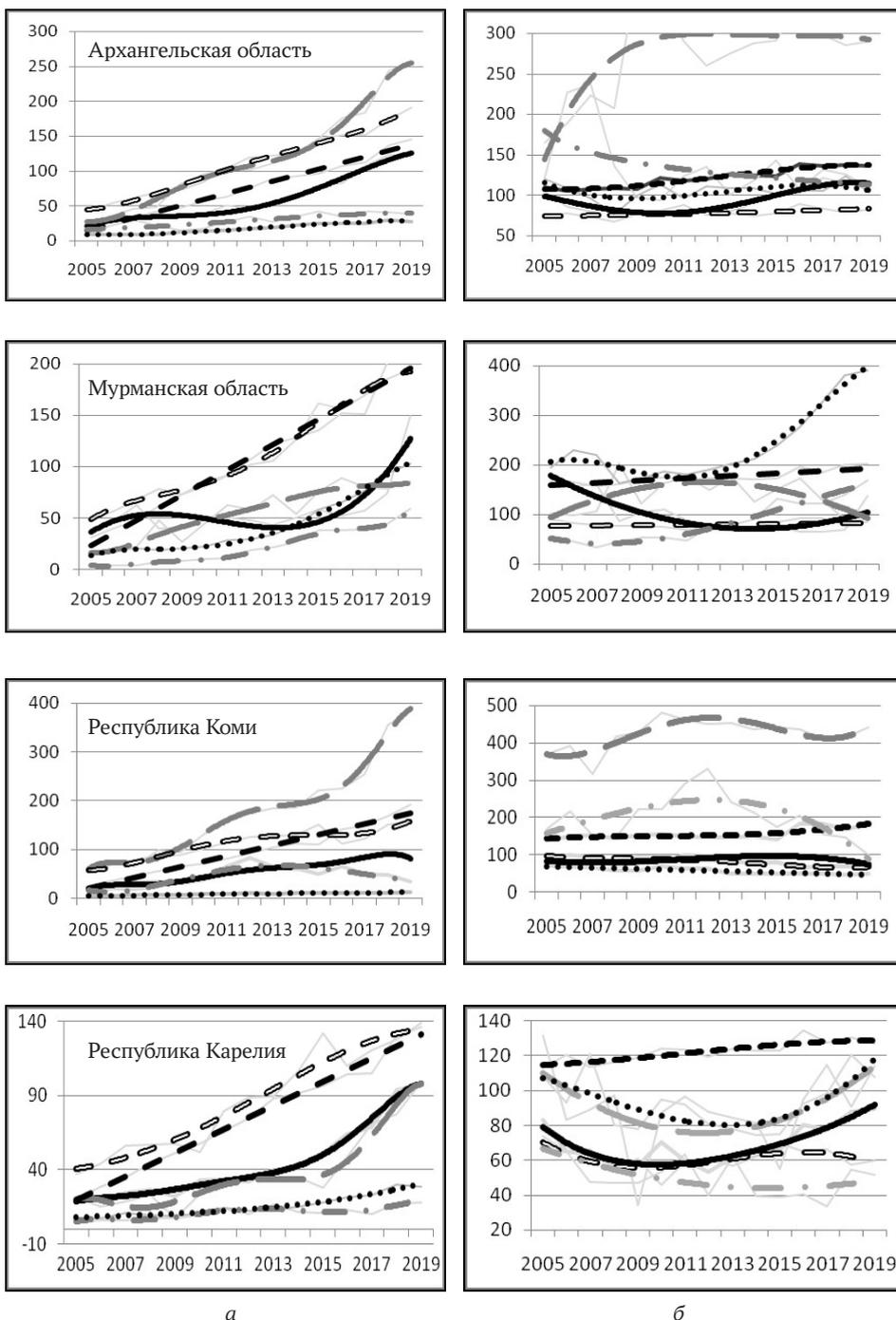

Рис. 3. Изменение структуры экономики регионов, имеющих специализацию или рост секторов «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства»:
 а — ВДС отрасли (сектора) в пересчете на душу населения, тыс. руб.;
 б — индекс ВДС регионов, % от среднероссийского уровня

Примечание: обозначения те же, что и на рисунке 1.

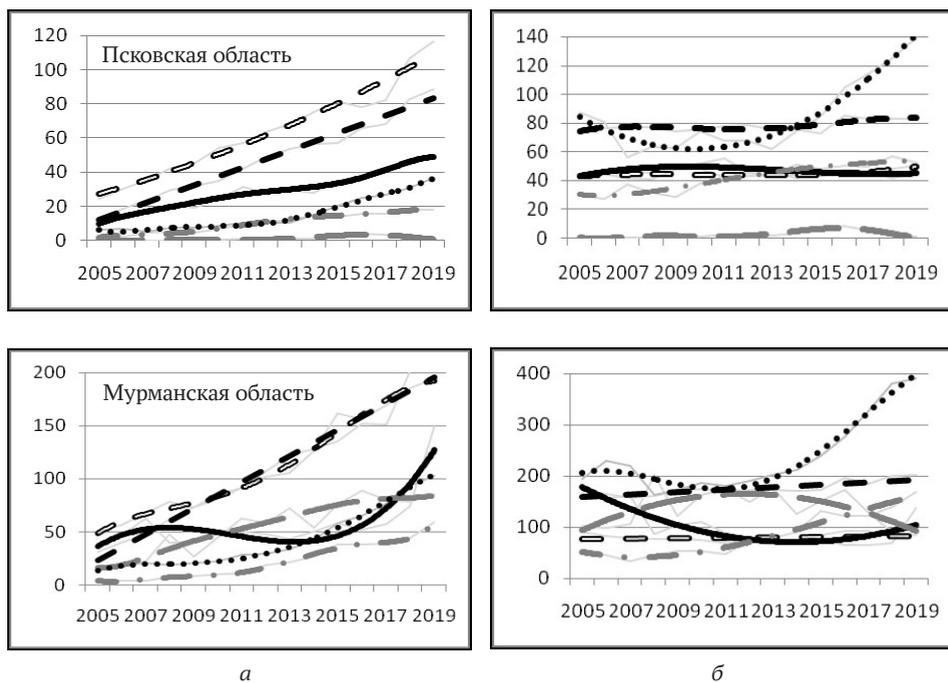

Рис. 4. Изменение структуры экономики регионов, имеющих специализацию «Сельское и лесное хозяйство и др.»:

а — ВДС отрасли (сектора) в пересчете на душу населения, тыс. руб.;
б — индекс ВДС регионов, % от среднероссийского уровня

Примечание: обозначения те же, что на рисунке 1.

Таблица 2

Группировка регионов по уровню развития секторов экономики

Виды экономической деятельности	I фаза (до 2014 года)	II фаза (после 2014 года)
	Специализация	Специализация / рост отрасли
Рыночные услуги	Санкт-Петербург, Ленинградская область	Санкт-Петербург / Ленинградская область
Обрабатывающие производства	Санкт-Петербург, Ленинградская, Вологодская, Новгородская области	Санкт-Петербург, Ленинградская, Вологодская, Новгородская области / Калининградская, Архангельская, Мурманская области, Республика Коми, Республика Карелия
Добыча полезных ископаемых	Архангельская, Мурманская области, Республика Коми	Архангельская, Мурманская области, Республика Коми / Республика Карелия
Строительство	Санкт-Петербург, Ленинградская, Архангельская области, Республика Коми	Санкт-Петербург, Ленинградская область / Архангельская, Мурманская области
Сельское хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	Вологодская, Новгородская, Калининградская области	Новгородская, Калининградская, Мурманская, Псковская области / Республика Карелия

Наметилась специализация Псковской области («сельское хозяйство и пр.») и в Мурманской области в том же агрегированном секторе (только с упором на рыболовство и рыбоводство). Кроме того, Новгородская и Калининградская области и Республика Карелия отметились повышенными темпами развития данной отрасли.

Однако Мурманская область и Республика Карелия в связи со снижением цен на рыбу на международном рынке на 25 % во второй половине прошлого года ожидаемо снизят темпы развития отрасли.

Анализ трендов (рис. 1—4) показал две тенденции, которые мы назвали двумя фазами «волны» сдвигов в экономическом пространстве. Продemonстрируем переход фазы I в II следующим образом. На рисунке 5 показаны схема макрорегиона и две фазы «структурной волны», изменяющей тренды развития регионов в измерении индексов ВДС обрабатывающих производств. По нашему мнению, сначала происходит «стягивание» обрабатывающей промышленности в центр. При этом периферийные регионы испытывают инвестиционный голод (I фаза). И наоборот, II фаза характеризуется диффузией капитала в периферию, обеспечивающей высокие темпы развития сектора «Обрабатывающие производства». Полагаем, что ТПК периферии позитивно отреагировали на новые возможности на основе имеющегося у них производственно-инфраструктурного потенциала и подъема ЭПЦ.

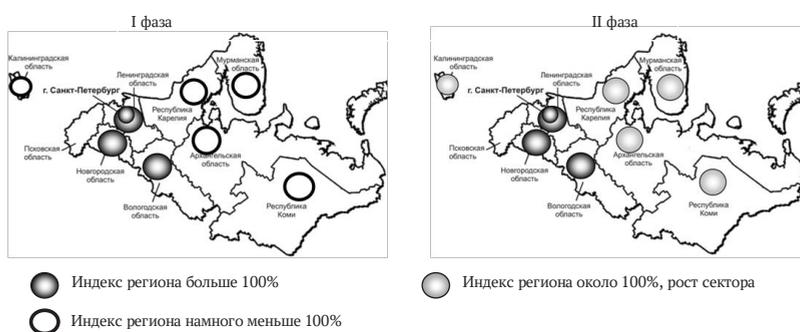

Рис. 5. Структурная волна в СЗФО:

I фаза — обрабатывающая промышленность «стягивается» в центр макрорегиона,

II фаза — активное развитие отрасли в периферии

В работе [2] была предложена классификация регионов по степени развитости тех или иных секторов экономики. В то же время новые события призывают к ее пересмотру. В таблице 2 представлена новая классификация, учитывающая произошедшую смену фаз структурных сдвигов.

Обсуждение

Основные проблемы отечественного промышленного развития стали все более тесно связанными с инвестиционными ресурсами [20]. Поэтому, учитывая санкции, давление на фондовые рынки, активное использование международных структур и иные ограничительные меры, изымающие ликвидность из мировой экономики, у российских производителей настали трудные времена. Очевидно, что дефицит «длинных» денег — тормоз экономического развития периферии и препятствие на пути к достижению значимых промышленных успехов.

Чтобы разобраться в причинах смены фаз, построим формальную модель, отражающую влияние как эндогенных причин, так и экстерналий. В отличие от традиционного подхода, рассматривающего конкурентное ценообразование и на этом основании полагающего, что экстерналии не меняют рыночной структуры, здесь предполагается, что пространственные экстерналии формируют эндогенные механизмы, характерные для рыночной структуры чемберлинского типа. Чемберлинская формулировка рыночной структуры заимствована из работы А. Диксита

и Дж. Стиглица [21]. В нашем случае мы рассматриваем ситуацию выбора альтернатив, когда потенциальные инвестиции в ту или иную отрасль периферийного региона взаимозаменяемы, но являются плохими заменителями операциям вовне (в центр). Рыночное решение в отношении оптимума осуществляется с учетом единичной межсекторальной эластичности и по принципам, установленным как внутри региона, так и с учетом того, что внешние бенефициары задают принципы для выбора оптимальных стратегий резидентами периферии.

Далее оценим потери рентного дохода у двух бенефицирных групп (внешних и периферийных фирм), который традиционно оценивается через приведенную чистую стоимость инвестиций (NPV):

$$NPV = \sum_t [S + R(1+r)^{-t}],$$

где R — рентный доход без учета инфляции; r — дисконтная ставка; S — инвестиционные и операционные затраты (с учетом всех расходов, как трансформационных, так и транзакционных).

Если учесть пространственно-временную континуальность экономического пространства, то полагаем, что экономическая рента — это потенциал движения агента в экономическом пространстве. Этот потенциал определяется начальным и конечным положением агента и свойствами самого пространства и оценивается в системе имущественных и неимущественных прав через рентную функцию, превращенную в цену производства. Причину разной эффективности транзакций видим (соглашаясь с В. Элснером [18]) в эндогенном формировании институциональных механизмов, в первую очередь мезоинститутов.

Полагаем, что затраты определяются по среднеотраслевым нормативам, одинаковым для всех регионов. Тогда рентный поток рассчитывается через ВДС отраслей регионов. Учитывая предел функции NPV ($\lim_{t \rightarrow \infty} NPV = R/r; r \gg 0$) и сделанные допущения, оценим потери ренты через анализ функции R .

В ходе I фазы инвестиционная часть капитала уходила не только в другие отрасли (в добычу полезных ископаемых, как это происходило в Республике Коми и Мурманской области [2]), но и из дискриминационных регионов в другие регионы, в частности в Санкт-Петербургскую и Московскую агломерации.

Периферийная промышленность (за исключением проектов крупных корпораций, как правило, связанных с добычей и первичной переработкой природных ресурсов) повсеместно испытывала дефицит ликвидности. В условиях неполного использования производственных ресурсов это вело к торможению производства, в первую очередь обрабатывающей промышленности как одного из наиболее капиталоемких производств [2; 22].

Для объяснения механизма изъятия экономической ренты введем, согласно работе [4], пространственную дифференциальную экономическую ренту первого и второго рода (R_{1ij} и R_{2ij}). Пусть

$$R_{ij} = p_{ij} R_{1ij} + p_{ij} R_{2ij},$$

где R_{1ij} и R_{2ij} индексы отраслевых (j) и территориальных (i) нормативов ВДС (рентная функция); p_{ij} — индексы отраслевых (j) и территориальных (i) цен.

В определенном случае региональные факторы (например, запасы природных ресурсов) могут становиться ведущими рентиобразующими факторами. В работе [23] показано, как использование местных ресурсов влияет на пространственное распределение цепочек добавленной стоимости и вызывает позитивные пространственные экономические эффекты. В этом случае рента R_{1ij} в основном связана с высоким экономическим потенциалом территории и с сопряженным с ним инфраструктурным каркасом.

На превращение ренты в цену производства влияет и вторая ее часть — R_{2ij} , которая возникает при различной производительности вложений капитала (инвестиций) и иных транзакциях, способствующих увеличению экономической ренты. В то же время в качестве рентообразующих факторов рассматриваем уже не природные и технологические причины, а монопольную власть аффилированных олигопольных групп и иные институциональные и пространственно связанные причины.

Рента R_{2ij} распределяется в соответствии со структурой рынка, экзогенными причинами торговли, сформированными под действием разных регуляторов. Тогда величина и структура цены есть во многом результат институционально сложившегося порядка хозяйствования и транзакционных издержек. В последние включаются внепроизводственные издержки, издержки, связанные с обеспечением контрактов, поддержкой исковой силы претензий. Наличие чувствительных административных и экономических барьеров создает дополнительные издержки для фирм со слабой рыночной властью и периферийных территорий со слабым административным ресурсом. Поэтому рассмотрим регулятивные причины, обусловленные природой коллективных действий агентов как явлений экономического пространства. В экономике существуют не просто фирмы и рынки, а связывающая их плотная сеть контрактных взаимоотношений. Чтобы учесть частное право (мезоинститут), сформированное контрактной системой, перепишем формулу (2) следующим образом:

$$R_{ij} = a_{ij} p_{ij} R_{1ij} + \beta_{ij} p_{ij} R_{2ij}, \quad (1)$$

где a_{ij} и β_{ij} — нормирующие коэффициенты.

При этом $a_{ij} \geq 0$, а β_{ij} может быть как больше нуля, так и меньше нуля в зависимости от пространственно-временного измерения структуры отношений. В частности, исследование [24] показало, что появление новых отраслей промышленности (в том числе привлечение и закрепление отраслей и рынков из-за пределов региона) и различных форм новых видов экономической деятельности в регионах следует рассматривать в контексте различий пространственного развития, а диверсификацию путей развития — в контексте компетенций бенефициаров, в частности основанных на комбинации новых аналитических знаний [25]. Данный вывод приобретает особый смысл при активной цифровизации экономики.

Коэффициенты a_{ij} и β_{ij} определяются из анализа контрактов и иных институциональных условий устойчивости локального равновесия и зоны компетенций. Полагаем, что по причине возникновения негативности синергии экономического пространства ($\beta_{ij} \leq 0$) периферийные компании и территории оказываются в условиях дискриминации и вынуждены функционировать по внешним стандартам (из-за дефицита компетенций).

Для иллюстрации рассмотрим пример рынка лесоматериалов («березовый баланс»), поставленных предприятиями-резидентами Республики Карелия и Вологодской области в Финляндию. Этот пример интерес тем, что он оказался предметом антимонопольного расследования со стороны уполномоченных органов Финляндии и России как имеющий признаки антиконкурентного соглашения (сговора) на товарных рынках.

На основании анализа контрактов, проведенного автором, на рисунке 6 отражены результаты влияния мезоинститутов на превращение ренты в цену производства. Здесь показаны средние (по отраслевому межрегиональному рынку) прибыль, трансформационные и транзакционные издержки.

Транзакционные издержки в структуре цены относятся к операционным (внутренним) затратам. Они характеризуют деятельность по обеспечению порядка внутри зоны компетенций. В то же время большая часть транзакционных издержек (превышение над контрактной ценой) обусловлена внешними обстоятельствами, не

учитывающимися в контрактах поставки. Это, по нашему мнению, безусловные потери региона. Первый и четвертый столбцы определяются среднеотраслевыми трансформационными издержками и «стоимостью леса» по обе стороны границы. Второй, третий и пятый показывают результат выбора фирмами (с неодинаковой рыночной силой) разных стратегий, обусловленных условиями рынка чемберлинского типа [21]. При этом возросшие транзакционные издержки (разница высоты столбцов по обе стороны границы) не учитываются в базисных условиях поставки (EXW, FCA, DAF и т. д.).

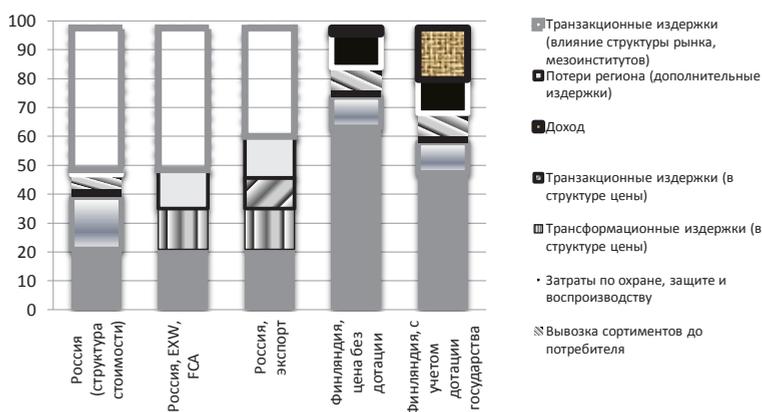

Рис. 6. Влияние мезоинститутов на превращение ренты в цену производства на примере структуры контрактной цены 1 м³ «березового баланса», евро

Такое превращение ренты в цену производства есть результат институционально сложившегося порядка хозяйствования, который ослабляет фирмы со слабой рыночной властью и территории со слабым административным ресурсом. В этом, как мы полагаем, и заключается суть механики изъятия ренты R_{2ij} .

Известно, что сложившийся порядок хозяйствования определяется балансом экстрактивных и инклюзивных институтов. Экстрактивные институты способствуют концентрации власти в центре, а инклюзивные распределяют власть по субъектам [26]. Центр формирует торговлю и конструирует экстрактивные рыночные институты, которые позволяют ему взимать экономическую ренту из периферии. Аналогичная ситуация сложилась также и в европейском пространстве (согласно работе [27]). Центр (как лицензиар новых технологий и бенефициар ренты) навязывает открытость рынков периферии (как лицензиату, технологически зависимому от центра и проигрывающему ему по уровню компетенций). Он распространяет на территорию периферии свое правовое поле, поддерживающее исключительно компетенцию внешних бенефициаров.

У контрольных органов по обе стороны границы возникали вопросы к участникам рынка, поскольку они «увидели» признаки картеля в синхронном занижении цены за кубометр приобретаемой в России древесины, то есть нарушение § 6 Антимонопольного закона Финляндии, запрещающего ценовые соглашения, и ст. 81 Устава ЕС (о запрещении картелей), а также ст. 11 федерального закона Российской Федерации «О защите конкуренции». В то же время антимонопольными органами России и Финляндии факт картельного соглашения не был установлен, поскольку вся ситуация объяснялась синхронным поведением фирм. Полагаем, что происходит выбор оптимальной стратегии (по Нэшу, согласно теории игр), во многом обусловленный балансом рыночных экстрактивных и инклюзивных институтов, а не фактом запрещенного соглашения.

Действие институционального фактора, который, по нашему мнению, является причиной структурных сдвигов в первой фазе, приводит к тому, что у периферии (и у отраслей с низкой ликвидностью) наступает инвестиционный голод, объясняемый следующим образом. Уровень возврата инвестиций ROI , как известно, рассчитывается по следующей формуле:

$$ROI = [R - (S^p + S^t)]I^{-1},$$

где I — объем инвестиций, необходимый для производства и реализации продукции, обеспечения юридической защиты контрактной сети; R — доходы; S — текущие расходы; индекс P — трансформационные издержки; индекс T — транзакционные издержки, связанные с обеспечением искомой силы претензий.

Кроме того, при прочих равных условиях ($R_a = R_b^p$, $S_a^p = S_b$) транзакционные издержки субъекта, аффилированного с внешним бенефициаром (индекс a), становятся меньше, чем транзакционные издержки иных субъектов (индекс b): $S_a^t \ll S_b^t$. Поэтому $ROI_a \gg ROI_b$.

Учитывая сложившийся институциональный порядок, ожидаем, что распределение доходов в рамках модели «центр — периферия» соответствует формуле (1). Результатом пространственной экстерналии оказывается возврат инвестиций с возрастанием ликвидности активов в аффилированном субъекте гораздо большим, чем в ином случае. Однако при этом территория теряет часть выработанной на ней экономической ренты. С одной стороны, рента R_{2ij} толкает к интенсификации производства. С другой — аффилированные агенты через действие экстрактивных институтов уводят прирост ренты (потенциальный пул инвестиций).

Сложившаяся ситуация, безусловно, влияет на принятие инвестиционных решений. Так, инвестиции «центра», будь это европейская страна, граничащая с российским периферийным регионом, или российский мегаполис, стимулируют исключительно поток природных ресурсов к обрабатывающим производствам, постепенно концентрирующимся ближе к центру. Аналогичную картину можно увидеть, сравнив контракты на поставку щебня из периферии в московский мегаполис. Девелоперы, используя рыночную власть, диктуют контрактные условия.

На рисунке 7 представлен объем инвестиций в фактически действовавших ценах за 2005—2020 годы. Эта картина демонстрирует явное преимущество центра над промышленной периферией. Для сравнения добавлены данные по Москве и Московской области.

Рис. 7. Объем инвестиций в фактически действовавших ценах за 2005—2020 годы, млрд руб.:

a — инвестиции в основной капитал регионов СЗФО и Московской агломерации;
б — итоговый объем инвестиций

Источник: данные Росстата.

Триггером второй фазы волны и новых структурных изменений, по нашему мнению, стал геополитический кризис. Последовавшие санкции и усиление противостояния привели к структурным изменениям в экономике исследуемых регионов. Появилась переломная тенденция. По сути, тренд оттока капитала изменил свою направленность после 2014 года (рис. 8). По крайней мере вплоть до 2019 года наблюдалось снижение оттока капитала из России при одновременном увеличении денежной массы и уменьшении прямых инвестиций из России.

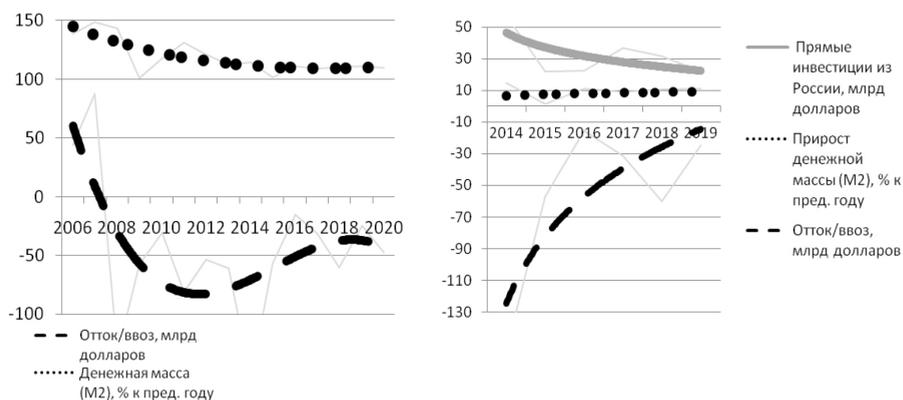

Рис. 8. Тренды результатов российской финансовой политики

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

Во второй фазе капитал, очевидно, под давлением санкций, с одной стороны, и российского правительства — с другой, вынужден был в большем масштабе двигаться на периферию. При этом данному перетоку способствовали и стимулирование кредитования, и готовность региональных властей, и в целом региональных хозяйств к инвестиционным процессам. Кроме того, по нашему мнению, в целом этот период совпал с началом обновления основного капитала в доминирующих в регионах ТПК с характерными для них ЭПЦ.

Процесс обновления основного капитала демонстрируют изменения пропорции «потребление — накопление» в ВРП и тенденции развития отраслевых рынков, по нашему мнению, характеризующих структурную деформацию экономики регионов. В частности, валовое накопление основного капитала как инвестиционной компоненты ВРП отражает характер и направленность обобщенных (в пределах региона) бизнес-циклов.

На рисунке 9 показаны обобщенные бизнес-циклы регионов Северо-Запада РФ, представленные в качестве модулированного сигнала, наведенного на колеблющиеся значения информационного сигнала — показателя «валовое накопление основного капитала, в % к итогу ВРП». Очевидно, что данные макроструктурные изменения могут не совпадать по фазе. В то же время, полагаем, что экзогенный фактор как триггер стал корректировать ритм бизнес-циклов.

На основании вышесказанного сделан вывод о том, что комбинированное воздействие финансового и институционального факторов приводит к разным структурным сдвигам в экономическом пространстве. При этом после 2014 года избыточная ликвидность в центре при усилении внешних санкций и решительности правительства стала причиной диффузии капитала на периферию (доминирование R_1 в формуле (1)). В то время как в предыдущей фазе структурной волны доминировал элемент R_2 .

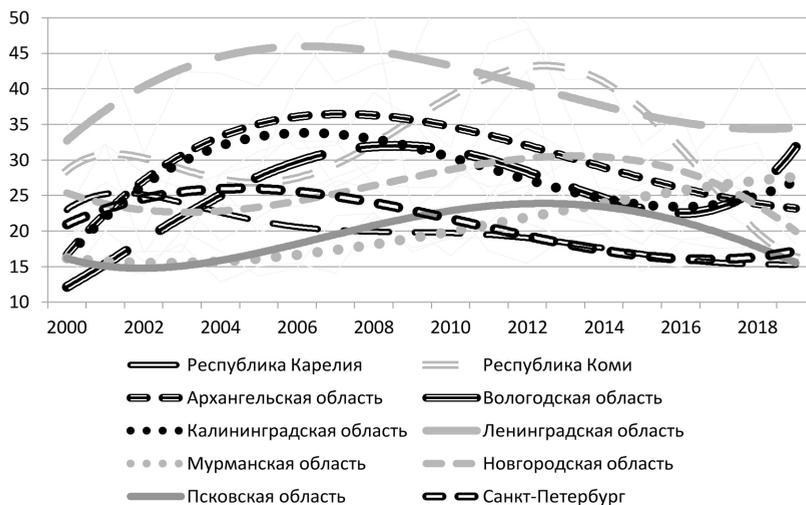

Рис. 9. Модуляция показателя «валовое накопление основного капитала, в % к итогу» по регионам СЗФО

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

Заключение

География, а именно центрально-периферическая конфигурация пространства, оказывает заметное влияние на межрегиональное различие и экономический рост в регионах [2—4; 28]. Силы, ведущие к агломерации экономической деятельности и к совокупному росту, повсеместно имеют схожий характер [28; 29]. Они способствуют дифференциации регионов, которая проявляется не только в различии полученных ВДС и ВРП, но и в разной направленности и темпах развития и эффективности транзакций. Причину видим (соглашаясь в этом с работой [18]) в эндогенном формировании институциональных механизмов, координирующих действия агентов в условиях неопределенных коллабораций и устойчивых олигопольных групп. При этом сопряжение общих и частных правил осуществляется через контрактную систему как мезоинститут.

Негативная синергия экономического пространства (показанная в настоящем исследовании и в проведенных ранее работах [2; 4]) дает нам основание в рамках модели «центр — периферия» сформулировать вывод о воспроизводстве пространственного неравенства, которое, по нашему мнению, обусловлено объективными причинами, а именно: сложившимся балансом экстрактивных и инклюзивных институтов, структурой рынка чемберлинского типа, институциональными и социальными укорененностями (термин используется в смысле [30]). Эти причины обуславливают разрыв между величинами ренты, получаемой центром и периферией, определяют градиент ренты и соответствующее снижение потенциала развития периферии.

Следствием предложенных выводов является рекомендация о том, что необходимо повышать субъектность региональных властей и усиливать их компетенцию как за счет использования местных ресурсов, так и за счет эффективных механизмов институционального регулирования структуры отношений путем проведения институционального инжиниринга, коррекции баланса экстрактивных и инклюзивных институтов и регулирования правового порядка через сетевые и контрактные

взаимодействия. В частности, администрация периферийной территории должна оказывать протекционистскую поддержку резидентным компаниям, не аффилированным с внешним бенефициаром. Этим компаниям предлагаются меры по снижению репутационных издержек. При этом такая система мер не будет считаться нарушением антимонопольного законодательства, поскольку речь идет о выравнивании условий конкуренции и взаимовыгодном сотрудничестве.

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФИЦ Карельский НЦ РАН.

Список литературы

1. Rolling back Russia's spatial disparities. Re-assembling the Soviet Jigsaw under a Market Economy, 2018, *The World Bank Group*, URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29866/126805-WP-WBrollingback-PUBLIC.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 12.05.2021).
2. Колесников, Н. Г., Толстогузов, О. В. 2016, Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект, *Балтийский регион*, Т. 8, № 2, с. 30—47. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-2-2>.
3. Коломак, Е. А. 2013, Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии, *Вопросы экономики*, № 2, с. 132—150.
4. Толстогузов, О. В. 2018, Пространственное неравенство регионов и дифференциальная экономическая рента, *Фундаментальные исследования*, № 10, с. 112—116. doi: <https://doi.org/10.17513/fr.42290>.
5. Hassink, R., Isaksen, A., Tripl, M. 2019, Towards a comprehensive understanding of new regional industrial path development, *Regional Studies*, vol. 53, № 11, p. 1636—1645. doi: <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1566704>.
6. Dopfer, K., Foster, J., Potts, J. 2004, Micro—meso—macro, *Journal of Evolutionary Economics*, № 14 (3), p. 263—279. doi: <https://doi.org/10.1007/s00191-004-0193-0>.
7. Dopfer, K. 2012, The origins of meso economics. Schumpeter's legacy and beyond, *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, № 1, p. 133—160. doi: <https://doi.org/10.1007/s00191-011-0218-4>.
8. Menard, C. 2014, Embedding organizational arrangements: towards a general model, *Journal of Institutional Economics*, vol. 10, № 4, p. 567—589. doi: <https://doi.org/10.1017/S1744137414000228>.
9. Boschma, R., Capone, G. 2015, Institutions and diversification: Related versus unrelated diversification in a varieties of capitalism framework, *Research Policy*, vol. 44, no. 10, p. 1902—1914. doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.06.013>.
10. Isaksen, A., Tripl M. 2016, Path development in different regional innovation systems: A conceptual analysis. In: Parrilli, M.D., Fitjar, R.D., Rodríguez-Pose, A. (eds.) *Innovation drivers and regional innovation strategies*, London, Routledge, p. 66—84.
11. Isaksen, A., Tripl, M. 2017, Exogenously led and policy-supported new path development in peripheral regions: Analytical and synthetic routes, *Economic Geography*, vol. 93, № 5, p. 436—457.
12. Varis, M., Tohmo, T., Littunen, H. 2014, Arriving at the dawn of the new economy: Is knowledge-based industrial renewal possible in a peripheral region? *European Planning Studies*, vol. 22, № 1, p. 101—125. doi: <https://doi.org/10.1080/09654313.2012.731041>.
13. Артур, У. Б. 2015, Теория сложности в экономической науке: иные основы экономического мышления, *Terra Economicus*, vol. 13, № 2, с. 15—37.
14. Dopfer, K. 2011, Meso-economics: A Unified Approach to Systems Complexity and Evolution. In: Antonelli, C. (ed.) *Handbook on the Economic Complexity of Technological Change*, no 13391, Cheltenham, Edward Elgar Publishing, available at: <http://econpapers.repec.org/bookchap/elgeebook/13391.htm> (accessed 12.05.2021).

15. Kunneke, R., Ménard, C., Groenewegen, J. 2010, Aligning modes of organization with technology: critical transactions in the reform of infrastructures, *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 75, № 3, p. 494—505.
16. Шаститко, А. Е. 2019, Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? *Вопросы экономики*, № 5, с. 5—25.
17. Гареев, Т. Р. 2018, Платформенные рынки: место в теории развития мезоэкономических систем и вызов пространственным исследованиям, *Балтийский регион*, Т. 10, № 2, с. 26—38. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-2>.
18. Elsner, W. 2010, The process and a simple logic of ‘meso’. Emergence and the coevolution of institutions and group size, *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 20, № 3, p. 445—477. doi: <https://doi.org/10.1007/s00191-009-0158-4>.
19. Маевский, В. И., Кирдина-Чэндлер, С. Г. (ред.) 2020, *Мезоэкономика: элементы новой парадигмы*, М., ИЭ РАН, 392 с.
20. Колмыкова, Т. С., Ситникова, Э. В., Третьякова, И. Н. 2015, Кредитные ресурсы в решении задач модернизации национальной экономики, *Финансы и кредит*, № 14, С. 2—11.
21. Dixit, A., Stiglitz, J. 1977, Monopolistic competition and optimum product diversity, *American Economic Review*, June, p. 297—308.
22. Сахарова, Л. А. 2015, Российская промышленная политика: новые организационные подходы к инвестиционным проблемам, *Евразийский Научный Журнал*, № 9, URL: <http://journalpro.ru/articles/rossiyskaya-promyshlennaya-politika-novye-organizatsionnye-podkhody-k-investitsionnym-problemam/> (дата обращения: 12.05.2021).
23. Kolesnikov, N., Kolesnikova, N. 2018, Spatial economic effects of the use of local resources: case of cement-bonded wood fiber blocks. In: *MATEC Web of Conferences, 2018. International Scientific Conference Environmental Science for Construction Industry — ESCI 2018*, № 193, 03041. doi: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201819303041>.
24. Chapman, K., Walker, D. 1987, *Industrial location. Principles and policies*, Oxford: Basil Blackwell Inc., URL: <https://archive.org/details/industriallocati0000chap/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 12.05.2021).
25. Grillitsch, M., Asheim, A., Trippl, M. 2018, Unrelated knowledge combinations: The unexplored potential for regional industrial path development, *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 11, № 2, p. 257—274. doi: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy012>.
26. Acemoglu, D., Robinson, J. A. 2012, *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*, New York, Crown Publishing Group, URL: <https://norayr.am/collections/books/Why-Nations-Fail-Daron-Acemoglu.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).
27. Antonelli, C., Patrucco, P.P., Quatraro, F. 2011, Productivity Growth and Pecuniary Knowledge Externalities: An Empirical Analysis of Agglomeration Economies in European Regions, *Economic Geography*, № 87, p. 23—50.
28. Cerina, F., Mureddu, F. 2012, Agglomeration and Growth with Endogenous Expenditure Shares, *Journal of Regional Science*, vol. 52, № 2, p. 324—360.
29. Desmet, K., Rossi-Hansberg, E. 2010, On spatial dynamics, *Journal of regional science*, vol. 50, № 1, p. 43—63.
30. Granovetter, M. 1985, Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness, *American Journal of Sociology*, № 91, p. 481—510.

Об авторе

Олег Викторович Толстогузов, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики ФИЦ Карельский научный центр РАН, Россия.

E-mail: olvito@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4162-8342>

STRUCTURAL CHANGES IN THE ECONOMY OF RUSSIAN NORTH-WESTERN REGIONS: THE INSTITUTIONAL FACTOR

O. V. Tolstoguzov

Institute of Economy Karelian Research Center
of the Russian Academy of Sciences
50 A. Nevskogo prosp., Petrozavodsk, Russia, 185030

Received 19.05.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-4
© Tolstoguzov, O. V., 2022

Balancing out uneven regional development and territorial disparities is an urgent task, and its solution requires considering the geo-economic features of various parts of Russia's spatially structured territory. This study aims to describe trends in the economic space transformation and structural changes in the economy of the North-Western Federal District. The economic space transformation is explored theoretically and methodologically, drawing on economic theory and geography, the concepts of cluster and power generation cycles, regional economics and other theories. Institutional and economic research of income capitalisation and the role of the institutional factor is carried out, along with regional gross value added (GVA) analysis by type of activity. The study also investigates the movement of capital (rent) in the economic space. There are several noticeable trends: the Arkhangelsk and Murmansk regions, the Komi and Karelia Republics have diversified their economies by developing manufacturing and mining, and the Murmansk and Pskov regions by stimulating agriculture. Regional factors generating rent at significant transaction costs are shown to be affected by institutional influences. It is concluded that structural changes in the economy of the Russian North-West regions are wavelike in nature. The index of regional GVA and industrial market development points to the existence of a transition zone between the structural phases of the wave, most of the transition taking place in 2014. The second phase of the wave was triggered, along with new structural changes, by the international sanctions and growing confrontation, which reduced capital outflow and affected further structural changes in the regional economy.

Keywords:

economic space, institution, transaction, economic rent, investment

References

1. Rolling back Russia's spatial disparities. Re-assembling the Soviet Jigsaw under a Market Economy, 2018, *The World Bank Group*, available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29866/126805-WP-WBrollingback-PUBLIC.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 12.05.2021).
2. Kolesnikov, N., Tolstoguzov, O. 2016, Structural Changes in the Economy of the Russian Northwest: Spatial Dimension, *Balt.reg.*, vol. 8, no. 2, p. 20—32. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-2-2>.
3. Kolomak, E. A. 2013, Uneven spatial development in Russia: explanations of the new economic geography, *Voprosy Ekonomiki*, no 2, p. 132—150 (In Russ.).
4. Tolstoguzov, O.V. 2018, Spatial inequality of regions and differential economic rent? *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], no. 10, p. 112—116. doi: <https://doi.org/10.17513/fr.42290> (In Russ.).
5. Hassink, R., Isaksen, A., Trippel, M. 2019, Towards a comprehensive understanding of new regional industrial path development, *Regional Studies*, vol. 53, no. 11, p. 1636—1645. doi: <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1566704>.

To cite this article: Tolstoguzov, O. V. 2022. Structural changes in the economy of the Russian North-West regions: institutional factor, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no. 1, p. 56—74. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-4.

6. Dopfer, K., Foster, J., Potts, J. 2004, Micro-meso-macro, *Journal of Evolutionary Economics*, no. 14 (3), p. 263—279. doi: <https://doi.org/10.1007/s00191-004-0193-0>.
7. Dopfer, K. 2012, The origins of meso economics. Schumpeter's legacy and beyond, *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, no. 1, p. 135—160. doi: <https://doi.org/10.1007/s00191-011-0218-4>.
8. Menard, C. 2014, Embedding organizational arrangements: towards a general model, *Journal of Institutional Economics*, vol. 10, no. 4, p. 567—589. doi: <https://doi.org/10.1017/S1744137414000228>.
9. Boschma, R., Capone, G. 2015, Institutions and diversification: Related versus unrelated diversification in a varieties of capitalism framework, *Research Policy*, vol. 44, no. 10, p. 1902—1914. doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.06.013>.
10. Isaksen, A., Trippel M. 2016, Path development in different regional innovation systems: A conceptual analysis. In: Parrilli, M. D., Fitjar, R. D., Rodríguez-Pose, A. (eds.) *Innovation drivers and regional innovation strategies*, London, Routledge, p. 66—84.
11. Isaksen, A., Trippel, M. 2017, Exogenously led and policy-supported new path development in peripheral regions: Analytical and synthetic routes, *Economic Geography*, vol. 93, no. 5, p. 436—457.
12. Varis, M., Tohmo, T., Littunen, H. 2014, Arriving at the dawn of the new economy: Is knowledge-based industrial renewal possible in a peripheral region? *European Planning Studies*, vol. 22, no. 1, p. 101—125. doi: <https://doi.org/10.1080/09654313.2012.731041>.
13. Arthur, W. B. 2015, Complexity theory in Economics: other foundations of economic thinking, *Terra Economicus* [Terra Economicus], no. 13 (2), p. 15—37 (In Russ.).
14. Dopfer, K. 2011, Meso-economics: A Unified Approach to Systems Complexity and Evolution. In: Antonelli, C. (ed.) *Handbook on the Economic Complexity of Technological Change*, no. 13391, Cheltenham, Edward Elgar Publishing, available at: <http://econpapers.repec.org/bookchap/elgeebook/13391.htm> (accessed 12.05.2021).
15. Kunneke, R., Ménard, C., Groenewegen, J. 2010, Aligning modes of organization with technology: critical transactions in the reform of infrastructures, *Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 75, no. 3, p. 494—505.
16. Shastitko, A. Ye. 2019, Meso-institutions: Proliferating essences or evolving economic research programme? *Voprosy Ekonomiki*, no. 5, p. 5—25. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-5-25>.
17. Gareev, T. R. 2018, Platform markets: their place in the theory of mesoeconomic system: development and a challenge to spatial studies, *Balt. Reg.*, vol. 10, no. 2, p. 26—38. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-2-2>.
18. Elsner, W. 2010, The process and a simple logic of 'meso'. Emergence and the coevolution of institutions and group size, *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 20, no. 3, p. 445—477. doi: <https://doi.org/10.1007/s00191-009-0158-4>.
19. Mayevsky, V. I., Kirdina-Chandler, S. G. (eds.) 2020, *Meso-economics: Elements of a new paradigm*, Moscow, IE RAS, 392 p. (In Russ.).
20. Kalmykova, T. S., Sitnikova, E. V., Tretyakova, I. N. 2015, Credit resources in solving the problems of modernization of the national economy, *Finasy i kredit* [Finance and credit], no. 14, p. 2—11. (In Russ.).
21. Dixit, A., Stiglitz, J. 1977, Monopolistic competition and optimum product diversity, *American Economic Review*, June, p. 297—308.
22. Sakharova, L. A. 2015, Russian industrial policy: new organizational approaches to investment problems, *Evrasiyskij nauchnyj zhurnal* [Eurasian Scientific Journal], no. 9, available at: <http://journalpro.ru/articles/rossiyskaya-promyshlennaya-politika-novye-organizatsionnye-podkhody-k-investitsionnym-problemam/> (accessed 12.05.2021) (In Russ.).
23. Kolesnikov, N., Kolesnikova, N. 2018, Spatial economic effects of the use of local resources: case of cement-bonded wood fiber blocks. In: *MATEC Web of Conferences, 2018. International Scientific Conference Environmental Science for Construction Industry — ESCI 2018*, no. 193, 03041. doi: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201819303041>.
24. Chapman, K., Walker, D. 1987, *Industrial location. Principles and policies*, Oxford: Basil Blackwell Inc., available at: <https://archive.org/details/industriallocati0000chap/page/n5/mode/2up> (accessed 12.05.2021).

25. Grillitsch, M., Asheim, A., Trippi, M. 2018 Unrelated knowledge combinations: The unexplored potential for regional industrial path development, *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 11, no. 2, p. 257–274. doi: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy012>.
26. Acemoglu, D., Robinson, J.A. 2012, *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*, New York, Crown Publishing Group, available at: <https://norayr.am/collections/books/Why-Nations-Fail-Daron-Acemoglu.pdf> (accessed 12.05.2021).
27. Antonelli, C., Patrucco, P.P., Quatraro, F. 2011, Productivity Growth and Pecuniary Knowledge Externalities: An Empirical Analysis of Agglomeration Economies in European Regions, *Economic Geography*, no. 87, p. 23–50.
28. Cerina, F., Mureddu, F. 2012, Agglomeration and Growth with Endogenous Expenditure Shares, *Journal of Regional Science*, vol. 52, no. 2, p. 324–360.
29. Desmet, K., Rossi-Hansberg, E. 2010, On spatial dynamics, *Journal of regional science*, vol. 50, no. 1, p. 43–63.
30. Granovetter, M. 1985, Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness, *American Journal of Sociology*, no. 91, p. 481–510.

The author

Prof. Oleg V. Tolstoguzov, Senior Research Fellow Institute of Economy, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: olvito@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4162-8342>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ МЕЗОРЕГИОНОВ В ПРЕДЕЛАХ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

А. Г. Манаков
И. Н. Красильникова
И. А. Иванов

Псковский государственный университет
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

Поступила в редакцию: 29.08.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-5

© Манаков А. Г., Красильникова И. Н.,
Иванов И. А., 2022

Трансграничный туристский поток в Балтийском регионе вследствие пандемии COVID-19 в 2020—2021 годах испытал значительное падение, по некоторым направлениям достигающее десятков раз. Основной задачей исследования является классификация трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня в Балтийском регионе по величине турпотока в 2019 году. Также дана оценка сокращения величины турпотока в трансграничных туристско-рекреационных регионах в 2020—2021 годах, что составляет научную новизну работы. Результат исследования — распределение 16 выделенных в Балтийском регионе трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов по трем порядкам в зависимости от величины турпотока в 2019 году. К первому порядку (с количеством прибытий свыше 500 тыс.) отнесены четыре мезорегиона, три из которых находятся на юго-западе Балтийского региона. Девять мезорегионов отнесены ко второму порядку (с количеством прибытий от 100 до 500 тыс.), три мезорегиона — к третьему порядку (с количеством прибытий от 50 до 100 тыс.). Наибольшее сокращение турпотока в 2020—2021 годах. пришлось на мезорегионы, в формировании которых принимали участие Швеция и Россия, наименьшее падение — с участием Дании, Германии, Финляндии, Эстонии и Латвии. Полученные результаты исследования позволяют в перспективе отслеживать процесс восстановления трансграничных турпотоков в странах Балтийского региона.

Ключевые слова:

трансграничный регион, иерархия регионов, туристский поток, ночевки туристов, COVID-19

Введение

Трансграничный туризм, как и международный туризм в целом, в 2020—2021 годах оказался в состоянии глубочайшего кризиса, связанного с введением государствами ограничений на пересечение границ после объявления пандемии COVID-19.

Для цитирования: Манаков А. Г., Красильникова И. Н., Иванов И. А. Опыт классификации трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в пределах Балтийского региона // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 75—89. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-5.

Во всех трансграничных туристско-рекреационных регионах, выделяемых в пределах Балтийского региона, величина турпотока в этот период сократилась в разы или даже в десятки раз. Сейчас едва ли кто-то сможет ответить на вопрос, сколько потребуется времени, чтобы трансграничные туристско-рекреационные регионы вышли на уровень своей пиковых показателей по объему турпотока, достигнутых в 2019 году.

Регион исследования охватывает полностью или частично территории 11 стран, 9 из которых имеет непосредственный выход к Балтийскому морю. К ним добавляются две страны, которые также нередко относят к Балтийскому региону, — Норвегия и Беларусь [1, с. 68]. В нашем случае включение двух последних стран в регион исследования объясняется значительной длиной границы с ними территорий, входящих в Балтийский регион в «узком смысле» [1, с. 74]. Таким образом, изучены трансграничные туристско-рекреационные регионы (ТТРП) мезуровня, расположенные как на смежных территориях основной девятки стран Балтийского региона, так и на внешних границах региона, рассмотренного в «узком понимании».

Предмет исследования — величина туристского обмена в пределах ТТРП Балтийского региона в 2019—2021 годах.

Целью исследования является определение количественных критериев классификации трансграничных туристско-рекреационных регионов мезуровня в Балтийском регионе по величине турпотока в 2019 году и оценка сокращения величины турпотока в них из-за пандемии COVID-19 в 2020—2021 годах.

Задачи исследования:

- выявление и определение границ ТТРП мезуровня в Балтийском регионе, их классификация по величине трансграничного туристского обмена в 2019 году;
- оценка величины трансграничного туробмена в границах выделенных ТТРП мезуровня с середины 2020 по середину 2021 году;
- группировка ТТРП по изменению трансграничного туристского обмена в 2020—2021 годах по сравнению с 2019 годом.

В качестве информационной базы исследования выступают находящиеся в открытом доступе данные статистических служб 11 стран: Норвегии¹, Швеции², Финляндии³, Дании⁴, Германии⁵, Польши⁶, Беларуси⁷, России⁸, Литвы⁹, Латвии¹⁰ и Эсто-

¹ StatBank Norway, 2021, available at: <https://www.ssb.no/en/statbank/> (accessed 14.08.2021).

² Statistical database, 2021, Statistics Sweden, available at: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (accessed 14.08.2021).

³ Statistics Service Rudolph, 2021, Visit Finland, available at: http://visitfinland.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/VisitFinland/VisitFinland__Majoitustilastot/visitfinland_matk_pxt_116n.px/ (accessed 14.08.2021).

⁴ StatBank Denmark, 2021, available at: <https://www.statbank.dk/statbank5a/SelectVarVal/Define.asp?Maintable=TURIST&PLanguage=1> (accessed 14.08.2021).

⁵ Database of the Federal Statistical Office of Germany, 2021, available at: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=sprachwechsel&language=en> (accessed 14.08.2021).

⁶ GUS — Bank Danych Lokalnych, 2021, Statistics Poland, available at: <https://bdl.stat.gov.pl/BDL/pomoc/stanzasilenia?active=2#> (accessed 14.08.2021).

⁷ Tourism, 2021, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, available at: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/> (accessed 14.08.2021) (in Rus.).

⁸ EMISS. State statistics of Russia, 2021, available at: <https://fedstat.ru/> (accessed 14.08.2021).

⁹ Indicators database, 2021, Lithuania official statistics portal, available at: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize/> (accessed 14.08.2021).

¹⁰ Latvijas oficiālā statistika, 2021, Oficiālās statistikas portāls, available at: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/ (accessed 14.08.2021).

нии¹¹, а также трех статистических служб земель Германии: Шлезвиг-Гольштейна и Гамбурга¹², Мекленбурга-Передней Померании¹³ и Бранденбурга и Берлина¹⁴. Используются региональные месячные или квартальные данные по ночевкам иностранных туристов, а в случае отсутствия таковых — оценена месячная динамика ночевки по стране в целом. Для Беларуси ввиду отсутствия месячных данных использованы годовые данные за 2020 год.

Степень изученности проблемы

Трансграничный туризм как важный фактор интеграции регионов, разделенных государственной границей, стал наиболее активно изучаться в последние два десятилетия [2; 3]. Отметим работы по исследованию трансграничного туризма в разных частях Балтийского региона: на российско-финляндской границе — А. Хонканена, К. Питканен, М. С. Холла [4], С. В. Кондратьевой (Степановой) [5—7] и др.; на финляндско-шведской границе — Е.-К. Прокколы [8; 9]; в приграничных районах скандинавских стран (Норвегия, Швеция, Дания) и Германии — Л. Опстада, Р. Хаммервольд, Дж. Идсе [10], Дж. Гросе, К. Фертнера, Т. А. Карстенсен [11]; на германско-польской границе — М. Вецковского и Д. Дж. Тимоти [12]; на польско-белорусской границе — А. Цяргенко [13]; на польско-российской границе — Р. Анисевич, Т. Пальмовски [14], Т. Студзенецкого, Т. Пальмовски, В. Корнеевца [15] и др.

Достаточно много работ российских исследователей посвящено выделению и изучению с разных позиций трансграничных туристско-рекреационных регионов, находящихся на границе России с Финляндией [16], Эстонией и Латвией [17—19], Республикой Беларусь [20], Литвой и Польшей [21]. И наконец, отдельно нужно отметить труды Е. Г. Кропиновой [22; 23], посвященные выделению и описанию трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня в пределах всего Балтийского региона. Именно в этих работах были обозначены признаки трансграничного туристско-рекреационного регионообразования, на которые опирается наше исследование.

Ранее нами была разработана классификация трансграничных туристско-рекреационных регионов мезоуровня по величине трансграничного туробмена, которая была апробирована в юго-восточной части Балтийского региона [24] и для ТТРР, в формировании которых участвует Швеция [25]. При изучении географии туристского потока в Швеции нами затрагивались также вопросы влияния на объем турпотока в 2020 году пандемии COVID-19. Более глубокий анализ такого влияния, включая и рассмотрение изменений в пространственной структуре туристского потока, был осуществлен применительно к Финляндии и Эстонии [26].

Работы по изучению влияния пандемии COVID-19 на географию туризма конкретной страны или региона являются достаточно редкими: например, отметим исследование, проведенное в Польше сразу после объявления пандемии в 2020 году [27]. Чаще эта проблема рассматривается в мировом масштабе и обычно

¹¹ Statistical database, 2021, Statistics Estonia, available at: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (accessed 14.08.2021).

¹² Beherbergung im Reiseverkehr in Schleswig-Holstein, 2021, Statistikamt Nord, available at: <https://www.statistik-nord.de/zahlen-fakten/handel-tourismus-dienstleistungen/tourismus/dokumentenansicht/product/6304/beherbergung-im-reiseverkehr-in-schleswig-holstein-64?cHash=e5b8bab6e791dc5c9d95544f1e7eec26> (accessed 14.08.2021).

¹³ Landesamt für innere Verwaltung Statistisches Amt. Mecklenburg-Vorpommern, 2021, available at: <https://www.laiv-mv.de/Statistik/Zahlen-und-Fakten/Wirtschaftsbereiche/Gastgewerbe-und-Tourismus> (accessed 14.08.2021).

¹⁴ Statistik Berlin Brandenburg, 2021, available at: <https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/archiv/g-iv-1-m> (accessed 14.08.2021).

касается оценки перспектив развития международного туризма с учетом фактора пандемии [28]. Таким образом, научную новизну данного исследования представляет как сама классификация ТТРП мезоуровня в Балтийском регионе по величине туристского потока, так и изучение влияния пандемии COVID-19 на изменение величины трансграничного туристского обмена в ТТРП в 2020—2021 годах.

Результаты исследования и их обсуждение

Е. Г. Кропинова [23] предложила иерархию ТТРП, включающую три основных уровня: макро- (Балтийский макрорегион), мезо- и микроуровень. Ранее нами была предложена классификация ТТРП мезоуровня по степени сформированности исходя из количества пересечений в год границ внутри ТТРП [24]. Данная классификация включала следующие количественные критерии: степень сформированности ТТРП мезоуровня с количеством пересечений границы свыше 500 тыс. в год предлагалось считать «высокой», от 100 до 500 тыс. в год — «выше средней», от 50 до 100 тыс. в год — «средней». В случае количества пересечений границы менее 50 тыс. в год ТТРП рассматривались в более низкой категории — микроуровня. В итоге на юго-востоке Балтийского региона нами было выделено 6 ТТРП мезоуровня [24] и еще 6 мезорегионов — на границе Швеции с другими странами Балтийского региона [25], которые распределены по трем уровням (порядкам) в зависимости от величины туристского обмена в них по состоянию на 2019 г.

В данном исследовании в пределах Балтийского региона нами рассмотрено 16 ТТРП мезоуровня (табл. 1). К ранее обозначенным нами 12 ТТРП мезоуровня [24; 25] добавлены еще два, расположенные на российско-финляндской границе [16], кроме того, из немецко-датско-шведского ТТРП выделен отдельно южный шведско-норвежский мезорегион, а также добавлен не рассматриваемый ранее немецко-польский мезорегион. Для сравнения можно привести количество трансграничных мезорегионов, выделенных в пределах Балтийского региона В. С. Корневым, — 17 [29, с. 19], но в большинстве своем они имеют иной состав. Е. Г. Кропинова обозначила всего восемь ТТРП мезоуровня [23, с. 120], хотя ею была рассмотрена в основном восточная часть Балтийского региона и в список вошел всего лишь один ТТРП мезоуровня с участием Швеции.

Таблица 1

Количество ночевок иностранных туристов в 2019 году, в период с середины 2020 года по середину 2021 года в пределах ТТРП мезоуровня, динамика ночевок с 2019 по 2020/2021 год, порядок ТТРП мезоуровня по объему турпотока в 2019 году

Трансграничный туристско-рекреационный регион мезоуровня	Количество ночевок иностранных туристов в ТТРП, тыс.		Динамика ночевок с 2019 по 2020/2021 годы, %	Количество прибытий в 2019 году, тыс. (оценка)	Порядок ТТРП по объему турпотока в 2019 году
	2019 год	сер. 2020 — сер. 2021 годов			
Шведско-норвежско-финский	786,5	178,9	-77,2	391,7	2-й
Средний шведско-финский	100,3	23,8	-76,3	50,5	3-й
Средний шведско-норвежский	376,3	22,1	-94,1	184,8	2-й
Южный шведско-норвежский	764,7	68,1	-91,1	378,3	2-й
Южный шведско-финский	454,8	45,3	-90,0	214,8	2-й
Шведско-норвежско-датский	3383,4	590,0	-82,6	1439,1	1-й
Немецко-датско-шведский	6386,0	2688,6	-57,9	2089,5	1-й
Немецко-польский	4220,5	1609,6	-61,9	1711,9	1-й
Российско-польско-литовский	291,6	20,5	-93,0	121,1	2-й
Польско-литовско-белорусский	799,7	98,2	-87,7	356,3	2-й
Эстонско-латвийский	318,3	154,0	-51,6	161,6	2-й

Окончание табл. 1

Российско-эстонско-латвийский	146,7	28,6	-80,5	70,7	3-й
Эстонско-финский	1430,9	368,0	-74,3	732	1-й
Российско-эстонский	459,5	20,1	-95,6	232,3	2-й
Российско-финский южный	541,5	12,2	-97,7	242,7	2-й
Российско-финский северный	147,1	1,9	-98,7	64,2	3-й

По величине турпотока из соседних стран по статистике за 2019 год был составлен перечень административных единиц, входящих в данные ТТРП. После определения границ ТТРП был подсчитан трансграничный туристский обмен в их пределах. Проблема подсчета связана с несовпадением показателей, которые используются в туристской статистике разных стран. Не во всех исследуемых государствах имеется статистика по прибытиям туристов по регионам, странам и месяцам. Несколько лучше ситуация по ночевкам туристов, поэтому вместо прибытий для сопоставимости статистики разных стран использованы данные по ним. Для сведения этих показателей в единую шкалу нами эмпирически был рассчитан коэффициент перевода показателя ночевки в количество прибытий. Данный коэффициент сильно различается по странам (табл. 2), но в среднем по Балтийскому региону составил 2,65.

Таблица 2

Коэффициент пересчета ночевки иностранных туристов в количество прибытий по странам Балтийского региона

Государство Балтийского региона	Коэффициент
Эстония	1,94
Латвия	1,98
Литва	2,14
Польша	2,5
Германия	2,27
Дания	4,04
Швеция	2,3
Норвегия	1,82
Финляндия	2,14
Россия	3,72
Беларусь	4,33
Средний в границах Балтийского региона	2,65

Некоторые страны не публикуют статистику по ночевкам в достаточном объеме. В Польше и Латвии в региональной статистике по туризму нет месячной динамики ночевки и прибытий туристов в разрезе по странам (только общее число иностранных туристов), поэтому число ночевки рассчитано на основе аналогичной месячной статистики по стране в целом. Для Беларуси ввиду полного отсутствия месячной статистики вместо данных за июль 2020 года — июнь 2021 года использовалась статистика за 2020 год, однако ввиду сравнительно небольшого числа прибытий в страну из Польши и Латвии эта погрешность существенно не влияет на результаты. В российской статистике средств размещения нет разделения по странам прибытия (только общее число иностранных туристов). Для 2019 года доли стран рассчитаны на основе показателя «число принятых иностранных туристов». Данные по въезду в страну с целью туризма со второго квартала 2020 года свидетельствуют о том, что туристский поток из исследуемых стран близок к нулю (действовали ограничения на въезд иностранных граждан в страну в связи с пандемией, с целью туризма въезд был запрещен), поэтому для данного периода турпоток в Россию признан нулевым.

Таким образом, была дана оценка количества прибытий иностранных туристов в каждом из 16 ТТРП мезоуровня по данным за 2019 год, на основании чего ТТРП были распределены по трем порядкам с опорой на количественные критерии, представленные выше: 1) мезорегионы первого порядка с количеством при-

бытий свыше 500 тыс.; 2) мезорегионы второго порядка с количеством прибытий от 100 до 500 тыс.; 3) мезорегионы третьего порядка с количеством прибытий от 50 до 100 тыс. В категорию мезорегионов первого порядка вошли четыре ТТРР, три из них находятся на юго-западе Балтийского региона (с участием Дании и Германии) и только один — в его восточной части (эстонско-финский ТТРР). Три ТТРР имеют относительно низкий показатель прибытий (средний шведско-финский, российско-финский северный и российско-эстонско-латвийский) и отнесены к мезорегионам третьего порядка. Все остальные ТТРР включены в категорию мезорегионов второго порядка (рис. 1).

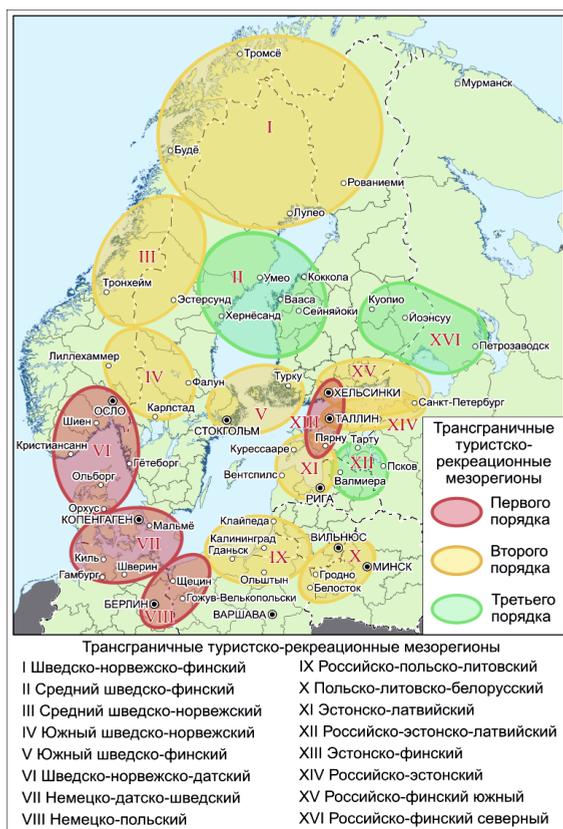

Рис. 1. Классификация ТТРР мезоуровня по величине туристского потока в 2019 году (составлено И. А. Ивановым)

В связи с тем что категория мезорегионов второго порядка оказалась наиболее многочисленной, их можно разбить на две группы по количеству прибытий: 1) от 300 до 500 тыс.; 2) от 100 до 300 тыс. Так, в первую группу мезорегионов второго порядка попадают три ТТРР: шведско-норвежско-финский, южный шведско-норвежский и польско-литовско-белорусский. Первые два из них расположены к западу от Балтийского моря, третий — к востоку. Но объединяет их то, что туробмен внутри данных ТТРР осуществляется исключительно через сухопутные границы. Во вторую группу входят оставшиеся шесть мезорегионов второго порядка.

Ниже представлена краткая характеристика всех 16 туристско-рекреационных мезорегионов, выделенных в пределах Балтийского региона.

1. Шведско-норвежско-финский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 390 тыс.). Состав ТТРР: лен Норрботтен (Швеция), провин-

ция Лапландия (Финляндия), фюльке Трумс и Финнмарк, северная часть Нурланна (Норвегия). Структура трансграничного турпотока: норвежцы — 56 %, шведы и финны — по 22 %. Наиболее интенсивное направление — из Норвегии в Швецию (норвежские ночевки в шведском регионе Норрботтен составляют 47,5 % ночевки в ТТТР). Самый северный и самый большой по площади ТТТР в Балтийском регионе. Специализация региона — шопинг-туризм (в Норвегии более высокие цены на товары, чем в Швеции и Финляндии), культурно-познавательный, спортивный туризм (горнолыжные курорты в Лапландии).

II. Средний шведско-финский мезорегион третьего порядка (количество прибытий в 2019 году — 50 тыс.). Состав ТТТР: лены Вестерноррланд, Вестерботтен (восточная часть) (Швеция), провинции Остроботния, Центральная Остроботния, Южная Остроботния, Сатакунта (Финляндия). Структура трансграничного турпотока: финны — 58 %, шведы — 42 %. Регион разделен Кваркенским проливом в Ботническом заливе, развито паромное сообщение. В финской части региона распространён шведский язык. Специализация региона — культурно-познавательный туризм.

III. Средний шведско-норвежский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 185 тыс.). Состав ТТТР: лены Емтланд, Вестерботтен (западная часть) (Швеция), фюльке Трёнделаг, южная часть Нурланна (Норвегия). Структура трансграничного турпотока: норвежцы — 80 %, шведы — 20 %. Специализация региона — шопинг-туризм.

IV. Южный шведско-норвежский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — около 380 тыс.). Состав ТТТР: лены Даларна, Верmland (Швеция), восточная часть фюльке Иннландет (Норвегия). Структура трансграничного турпотока: норвежцы — 75 %, шведы — 25 %. Специализация региона — шопинг-туризм.

V. Южный шведско-финский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 215 тыс.). Состав ТТТР: лены Стокгольм, Уппсала (Швеция), провинции Аландские острова, Варсинайс-Суоми (Финляндия). Структура трансграничного турпотока: финны — 55 %, шведы — 45 %. Связь между частями ТТТР осуществляется паромным сообщением. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, круизный туризм.

VI. Шведско-норвежско-датский мезорегион первого порядка (количество прибытий в 2019 году — свыше 1,4 млн). Состав ТТТР: лен Вестра-Гёталанд (Швеция), регионы Северная Ютландия, Центральная Ютландия (Дания), фюльке Осло, Вестфолл и Телемарк, Агдер, восточная часть фюльке Викиен (Норвегия). Структура трансграничного турпотока: норвежцы — 60 %, шведы — 24 %, датчане — 16 %. Сообщение через проливы Каттегат и Скагеррак осуществляется паромами. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, круизный туризм, пляжный туризм.

VII. Немецко-датско-шведский мезорегион первого порядка (количество прибытий в 2019 году — свыше 2 млн). Состав ТТТР: регионы Ховенстаден (Столичный), Зеландия, Южная Дания (Дания), лен Сконе (Швеция), земли Шлезвиг-Гольштейн, Гамбург, Мекленбург-Передняя Померания (Германия). Структура трансграничного турпотока: немцы — 49 %, шведы — 26 %, датчане — 25 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, пляжный туризм.

VIII. Немецко-польский мезорегион первого порядка (количество прибытий в 2019 году — свыше 1,7 млн). Состав ТТТР: земли Берлин, Бранденбург (Германия), Западно-Поморское и Любушское воеводства (Польша). Структура трансграничного турпотока: немцы — 86 %, поляки — 14 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, пляжный туризм.

IX. Российско-польско-литовский мезорегион второго порядка «Юго-Восточная Балтика» (количество прибытий в 2019 году — 120 тыс.). Состав ТТРП: Калининградская область (Россия), Поморское и Варминско-Мазурское воеводства (Польша), Клайпедский, Таурагский и Мариямпольский уезды (Литва). Структура трансграничного турпотока: россияне — 68 %, литовцы — 18 %, поляки — 14 %. Специализация региона — шопинг-туризм, культурно-познавательный туризм.

X. Польско-литовско-белорусский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — более 350 тыс.). Состав ТТРП: Подляшское воеводство (Польша), Гродненская область, Минск, части Минской и Брестской областей (Беларусь), Вильнюсский и Алитусский уезды (Литва). Структура трансграничного турпотока: белорусы — 57 %, поляки — 36 %, литовцы — 7 %. Специализация региона — шопинг-туризм, культурно-познавательный туризм.

XI. Эстонско-латвийский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 160 тыс.). Состав ТТРП: Рига и Пририжский регион, город Вентспилс (Латвия), уезды Сааремаа, Пярнумаа (Эстония). Структура трансграничного турпотока: эстонцы — 73 %, латыши — 27 %. Сообщение с островом Сааремаа осуществляется паромом из Эстонии. До 2008 года работала паромная переправа Вентспилс — о. Сааремаа. Специализация региона: культурно-познавательный туризм, пляжный туризм.

XII. Российско-эстонско-латвийский мезорегион третьего порядка (количество прибытий в 2019 году — 70 тыс.). Состав ТТРП: Псковская область (Россия), регион Видземе и город Сигулда (Латвия), уезды Тартумаа, Пылвамаа, Вырумаа, Валгамаа (Эстония). Структура трансграничного турпотока: латыши — 46 %, россияне — 44 %, эстонцы — 10 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм.

XIII. Эстонско-финский мезорегион первого порядка (количество прибытий в 2019 году — 730 тыс.). Состав ТТРП: Уусимаа (Финляндия), уезды Хярьямаа, Ляэнемаа, Рапламаа, Пярнумаа (Эстония). Структура трансграничного турпотока: финны — 92 %, эстонцы — 8 %. Сообщение между эстонской и финской частями — паромное и воздушное. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, шопинг-туризм.

XIV. Российско-эстонский мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 230 тыс.). Состав ТТРП: Санкт-Петербург, частично Ленинградская область (Россия), уезды Ида-Вирумаа, Ляэне-Вирумаа, Хярьямаа (Эстония). Структура трансграничного турпотока: россияне — 96 %, эстонцы — 4 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, шопинг-туризм.

XV. Российско-финский южный мезорегион второго порядка (количество прибытий в 2019 году — 240 тыс.). Состав ТТРП: Санкт-Петербург, частично Ленинградская область (Россия), Южная Карелия, Кюменлааксо, Пяйят-Хяме, Уусимаа, южная часть Южного Саво (Финляндия). Структура трансграничного турпотока: россияне — 90 %, финны — 10 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, шопинг-туризм.

XVI. Российско-финский северный мезорегион третьего порядка (количество прибытий в 2019 году — около 65 тыс.). Состав ТТРП: южная часть Республики Карелия (Россия), Северная Карелия, Северное Саво, северная часть Южного Саво (Финляндия). Структура трансграничного турпотока: россияне — 84 %, финны — 16 %. Специализация региона — культурно-познавательный туризм, шопинг-туризм.

Представленные характеристики позволяют увидеть еще одну интересную особенность ТТРП мезоуровня — это асимметричность по количеству принимаемых в них туристов из соседней страны. Обычно данная характеристика связана с численностью населения стран, участвующих в формировании конкретных ТТРП. Фактически все ТТРП асимметричны в той или иной степени, но можно отметить тройку

ТТПР с наиболее ярко выраженной асимметричностью — это эстонско-финский мезорегион первого порядка, российско-эстонский и российско-финский южный мезорегионы второго порядка. В первом случае явный перевес в трансграничном обмене внутри ТТПР имеют туристы из Финляндии, в двух других случаях — из России.

Для оценки влияния пандемии COVID-19 на сокращение туристских потоков внутри ТТПР нами было осуществлено сравнение динамики турпотоков в ТТПР Балтийского региона по двум периодам: январь — декабрь 2019 года и июль 2020 — июнь 2021 года. Выбор второго временного интервала обусловлен спецификой динамики и структуры турпотоков в 2020 году: январь — март в целом соответствуют 2019 году (хотя уже в марте 2020 года наблюдалось сокращение турпотока, структура его в целом сохранялась), а на апрель — июнь приходится период локдауна в большинстве стран, и только к июлю 2020 года введенные ограничения были ослаблены вплоть до разрешения на въезд в страну из некоторых государств на усмотрение властей принимающей страны.

Сильнее всего туристский поток сократился в ТТПР, в формировании которых участвовали Швеция и Россия (рис. 2). Из России был ограничен свободный выезд за рубеж в страны Евросоюза (в первую очередь с целью туризма), а въезд граждан Швеции во многие страны Евросоюза был ограничен ввиду отсутствия локдауна и высокой заболеваемости в стране. В тройку ТТПР мезоуровня с наибольшим падением (свыше 95 %) величины турпотока в 2020—2021 годах по сравнению с 2019 годом вошли российско-эстонский и два российско-финских ТТПР. Падение турпотока от 90 до 95 % пережили российско-польско-литовский, южный шведско-финский, средний и южный шведско-норвежские ТТПР. На 80—90 % уменьшился турпоток в шведско-норвежско-датском, польско-литовско-белорусском и российско-эстонско-латвийском ТТПР.

Рис. 2. Группировка ТТПР мезоуровня по сокращению трансграничного турпотока в июле 2020 — июне 2021 года по сравнению с 2019 годом (составлено И. А. Ивановым)

В период пандемии COVID-19 примерно на три четверти сократился турпоток в эстонско-финском, шведско-норвежско-финском и среднем шведско-финском ТТРР. Почти на две трети уменьшился турпоток в немецко-польском ТТРР. Относительно более благополучными в этом плане остались эстонско-латвийский и немецко-датско-шведский ТТРР, испытавшие лишь двукратное падение турпотока.

Таким образом, наименьшее падение уровня турпотока продемонстрировали ТТРР с участием таких стран, как Дания, Германия, а также Латвия, Эстония и Финляндия. Последняя тройка стран стала участником эксперимента, получившего название «Балтийский туристический пузырь» (Baltic bubble), предполагавшего свободное перемещение внутри нескольких государств без необходимости самоизоляции. Первоначально участниками Baltic bubble стали страны Балтии, позже к ним подключились Финляндия и Польша.

Выводы

В результате проведенного исследования в пределах Балтийского региона были выделены 16 трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов, а также дана оценка количества прибытий туристов из соседних стран в каждом из них по данным за 2019 год. На основании данной оценки ТТРР мезоуровня были распределены по трем порядкам. В категорию мезорегионов первого порядка (с количеством прибытий свыше 500 тыс.) вошли четыре ТТРР, три из которых находятся на юго-западе Балтийского региона (с участием Дании и Германии) и один — в его восточной части (эстонско-финский ТТРР). Наиболее многочисленной является категория мезорегионов второго порядка (с количеством прибытий от 100 до 500 тыс.), куда вошло девять ТТРР. Три ТТРР (средний шведско-финский, российско-финский северный и российско-эстонско-латвийский) отнесены к мезорегионам третьего порядка (с количеством прибытий от 50 до 100 тыс.).

Для оценки влияния пандемии COVID-19 на сокращение туристских потоков внутри ТТРР в Балтийском регионе была проанализирована динамика турпотоков в ТТРР по двум периодам: январь — декабрь 2019 года и июль 2020 — июнь 2021 года. В результате было выявлено, что наибольшее сокращение турпотока пришлось на ТТРР, в формировании которых принимали участие Швеция и Россия. Наименьшее падение турпотока характеризовало ТТРР с участием Дании, Германии, а также Латвии, Эстонии и Финляндии. Последние три страны, а также Литва и Польша стали участниками проекта «Балтийский туристический пузырь» (Baltic bubble), предполагающего свободное перемещение внутри данной группы государств без необходимости самоизоляции.

Список литературы

1. Корнеевец, В. 2008, Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион», *Космополис*, № 2, с. 68—77.
2. Timothy, D. J. 2001, *Tourism and political boundaries London*, Routledge, 240 p.
3. Cudny, W. 2009, Tourism and its role in the integration of divided regions, *Region and Regionalism*, № 9 (2), p. 161—166.
4. Honkanen, A., Pitkanen, K., Hall, M.C. 2016, A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, № 2, p. 149—158. doi: <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.
5. Степанова, С. В. 2019, Факторы развития приграничного туризма на смежных территориях России и Финляндии, *Псковский регионологический журнал*, № 4 (40), с. 106—114. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310011766-5>.
6. Stepanova, S. V. 2019, The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: historical, cultural, ecological and economic aspects, *Geographia Polonica*, vol. 92, № 4, p. 409—428. doi: <https://doi.org/10.7163/Gpol.0156>.

7. Stepanova, S. V. 2019, Factors underpinning the development of tourism in Russian-Finnish borderland areas, *Przegląd Geograficzny*, vol. 91, №4, p. 573—587. doi: <https://doi.org/10.7163/PrzG.2019.4.7>.
8. Prokkola, E.-K. 2007, Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: “Destination Arctic Circle”, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 7, №2, p. 120—138. doi: <https://doi.org/200710.1080/15022250701226022>.
9. Prokkola, E.-K. 2008, Resources and barriers in tourism development: cross-border cooperation, regionalization and destination building at the Finnish-Swedish border, *Fennia*, vol. 186, №1, p. 31—46.
10. Opstad, L., Hammervold, R., Idsø, J. 2021, The Influence of Income and Currency Changes on Tourist Inflow to Norwegian Campsites: The Case of Swedish and German Visitors, *Economies*, №9 (3). doi: <https://doi.org/10.3390/economies9030104>.
11. Große, J., Fertner, C., Carstensen, T. A. 2019, Compensatory leisure travel? The role of urban structure and lifestyle in weekend and holiday trips in Greater Copenhagen, *Case Studies on Transport Policy*, vol. 7, №1, p. 108—117. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2018.12.004>.
12. Więckowski, M., Timothy, D. J. 2021, Tourism and an evolving international boundary: Bordering, debordering and rebordering on Usedom Island, Poland-Germany, *Journal of Destination Marketing & Management*, №22. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2021.100647>
13. Syargeenka, A. 2021, Changes in cross-border tourist traffic on the Poland—Belarus border, as exemplified by the Augustów Canal, *Tourism*, vol. 31, №1, p. 57—68. doi: <https://doi.org/10.18778/0867-5856.31.1.17>.
14. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2014, Small Border Traffic and Cross-Border Tourism Between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, №33 (2), p. 79—86.
15. Studzieniecki, T., Palmowski, T., Korneevets, V. 2016, The System of Cross-border Tourism in the Polish-Russian Borderland, *Procedia Economics and Finance*, №39, p. 545—552.
16. Манаков, А. Г., Кондратьева, С. В., Теренина, Н. К. 2020, Оценка степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов на карельском участке российско-финляндской границы, *Балтийский регион*, Т. 12, №2, с. 140—152. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-9>.
17. Голомидова, Е. С. 2018, Трансграничный туристско-рекреационный микрорегион «Нарвский»: специфика формирования и перспективы развития, *Псковский регионологический журнал*, №3 (35), с. 108—115.
18. Голомидова, Е. С. 2020, Перспективы развития трансграничных туристско-рекреационных регионов на порубежье России с Эстонией и Латвией, *Псковский регионологический журнал*, №2 (42), с. 124—135. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310008585-6>.
19. Голомидова, Е. С., Чученкова, О. А., Васильева, Т. В. 2020, Природное и культурное наследие как ресурс развития трансграничного туризма на смежных территориях России, Эстонии и Латвии, *Псковский регионологический журнал*, №3 (45), с. 117—139. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310010375-5>.
20. Голомидова, Е. С. 2019, Трансграничный туристско-рекреационный регион мезоуровня «Южнопсковско-Витебский»: специфика формирования и перспективы развития, *Псковский регионологический журнал*, №4 (40), с. 96—105. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310011765-4>.
21. Кропинова, Е. Г. 2014, Проект «Перекрестки 2.0» в формировании трансграничного туристского региона Юго-Восточной Балтики, *Псковский регионологический журнал*, №17, с. 53—59.
22. Кропинова, Е. Г. 2010, Международная кооперация в сфере туризма и формирование трансграничных туристских регионов на Балтике, *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, №1, с. 113—119.
23. Кропинова, Е. Г. 2016, Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 272 с.
24. Манаков, А. Г., Иванов, И. А., Чученкова, О. А. 2021, Классификация трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в юго-восточной части Балтийского макрорегиона, *Региональные исследования*, №1, с. 118—129. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-1>.
25. Манаков, А. Г., Красильникова, И. Н., Иванов, И. А. 2021, География въездного туризма и трансграничное туристско-рекреационное регионообразование в Швеции, *Балтийский регион*, vol. 13, №1, с. 108—123. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-1-6>.

26. Ivanov, I. A., Golomidova, E. S., Terenina, N. K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 361—366. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970521030059>.

27. Korinth, B., Ranasinghe, R. 2020, COVID-19 pandemic's impact on tourism in Poland in March 2020, *GeoJournal of Tourism and Geosites*, vol. 31, № 3, p. 987—990. doi: <https://doi.org/10.30892/gtg.31308-531>.

28. Daniela, M., Smaranda, T. 2020, The International Tourism and the COVID-19 Pandemic — Present and Perspectives, *“Ovidius” University Annals, Economic Sciences Series*, vol. 20, № 1, p. 433—438.

29. Корнеевец, В. С. 2010, *Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике*, Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 80 с.

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Ирина Николаевна Красильникова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Иван Андреевич Иванов, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

TOWARDS A CLASSIFICATION OF TRANSBOUNDARY TOURIST AND RECREATION MESOREGIONS IN THE BALTIC REGION

A. G. Manakov

I. N. Krasilnikova

I. A. Ivanov

Pskov State University,
2 Lenin Sq., Pskov, Russia, 180000

Received 29.08.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-5

© Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A., 2022

In the wake of the Covid-10 pandemic, the Baltic region saw a dramatic reduction in tourist flows in 2000—2021; the decrease was as much as tenfold in some destinations. This study aims to classify the 16 transboundary tourist and recreational mesoregions of the Baltic region

To cite this article: Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2022, Towards a classification of transboundary tourist and recreation mesoregions in the Baltic region, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no. 1, p. 75—89. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-5.

according to 2019 tourist flows. The research evaluates, for the first time, the 2020–2021 decline in tourist flows across these regions. The main outcome of this study is grouping the mesoregions into three orders according to the size of 2019 tourist flows. Four mesoregions were assigned to the first order (with over 500,000 arrivals), three of them located in the southwest Baltic region; nine, the second order (from 100,000 to 500,000 arrivals); three, the third order (from 50,000 to 100,000 arrivals). The most substantial fall in tourist flows occurred in 2020–2021 in the mesoregions including Sweden and Russia and the least marked in those involving Denmark, Germany, Finland, Estonia and Latvia. The findings may help track the future restoration of transboundary tourist flows in the countries of the Baltic region.

Keywords:

cross-border region, hierarchy of regions, tourist flow, tourist overnight stays, COVID-19

References

1. Korneevets, V. 2008, The concepts of “countries of the Baltic region” and “Baltic region”, *Cosmopolis*, no. 2, p. 68–77 (In Russ.).
2. Timothy, D. J. 2001, *Tourism and political boundaries* London, Routledge, 240 p.
3. Cudny, W. 2009, Tourism and its role in the integration of divided regions, *Region and Regionalism*, no. 9 (2), p. 161–166.
4. Honkanen, A., Pitkanen, K., Hall, M. C. 2016, A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, no. 2, p. 149–158. doi: <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.
5. Stepanova, S. V. 2019, Factors of development of border tourism in related territories of Russia and Finland, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 4 (40), p. 106–114. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310011766-5> (In Russ.).
6. Stepanova, S. V. 2019, The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: historical, cultural, ecological and economic aspects, *Geographia Polonica*, vol. 92, no. 4, p. 409–428. doi: <https://doi.org/10.7163/Gpol.0156>.
7. Stepanova, S. V. 2019, Factors underpinning the development of tourism in Russian-Finnish borderland areas, *Przegląd Geograficzny*, vol. 91, no. 4, p. 573–587. doi: <https://doi.org/10.7163/PrzG.2019.4.7>.
8. Prokkola, E.-K. 2007, Cross-border Regionalization and Tourism Development at the Swedish-Finnish Border: “Destination Arctic Circle”, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 7, no. 2, p. 120–138. doi: <https://doi.org/200710.1080/15022250701226022>.
9. Prokkola, E.-K. 2008, Resources and barriers in tourism development: cross-border cooperation, regionalization and destination building at the Finnish-Swedish border, *Fennia*, vol. 186, no. 1, p. 31–46.
10. Opstad, L., Hammervold, R., Idsø, J. 2021, The Influence of Income and Currency Changes on Tourist Inflow to Norwegian Campsites: The Case of Swedish and German Visitors, *Economies*, no. 9 (3). doi: <https://doi.org/10.3390/economies9030104>.
11. Große, J., Fertner, C., Carstensen, T. A. 2019, Compensatory leisure travel? The role of urban structure and lifestyle in weekend and holiday trips in Greater Copenhagen, *Case Studies on Transport Policy*, vol. 7, no. 1, p. 108–117. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2018.12.004>.
12. Więckowski, M., Timothy, D. J. 2021, Tourism and an evolving international boundary: Bordering, debordering and rebordering on Usedom Island, Poland-Germany, *Journal of Destination Marketing & Management*, no. 22. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2021.100647>
13. Cyargeenka, A. 2021, Changes in cross-border tourist traffic on the Poland–Belarus border, as exemplified by the Augustów Canal, *Tourism*, vol. 31, no. 1, p. 57–68. doi: <https://doi.org/10.18778/0867-5856.31.1.17>.
14. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2014, Small Border Traffic and Cross-Border Tourism Between Poland and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, no. 33 (2), p. 79–86.
15. Studzieniecki, T., Palmowski, T., Korneevets, V. 2016, The System of Cross-border Tourism in the Polish-Russian Borderland, *Procedia Economics and Finance*, no. 39, p. 545–552.

16. Manakov, A., Kondrateva, S., Terenina, N. 2020, Development of cross-border tourist and recreational regions on the Karelian section of the Russian-finnish border, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 2, p. 140—152. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-9>.

17. Golomidova, E. S. 2018, Cross-border tourist and recreational micro-region “Narvsky”: the specifics of formation and development prospects, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 3 (35), p. 108—115 (In Russ.).

18. Golomidova, E. S. 2020, Prospects for the development of cross-border tourist and recreational regions on the border of Russia with Estonia and Latvia, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 2 (42), p. 124—135 (In Russ.). doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310008585-6>.

19. Golomidova, E. S., Chuchenkova, O. A., Vasilyeva, T. V. 2020, Natural and cultural heritage as a resource for the development of cross-border tourism in the adjacent territories of Russia, Estonia and Latvia, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 3 (43), p. 117—139 (In Russ.). doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310010375-5>.

20. Golomidova, E. S. 2019, Transboundary tourist and recreational region of the meso-level “Yuzhnopskovsko-Vitebsky”: the specifics of formation and development prospects, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no 4 (40), p. 96—105 (In Russ.). doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310011765-4>.

21. Kropinova, E. G. 2014, “Crossroads 2.0” project in the formation of a cross-border tourism region of the South-Eastern Baltic, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], no. 17, p. 53—59 (In Russ.).

22. Kropinova, E. G. 2010, International cooperation in the field of tourism and the formation of cross-border tourist regions in the Baltic, *Vestnik BFU im. I. Kanta. Seriya: Estestvennyye i meditsinskie nauki* [Vestnik IKBFU. Natural and medical sciences], no. 1, p. 113—119 (In Russ.).

23. Kropinova, E. G. 2016, *Transgranichny`e turistsko-rekreacionny`e regiony` na Baltike* [Transboundary tourist and recreational regions in the Baltic], Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University, 272 p. (In Russ.).

24. Manakov, A. G., Ivanov, I. A., Chuchenkova, O. A. 2021, Classification of transboundary tourist and recreational mesoregions in the southeastern part of the Baltic macroregion, *Regional'ny`e issledovaniya* [Regional studies], no. 1, p. 118—129. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2021-1> (In Russ.).

25. Manakov, A., Krasilnikova, I., Ivanov, I. 2021, Geography of inbound tourism and transboundary tourism-and-recreation region-building in Sweden, *Balt, Reg.*, vol. 13, no. 1, p. 108—123. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-1-6>.

26. Ivanov, I. A., Golomidova, E. S., Terenina, N. K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, no. 3, p. 361—366. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970521030059>.

27. Korinth, B., Ranasinghe, R. 2020, COVID-19 pandemic's impact on tourism in Poland in March 2020, *GeoJournal of Tourism and Geosites*, vol. 31, no. 3, p. 987—990. doi: <https://doi.org/10.30892/gtg.31308-531>.

28. Daniela, M., Smaranda, T. 2020, The International Tourism and the COVID-19 Pandemic — Present and Perspectives, *“Ovidius” University Annals, Economic Sciences Series*, vol. 20, no. 1, p. 433—438.

29. Korneevets, V. S. 2010, *Formirovanie transgranichny`x mezoregionov na Baltike* [Formation of transboundary mesoregions in the Baltic], Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University, 80 p. (In Russ.).

The authors

Prof. Andrei G. Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Dr Irina N. Krasilnikova, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Ivan A. Ivanov, Postgraduate student, Pskov State University, Russia.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ТРАНСГРАНИЧНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Михайлова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 10.12.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-6
© Михайлова А. А., 2022

Приграничные регионы — значимые геостратегические территории, обеспечение долгосрочного устойчивого развития которых является одним из приоритетов национальной безопасности России. Специфика их экономико-географического положения обуславливает необходимость разработки и внедрения органами власти особых управленческих подходов, направленных на поиск баланса между открытостью и барьерностью государственной границы. Наиболее распространенные инструменты пространственного развития приграничных территорий — содействие устойчивому приграничному сотрудничеству регионов сопредельных стран с образованием трансграничных форм кооперации, в том числе ориентированных на генерацию и диффузию инноваций. Пандемия COVID-19, став по-настоящему глобальным вызовом современности, внесла существенные изменения не только в политику многих стран в отношении границы, но и в функционирование уже сложившихся трансграничных регионов. Невозможность осуществлять в полной мере реализацию прежних форматов межнационального и межрегионального взаимодействия определила потребность в поиске новых форм сотрудничества, прежде всего основанных на использовании стремительно развивающихся цифровых технологий. Это обусловило рост научного и практического интереса к обоснованию взаимных эффектов цифровизации, инноватизации и интернационализации для регионов. Данная статья посвящена оценке потенциала и перспектив трансграничной цифровизации Западного порубежья России. В задачи исследования входило выявление разрыва между приграничными регионами в уровне доступности и проникновения цифровых технологий, выступающего значимым условием формирования трансграничных цифровых связей. Объект изучения — 15 субъектов РФ и 17 регионов NUTS2 сопредельных государств. С использованием геоинформационных и статистических методов анализа предложена типология регионов по величине индекса цифровизации с выделением лидеров, умеренных и отстающих, а также дана оценка их пространственного расположения относительно государственной границы. Обсуждены возможные причины сложившегося цифрового неравенства, в первую очередь социально-экономического характера. Обоснована определяющая роль институционального фактора в реализации потенциала трансграничной цифровизации. Сделан вывод о том, что политические усилия по цифровому сближению на западном направлении предпринимаются лишь между Россией и Беларусью, а также о необходимости их интенсификации.

Ключевые слова:

приграничный регион, цифровой разрыв, трансграничное цифровое пространство, интернационализация, инноватизация, цифровая трансформация, интернет-покрытие территории

Для цитирования: Михайлова А. А. Трансграничная цифровизация Западного порубежья России: потенциал и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 90–108. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-6.

Введение и постановка проблемы

Стремительное развитие инноваций в информационно-коммуникационном секторе оказало позитивное воздействие на инноватизацию не только высокотехнологичных, но и традиционных сфер экономики, запустив процесс цифровизации. В ряде стран уже реализуются инициативы по внедрению модели цифровой трансформации на основе технологий четвертой промышленной революции как драйвера социально-экономического развития: «Промышленный интернет» (США), «Индустрия 4.0» (Германия), «Интернет+» (Китай) и др. [1]. Обсуждая зависимость процессов глобализации и цифровизации, ряд зарубежных и российских ученых [2; 3] подчеркивает роль цифровых данных и информации как важнейшего ресурса экономического роста в XXI в., называя их «новой нефтью».

Приоритетность цифровой повестки получила закрепление в рамках работы крупных наднациональных объединений¹. На передний план выходят вопросы укрепления международного цифрового сотрудничества на принципах цифрового доверия и безопасности; обеспечения всеобщей доступности интернета и охвата цифровыми технологиями; кибербезопасности и защиты прав человека в глобальном цифровом пространстве, а также разработки специализированного законодательства в данной сфере; развития искусственного интеллекта² [4; 5].

Развертывание пандемии коронавируса в 2020 году ускорило обсуждение вопросов цифровой трансформации на различных управленческих уровнях, а также реализацию национальных и международных инициатив в сфере цифрового государства, цифровой экономики, онлайн-коммуникации, безопасного обмена данными [6]. В значительной мере этому способствовало введение правительствами многих стран целого комплекса ограничительных мер для предупреждения распространения коронавирусной инфекции COVID-19 и борьбы с ее последствиями. Стратегии устойчивого экономического развития в новых условиях все активнее строятся на сочетании подходов интернационализации, инноватизации и цифровизации [7], формируя потребность в новых формах и инструментах сотрудничества.

Особую актуальность проблема цифровой трансформации имеет для приграничных регионов [8], интегрированных в процесс трансграничной регионализации. Закрывание национальных границ в период роста заболеваемости коронавирусом оказало сильное негативное влияние на социально-экономическую и политическую устойчивость целого ряда трансграничных регионов с длительной историей формирования. Так, в исследовании [9], проведенном на материалах двух трансграничных регионов Северной Европы, отмечается, что асимметрия региональной политики, реализовавшейся национальными властями по обе стороны государственной границы в первые месяцы пандемии, создала напряженную ситуацию в местных приграничных сообществах, существенно снизив доверие между участниками взаимодействия на фоне роста националистических настроений. Пример польско-немецких приграничных регионов [10] также продемонстрировал рассогласованность в реализации антикризисного многоуровневого трансграничного управления. При этом авторы отмечают важную роль трансграничных цифровых инициатив, которые наряду с субъектами гражданского общества позволили сохранить сложившиеся двусторонние связи, особенно в сфере культуры и образования.

¹ В качестве примера приведем Организацию объединенных наций (ООН), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европейский союз (ЕС), страны Группы двадцати (G20), государства БРИКС, Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и др.

² Дорожная карта по цифровому сотрудничеству: осуществление рекомендаций Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству, 2020, Доклад Генерального секретаря, № А/74/821, Генеральная Ассамблея ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/102/53/PDF/N2010253.pdf> (дата обращения: 07.08.2021).

Значительная часть современных научных исследований по вопросам цифровой глобализации и интеграции направлена на оценку экономических эффектов данных процессов [3]. Однако по-прежнему малоизученными остаются вопросы пространственной и институциональной специфики цифровизации приграничных регионов. Наблюдается дефицит исследований в области оценки межрегиональной цифровой неоднородности и ее влияния на социально-экономическую динамику в приграничных регионах.

Данное исследование, будучи сфокусировано на проблеме формирования единых трансграничных цифровых пространств на границе с Россией, призвано внести вклад в разработку концепции цифрового трансграничного сотрудничества в аспекте определения условий, необходимых для его развития. Цель статьи — оценить цифровую неоднородность приграничных регионов европейской части РФ и сопредельных государств в контексте реализации потенциала трансграничной цифровизации на западном направлении. В основу гипотезы легло предположение, что существенный разрыв между приграничными регионами в уровне доступности и проникновения цифровых технологий будет значимым препятствием для интенсификации трансграничных цифровых связей и, в итоге, образования единого цифрового пространства.

Методика исследования

Исследование выполнено на основе данных по 15 приграничным субъектам РФ (Мурманская, Ленинградская, Псковская, Калининградская, Смоленская, Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская области, Республики Карелия и Крым, Краснодарский край, города федерального значения Санкт-Петербург и Севастополь), а также 17 регионам уровня NUTS2 сопредельных государств — Норвегии (Северная Норвегия), Финляндии (Северная и Восточная Финляндия, Южная Финляндия), Эстонии, Латвии, Литвы (Центральная и Западная Литва), Польши (Варминско-Мазурское и Поморское воеводства), Беларуси (Витебская, Могилёвская, Гомельская области), Украины (Черниговская, Сумская, Харьковская, Луганская, Донецкая, Херсонская области) (рис. 1).

Сравнительная оценка цифровой неоднородности данных регионов осуществлена на основе анализа 2 групп показателей, характеризующих:

— развитие цифровой инфраструктуры: П1 — покрытие мобильным интернетом территории региона, в %; П2 — доля территории, покрытой интернет-стандартом 4G, в %; П3 — удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети интернет из дома, в %; П4 — удельный вес домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ в интернет, в %;

— уровень проникновения интернета среди населения: П5 — удельный вес частных лиц, регулярно пользующихся интернетом, в %; П6 — удельный вес лиц, заказывающих товары или услуги через интернет для личного пользования, в %.

Выбор показателей обусловлен уже существующей практикой их применения в оценке цифрового разрыва на региональном уровне, апробированной на примере 164 регионов 27 стран ЕС [11], а также их важностью для оценки потенциала цифровой трансформации и трансграничной цифровизации приграничных регионов, что подтверждается более ранними тематическими исследованиями.

В первую очередь значимую роль играет наличие в регионе современной цифровой инфраструктуры как одного из базисных трансформационных факторов [12]. Развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает позитивное влияние на уровень занятости, величину душевого валового внутреннего продукта (ВВП) и инноватизацию экономики [13; 14]. Анализ данных по 135 странам [15] показал, что увеличение внедрения мобильной широкополосной связи на 10 % ве-

дет к росту ВВП на 0,8%, который, однако, ослабевает с течением времени. Распространение фиксированной широкополосной связи происходит во взаимосвязи с мобильной, обеспечивая условия для формирования информационного общества [16; 17]. Внедрение более современных интернет-стандартов оказывает стимулирующее воздействие на бизнес вследствие роста скорости, ценовой доступности, надежности подключения и снижения временных затрат. Данный эффект выявлен на примере изучения динамики роста компаний Бангладеш при переходе со стандарта 3G на 4G и может быть распространен на развитые страны в отношении технологии 5G [18].

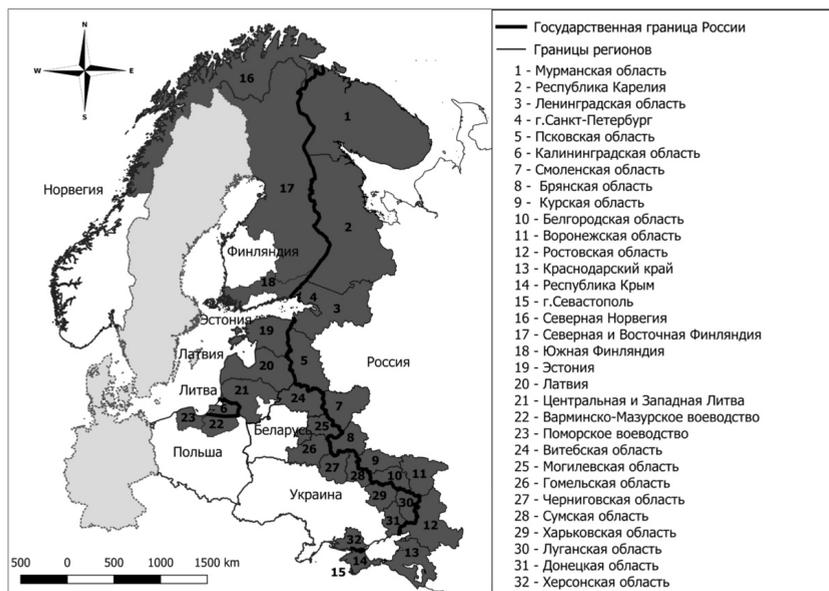

Рис. 1. Приграничные регионы европейской части России и сопредельных государств

Источник: разработано автором.

Вторым важным фактором трансграничной цифровизации являются эффективность и частота использования цифровых технологий в приграничных регионах, отражающие уровень проникновения интернета среди жителей. Расширение доступа населения к информационно-коммуникационным технологиям в сочетании с улучшением практических навыков и компетенций в цифровой сфере способствует формированию устойчивого сообщества пользователей, что в итоге благоприятно влияет на конкурентоспособность предприятий и государственных учреждений [19]. Результаты исследования [20], проведенного на материалах Вологодской области России, показали, что именно постоянные пользователи сети Интернет более активно участвуют в цифровой экономике, нежели другие группы населения, что объясняется их большей уверенностью в своей цифровой грамотности и доверием к виртуальному пространству. Подобная тенденция наблюдается и среди хозяйствующих субъектов. В статье [21] отмечается, что экспортная деятельность фирм все больше зависит не только от уровня развития цифровых технологий (интернета, беспроводной связи, мобильных технологий и др.), но и от цифровых возможностей, включая накопленный цифровой опыт.

В таблице 1 представлены методика расчета и источники данных для анализируемых показателей.

Таблица 1

**Показатели оценки цифровой неоднородности
приграничных регионов европейской части России и сопредельных государств**

Показатель	Методика расчета	Источник данных
П1	Доля территории, покрытой как минимум одним из стандартов мобильной интернет-связи, предоставляемой крупнейшими операторами, по состоянию на сентябрь 2021 года	Рассчитано с помощью инструментов геоинформационной системы QGIS по данным сайтов крупнейших провайдеров: — в Финляндии — DNA (www.dna.fi), Elisa (elisa.fi/kuuluvuus/); — Норвегии — Telia Norge (www.telia.no), Teienor (www.telenor.no), Ice (www.ice.no); — Эстонии — Tele2 (tele2.ee); — Латвии — LMT (karte.lmt.lv); — Литве — Telia Lietuva (www.telia.lt); — Польше — Orange Polska (www.orange.pl); — Беларуси — А1 (www.a1.by), МТС (www.mts.by), Life (life.com.by); — Украине — Lifecell (www.lifecell.ua), Vodafone (www.vodafone.ua); — России — Tele2 (tele2-online.com), «Билайн» (beeline.ru), «МТС» (mtsru.ru), «Мегафон» (megafon.ru), в том числе в Республике Крым и Севастополе — «Волна мобайл» (volnamobile.ru).
П2	Доля территории, покрытой мобильным стандартом 4G, предоставляемым крупнейшими операторами связи, от общей площади территории региона, по состоянию на сентябрь 2021 года	Для регионов Норвегии, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии — Евростат ³ ; для России — Росстат ⁴ ; для Украины — Государственная служба статистики Украины ⁵ , Интернет-ассоциация Украины ⁶ , аналитическая компания Growth from Knowledge ⁷ ;
П3	Данные по регионам представлены за 2020 год (по Украине рассчитано на основе данных об абонентах интернет-связи за 2018 год)	для Польши — Статистическое управление Польши ⁸ , Евростат ⁹ ; для Беларуси — Национальный статистический комитет Республики Беларусь ¹⁰

³ Regional digital economy and society. Database: General and regional statistics, 2021, Eurostat, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 02.09.2021).

⁴ Целевые индикаторы реализации Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г., 2021, Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 02.09.2021).

⁵ Status and development of communications 2018. SSC of Ukraine, 2018. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2018/zv/srz/xls/srz_2018_u.xlsx (accessed 19.08.2021).

⁶ Дослідження інтернет-проникнення в Україні III квартал 2019 року, 2019. InMind Factum Group Ukraine, Інтернет Асоціація України. URL: <https://inau.ua/proekty/doslidzhennya-internet-audytoriyi> (дата обращения: 19.08.2021).

⁷ 17% українських онлайн-покупців здійснюють більше 20 покупок на рік: інсайти e-commerce ринку 2019, 2019, Growth from Knowledge. URL: <https://www.gfk.com/ru/insights/online-shopping-2019> (дата обращения: 23.08.2021).

⁸ Information society in Poland in 2020, 2020, Statistical Office in Szczecin, Centre for Science, Technology, Innovation and Information Society Statistics, Warszawa, Szczecin. URL: <https://stat.gov.pl/en/topics/science-and-technology/information-society/information-society-in-poland-in-2020,1,7.html> (accessed 19.08.2021).

⁹ Regional digital economy and society. Database: General and regional statistics, 2021, Eurostat, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 02.09.2021).

¹⁰ Информационное общество в Республике Беларусь. Статистический сборник, 2021, Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 96 с. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/719/7199f71a6c5b80265d51141c9bbeaf39.pdf> (дата обращения: 29.08.2021).

Окончание табл. 1

П4	Данные по регионам представлены за 2020 год (по Беларуси — среднестрановое значение; по Украине рассчитано на основе данных об абонентах интернет-связи за 2018 год).	
П5	Данные по регионам представлены за 2020 год (по Беларуси — среднестрановое значение; по Украине — среднестрановое значение за 2019 год).	
П6	Данные по регионам представлены за 2020 год (по Беларуси — среднестрановое значение; по Украине — среднестрановое значение за 2019 год).	

Источник: составлено автором.

Таблица 2 демонстрирует значения парных коэффициентов корреляции между показателями П1 — П6.

Таблица 2

Матрица парных коэффициентов корреляции между значимыми показателями оценки цифровой неоднородности приграничных регионов

	П1	П2	П3	П4	П5	П6
П1	1	—	—	—	—	—
П2	0,819	1	—	—	—	—
П3	0,464	0,352	1	—	—	—
П4	0,124	0,270	0,517	1	—	—
П5	0,115	0,209	0,672	0,856	1	—
П6	-0,049	0,032	0,385	0,761	0,850	1

Источник: рассчитано автором.

Для расчета итогового индекса цифровизации приграничных регионов в контексте последующей оценки цифровой неоднородности и потенциала к трансграничной цифровизации отобраны три показателя — П2, П3 и П6, парные коэффициенты корреляции между которыми не значимы. Далее для каждого региона были получены нормированные значения выбранных показателей:

$$\overline{Pi} = \frac{Pi - Pi_{\min}}{Pi_{\max} - Pi_{\min}}$$

Итоговое значение индекса рассчитано как среднее арифметическое из нормированных величин П2, П3 и П6.

Результаты исследования

Результаты геоинформационного анализа (рис. 2) продемонстрировали существенную неоднородность приграничных регионов европейской части России и сопредельных государств по уровню интернет-покрытия.

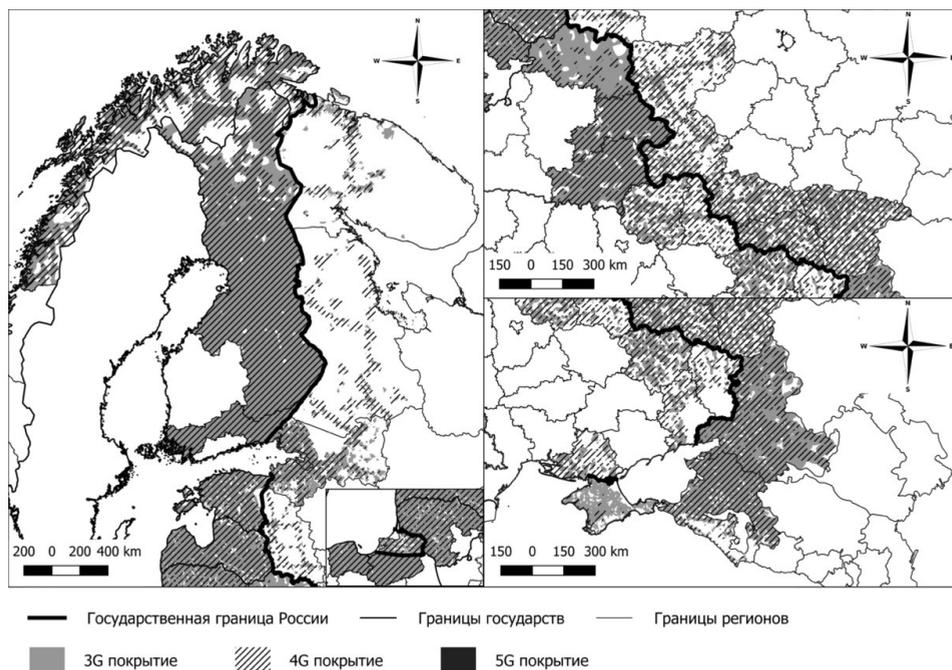

Рис. 2. Интернет-покрытие территории Западного пограничья России и сопредельных государств, 2021

Источник: разработано автором (источники данных — в таблице 1).

Среди 32 исследуемых регионов 13 имеют интернет-покрытие свыше 90 %, еще у 15 его величина колеблется от 50 до 90 %, а у 4 — менее 50 %. Лидирующие позиции занимают регионы Польши (Варминско-Мазурское и Поморское воеводства), России (Санкт-Петербург) и Финляндии (Южная Финляндия), у которых интернет доступен более чем на 98 % территории. Наиболее слабая обеспеченность интернетом отмечается в северо-западных приграничных регионах России (Республика Карелия, Мурманская, Псковская области) и Украины (Донецкая, Луганская области). Стандарты 3G и 4G представлены во всех исследуемых регионах, а стандарт 5G — в Финляндии (в районе г. Оулу) и Литве (в районе г. Клайпеды). Доминирование сети 4G над другими отмечено во всех исследуемых регионах, кроме Витебской области Беларуси и Республики Крым РФ.

Плотность покрытия территории приграничных регионов мобильным интернетом оказывает ощутимое влияние на степень его проникновения среди домашних хозяйств, коэффициент корреляции между П1 и П3 равен 0,464. Исследуемые приграничные регионы Норвегии, Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и Санкт-Петербург России отличаются сравнительно высокими показателями доступа домашних хозяйств к интернету с домашнего компьютера, в том числе посредством широкополосного доступа, — свыше 80 % (рис. 3). В это же время приграничные регионы Украины (Херсонская, Сумская, Донецкая, Луганская области) существенно отстают от лидеров по уровню доступности домашнего интернета для населения.

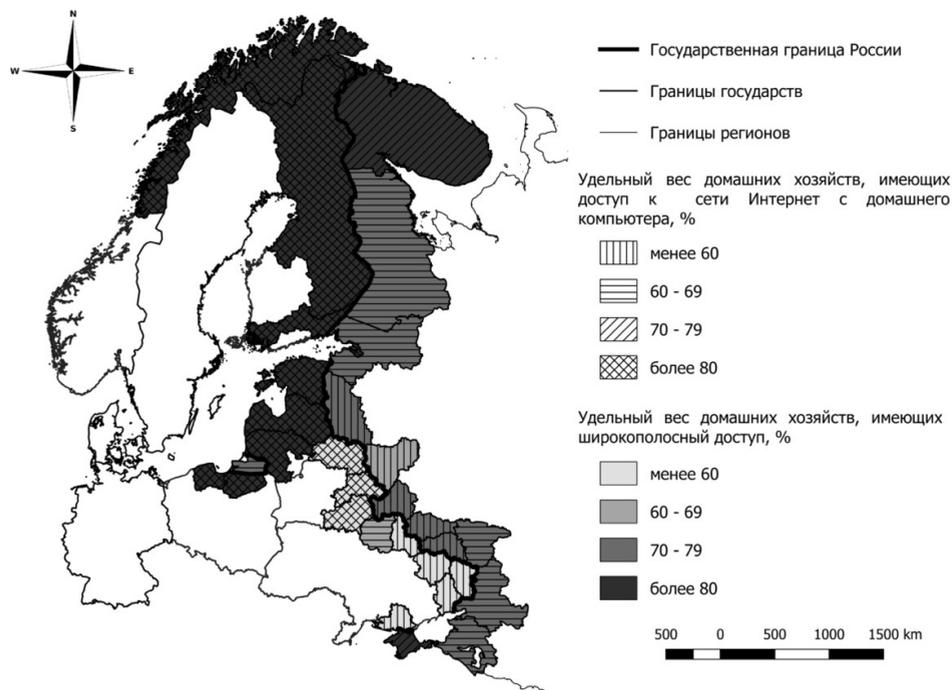

Рис. 3. Развитие цифровой инфраструктуры в приграничных регионах европейской части России и сопредельных государств

Источник: разработано автором (источники данных — в таблице 1).

Уровень проникновения цифровых технологий отражает готовность населения использовать широкий спектр цифровых рутин, в том числе осуществлять онлайн-взаимодействие с различными общественными институтами, что важно в контексте формирования единого трансграничного цифрового пространства. Наличие стабильного доступа в интернет существенно стимулирует население приграничных регионов к повышению частоты его использования (корреляция между П3 и П5 равна 0,672, а между П4 и П5 — 0,856). Наиболее активные интернет-пользователи — жители Северной Норвегии (95%), Южной (95%), Северной и Восточной (92%) Финляндии, а наименее активные (менее 70%) — жители регионов Украины (рис. 4). При этом лидерство по доле лиц, заказывающих товары или услуги через интернет для личного пользования, принадлежит российским регионам: в первую очередь Санкт-Петербургу, Мурманской области, Республике Крым и Севастополю, а также региону Северной Норвегии.

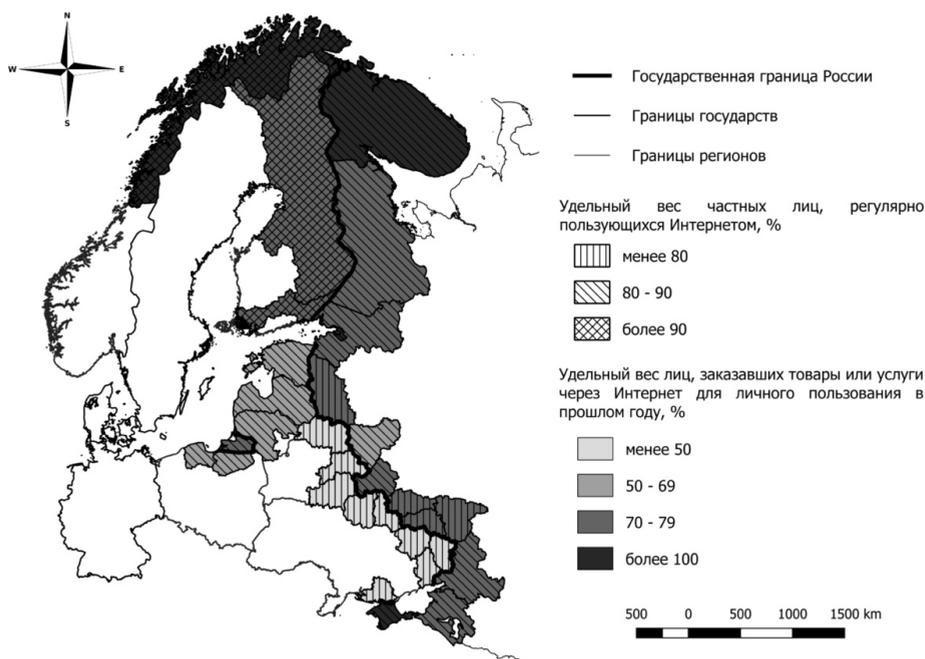

Рис. 4. Уровень проникновения интернета в приграничных регионах европейской части России и сопредельных государств

Источник: разработано автором (источники данных — в таблице 1).

В таблице 3 и на рисунке 5 представлено распределение приграничных регионов европейской части России и сопредельных государств по показателям оценки и итоговому индексу цифровизации.

Таблица 3

Дифференциация значений показателей, включенных в интегральный индекс цифровизации, по группам приграничных регионов

Группа (интервал значений индекса)	Количество регионов	П2			П3			П6		
		Макс.	Среднее	Мин.	Макс.	Среднее	Мин.	Макс.	Среднее	Мин.
Лидеры (0,7—1)	9	99,0	92,1	76,4	100,0	89,2	68,5	87,0	71,6	56,0
Умеренные (0,5—0,69)	14	92,1	68,9	8,7*	86,1	69,1	47,8	84,2	69,1	42,2
Отсталые (0—0,49)	9	69,7	48,4	20,4	85,2	54,2	38,1	76,5	43,9	34,0

Примечание: П2 — доля территории, покрытой интернет-стандартом 4G; П3 — удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет с домашнего компьютера; П6 — удельный вес лиц, заказывающих товары или услуги через интернет для личного пользования. «Среднее» рассчитано как среднее медианное значение; * — значение для Мурманской области РФ, имеющей ареальное покрытие территории интернетом в зонах высокой урбанизации.

Источник: рассчитано автором.

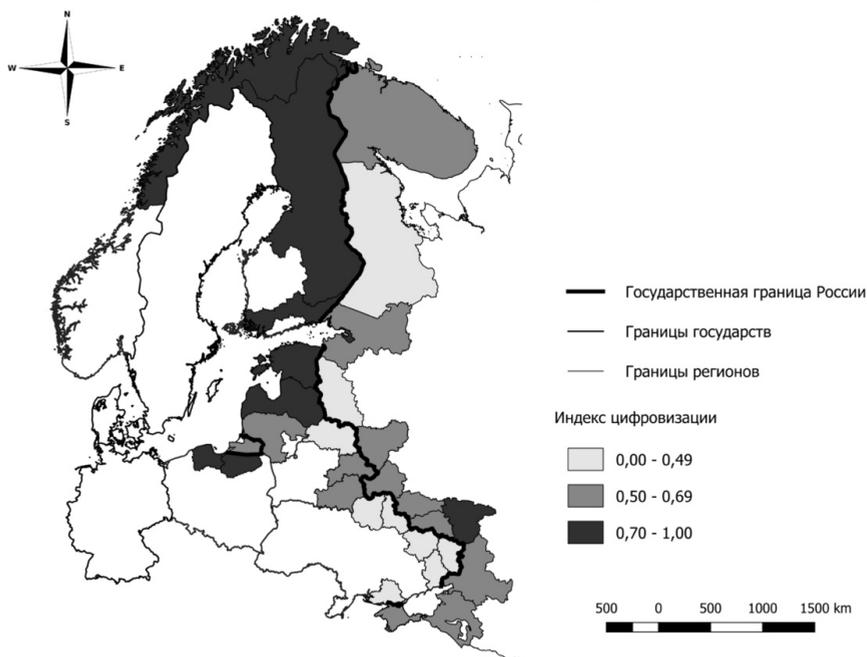

Рис. 5. Типология приграничных регионов на западных рубежах России по уровню цифровизации

Источник: разработано автором.

В первую группу — «Лидеры» — вошли 9 исследуемых регионов со значением интегрального индекса выше 0,7, а именно Южная Финляндия, Северная и Восточная Финляндия, Северная Норвегия, Эстония, Латвия, российские Санкт-Петербург и Воронежская область, польские Поморское и Варминско-Мазурское воеводства. Они отличаются сравнительно высоким уровнем развития цифровой инфраструктуры и проникновения интернета среди населения, включая территории крайнего севера в Норвегии и Финляндии. Данная группа наиболее однородна: межрегиональный разрыв по исследуемым показателям колеблется от 1,2 до 1,6. При этом 3 региона демонстрируют превосходство по всем и 6 — по большинству показателей относительно их средних медианных значений (П2 — 77,7%; П3 — 69,8%; П6 — 70,6%). По показателям П2 и П3 выше средних значения у 8 из 9 регионов, по П6 — у 5 регионов первой группы.

Во вторую группу, «Умеренные», вошли 14 приграничных регионов со значением интегрального индекса в интервале от 0,5 до 0,69, а именно Центральная и Западная Литва, большинство регионов Западного порубежья России (Ростовская, Белгородская, Брянская, Курская, Ленинградская, Смоленская, Мурманская, Калининградская области, Краснодарский край, Республика Крым и Севастополь), Гомельская и Могилёвская области Беларуси. Данная группа более неоднородна по своему составу, чем первая. В первую очередь наблюдается сильный контраст между исследуемыми регионами по плотности интернет-покрытия. Наименьшее значение у Мурманской области (0,8%), где покрытие интернетом 4G присутствует лишь вдоль главных дорог и в крупных населенных пунктах, что объясняется очаговым характером освоения территории. При этом высокий уровень урбанизации ока-

зал позитивное воздействие на степень проникновения интернета среди жителей, что позволило включить Мурманскую область в данную группу. В целом регионы второй группы значительно уступают лидерам по уровню территориального развития цифровой инфраструктуры, однако ее присутствие в наиболее густонаселенных районах обеспечивает сравнительно высокие показатели использования интернета населением.

К третьей группе — «Отсталые» — отнесено 9 приграничных регионов со значением интегрального индекса менее 0,5, что обусловлено как низкой плотностью интернет-покрытия, так и недостаточным уровнем проникновения интернета среди населения. В данную группу преимущественно вошли украинские регионы (Черниговская, Харьковская, Херсонская, Сумская, Донецкая, Луганская области) и белорусская Витебская область, а также два субъекта РФ (Республика Карелия и Псковская область).

Обсуждение результатов

С опорой на представленную типологию регионов в целях дальнейшей оценки потенциала трансграничной цифровизации на западных рубежах России был рассчитан разрыв между значениями интегрального индекса для исследуемых субъектов РФ и приграничных для них регионов соседних стран (табл. 4).

Таблица 4

Цифровой разрыв между приграничными регионами европейской части России и сопредельных государств

Субъект РФ	ИИЦ	Приграничные регионы соседней страны / ИИЦ	Средний разрыв между ИИЦ, раз*
Мурманская область	0,53	Северная Норвегия — 0,91 Северная и Восточная Финляндия — 0,83	1,64
Республика Карелия	0,45	Северная и Восточная Финляндия — 0,83 Южная Финляндия — 0,89	1,88
Ленинградская область	0,61	Южная Финляндия — 0,89	1,38
Санкт-Петербург	0,92	Эстония — 0,79	1,09
Псковская область	0,43	Эстония — 0,79 Латвия — 0,72	1,75
		Витебская область Беларуси — 0,38	1,12
Калининградская область	0,68	Варминско-Мазурское воеводство Польши — 0,78 Поморское воеводство Польши — 0,79 Центральная и Западная Литва — 0,60	1,15
Смоленская область	0,56	Витебская область Беларуси — 0,38 Могилёвская область Беларуси — 0,60	1,26
Брянская область	0,60	Могилёвская область Беларуси — 0,60 Гомельская область Беларуси — 0,59	1,02
		Черниговская область Украины — 0,35	3,84
		Сумская область Украины — 0,10	

Окончание табл. 4

Курская область	0,58	Сумская область Украины — 0,10	5,78
Белгородская область	0,63	Сумская область Украины — 0,10 Харьковская область Украины — 0,27 Луганская область Украины — 0,10	4,90
Воронежская область	0,76	Луганская область Украины — 0,10	6,20
Ростовская область	0,69	Луганская область Украины — 0,10 Донецкая область Украины — 0,14	5,81
Краснодарский край	0,63	Донецкая область Украины — 0,14	4,37
Республика Крым	0,54	Херсонская область Украины — 0,27	2,02
Севастополь	0,69		2,59

Примечание: ИИЦ — итоговый индекс цифровизации. * Средняя величина разрыва ИИЦ отражает общую цифровую неоднородность приграничных регионов на участке государственной границы, относящемся к указанному субъекту РФ.

Источник: рассчитано автором.

Представленные результаты позволяют выделить три типа приграничных территорий на западных рубежах России по уровню цифровой неоднородности.

Для *первого* типа характерен сравнительно небольшой (менее чем в 2 раза) цифровой разрыв между приграничными регионами, при этом субъекты РФ находятся в позиции отстающих. Это приграничные территории на северо-западе России (Республика Карелия, Мурманская, Ленинградская, Псковская и Калининградская области) и соседние для них регионы Норвегии, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши.

Второй тип, как и первый, включает приграничные регионы с менее чем двукратным цифровым разрывом, однако с доминированием субъектов РФ. В первую очередь это российско-белорусское приграничье (в составе российских Смоленской, Псковской, Брянской и белорусских Гомельской, Витебской и Могилёвской областей), а также Санкт-Петербург, который превосходит по уровню цифровизации соседние для него регионы Южной Финляндии и Эстонию.

Третий тип включает приграничные регионы в российско-украинском приграничье с более чем двукратным цифровым разрывом и превосходством со стороны РФ. Наиболее сложная ситуация на границе с Луганской и Донецкой областями Украины.

Анализ предшествующих исследований, посвященных изучению причин цифрового неравенства (например, [11]), указывает на первостепенную значимость такого социально-экономического фактора, как экономическое благосостояние населения. Высокий уровень подушевого дохода обуславливает как более быстрое внедрение специализированной информационно-коммуникационной инфраструктуры, так и развитие человеческого капитала, необходимого для формирования спроса на цифровые технологии. Несколько меньшее влияние оказывает асимметрия в распределении населения по численности, уровню образования и социально-демографическим характеристикам (возрасту, полу, национальности и др.). В связи с этим будет обоснованным утверждение, что выявленный цифровой разрыв в европейском приграничье России, по сути, отражает сложившуюся социально-экономическую неоднородность между приграничными регионами.

В контексте оценки потенциала формирования трансграничных связей наличие разности в уровне социально-экономического развития между регионами является положительным фактором, что получило подтверждение в рамках исследований причин устойчивости приграничного сотрудничества и мобильности через границу [22; 23]. Поскольку взаимодействие на трансграничном уровне является более сложным, чем на национальном, его жизнеспособность в долгосрочном периоде обуславливается наличием у сторон внутреннего естественного стимула, подкрепленного сравнительной привлекательностью другой стороны. Внешние факторы, такие как финансирование в рамках межправительственных программ, также могут выступать драйверами сотрудничества приграничных регионов, однако прекращение их влияния нередко ведет к сворачиванию трансграничных связей [22]. Из этого логично следует вопрос о необходимой степени цифровой близости между приграничными регионами (включая сферы экономики, государственного управления и общественной жизни), позволяющей формировать устойчивые трансграничные цифровые связи.

Поскольку благоприятная правовая среда — важнейший фактор цифровой трансформации для развитых и развивающихся стран [11; 24], а устойчивые добрососедские отношения между государствами имеют первостепенное значение для усиления интеграции приграничных сообществ, то, на наш взгляд, перспективы трансграничной цифровизации приграничных регионов РФ в первую очередь связаны с сокращением межстранового разрыва в институциональной сфере. Высокая барьерность государственной границы и отсутствие диалога по вопросам формирования общего цифрового пространства снижают привлекательность трансграничной кооперации и, как следствие, интерес к ее осуществлению, смещая фокус в сторону укрепления внутристрановых связей.

Политическая рассогласованность в вопросах управления приграничными территориями на фоне повышения национальной связности за счет цифровизации может иметь негативные последствия для развития трансграничного сотрудничества, что показал пример норвежско-шведского и финско-шведского регионов в период пандемии [9]. В свою очередь, развитие трансграничной открытости в отношении управления приграничными регионами в рамках модели «открытого», основанного на цифровых технологиях правительства, напротив, рассматривается как эффективный механизм содействия трансграничному сотрудничеству и реализации его цифрового потенциала [25].

В настоящее время усилия по сближению национальных цифровых пространств осуществляются между Россией и странами ЕАЭС в рамках цифровой повестки до 2025 года.¹¹, однако темпы ее реализации недостаточны¹², в частности наблюдаются трудности в гармонизации правовых систем и по другим направлениям [26]. На западных рубежах России ведущая роль в развитии цифрового партнерства принадлежит Беларуси. Результаты исследования социально-экономической динамики в Днепро-Двинском трансграничном регионе [27] показывают недооценку цифровизации в качестве инструмента повышения связности приграничных территорий двух стран и реализации их экономического потенциала (как в области информационного обмена, так и в развитии приграничных контактов в сферах В2С и В2В). Ав-

¹¹ Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, 2017, Решение Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11 октября 2017 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Основные%20документы/Решение%20ВЕЭС%20№12_Основные%20направления%20реализации%20цифровой%20повестки%20ЕАЭС.pdf (дата обращения: 29.08.2021).

¹² Мишустин рассказал о последствиях затягивания цифровизации в ЕАЭС, 2021, ТАСС, Алма-Ата, 05.02.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10629905> (дата обращения: 05.08.2021).

торы приходят к выводу, что в сложившихся рамочных условиях развитие интернета и цифровых технологий постепенно ведет к сокращению предпринимательской и потребительской активности, а также трудовой миграции между Смоленской, Витебской и Могилёвской областями, поскольку увеличивается доступность более привлекательных столичных рынков Москвы и Минска.

Отметим, что ряд приграничных России европейских стран (среди них Беларусь и Украина) участвует в инициативе EU4Digital¹⁵, реализуемой ЕС с 2016 года в целях гармонизации и интеграции цифровых рынков со странами Восточного партнерства, в том числе в вопросах законодательства, сбора цифровых данных, государственного управления, регулирования сетей и услуг электронных коммуникаций, кибербезопасности, формирования научно-образовательных сообществ. Украина вовлечена в реализацию пяти проектов инициативы с совокупным уровнем финансирования ее участия свыше 28 млн евро, а Беларусь — в реализацию трех проектов (инвестиции составляют около 2,8 млн евро). Подобная цифровая интеграция на рубежах России на фоне слабости инициатив трансграничной цифровизации с ее участием вызывает определенные опасения. Во-первых, она способствует асинхронизации цифровых повесток России и приграничных ей государств. Во-вторых, формирует условия, при которых Россия может оказаться выключенной из широкого спектра направлений международного цифрового сотрудничества в силу значимых различий в национальных цифровых экосистемах. В-третьих, создает напряженность в вопросах безопасности, касающихся экономических, политических, социальных, культурных и иных аспектов цифровизации.

Основные выводы

Цифровая регионализация — набирающий силу процесс сближения цифровых пространств приграничных регионов с последующим формированием единых цифровых трансграничных регионов. Последние, будучи неразрывно связаны с традиционными формами трансграничных взаимодействий, имеют свою специфику в организации, что требует дополнительных политических усилий со стороны национальных правительств соседствующих государств по выработке совместной программы цифровизации. Среди первоочередных направлений следует выделить создание благоприятных рамочных условий для реализации цифрового формата трансграничного сотрудничества, включая вопросы гармонизации законодательства [28] и снижения тарифных и нетарифных барьеров для цифровой торговли [29], а также повышение доступности интернета и цифровых технологий для населения приграничья, в том числе путем развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и содействия росту цифровой грамотности.

Данное исследование показало существование разрыва между приграничными регионами Западного порубежья России и соседних стран по предложенному индексу цифровизации. Однако для многих регионов расхождение не превышает двукратного значения, что свидетельствует о наличии у них инфраструктурного и человеческого потенциала к трансграничной цифровизации. При этом существующие рамочные условия не позволяют в полной мере реализовывать имеющийся цифровой потенциал приграничья. В настоящее время политическая поддержка цифровой трансформации трансграничного сотрудничества на западных рубежах России инициирована только на российско-белорусском участке границы в контексте общей повестки цифрового развития ЕАЭС. Активизация институционального

¹⁵ Инициатива EU4Digital включает четыре программы: EU4Digital, EU4Digital Broadband, EU4Digital Cyber и EaPConnect, а также ряд других проектов, см.: EU4Digital, 2022. URL: <https://eufordigital.eu/ru/discover-eu/the-eu4digital-initiative/> (дата обращения: 27.01.2022).

процесса в данном направлении, по нашему мнению, имеет перспективы и может стать хорошей основой формирования единых для России и Беларуси цифровых трансграничных регионов. При этом определенную угрозу представляет тенденция к сближению цифровых пространств Украины, Беларуси и ЕС на фоне продвижения странами Запада антироссийской повестки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ 21-77-00082 «Цифровая трансформация трансграничного сотрудничества регионов России как фактор национальной безопасности». Автор благодарит магистранта БФУ им. И. Канта А. П. Плотникова за помощь в подготовке картографического материала.

Список литературы

1. Лю, И. 2020, «Цифровой шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один Пояс, Один Путь», *Инновации и инвестиции*, № 112, с. 278—282.
2. Доронин, Б. А., Глотова, И. И., Томилина, Е. П. 2020, Роль процесса глобализации в становлении цифровой экономики, *Kant*, № 14 (37), с. 77—81. doi: <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2020-37.1>.
3. Schilirò, D. 2020, Towards digital globalization and the covid-19 challenge, *International Journal of Business Management and Economic Research*, vol. 2, № 111, p. 1710—1716.
4. Foster, J. 2017, TPP and the future of the digital economy in the Asia pacific region, *International Conference on Advanced Computer Science and Information Systems 2016*, Malang, Indonesia, 15—16 October, p. 1—8. doi: <https://doi.org/10.1109/ICACSIS.2016.7872713>.
5. Ревенко, Л. С., Ревенко, Н. С. 2020, Использование цифровых технологий в торговле между странами ЕАЭС, *Информационное общество*, № 15, с. 2—9.
6. Лола, И. С., Бакеев, М. Б. 2020, *Цифровая повестка и инициативы в области цифровых технологий в условиях COVID-19 (обзор практик Европейского союза, Организации экономического сотрудничества и развития, а также других стран)*, М., НИУ ВШЭ, 19 с.
7. Denicolai, S., Zucchella, A., Magnani, G. 2021, Internationalization, digitalization, and sustainability: Are SMEs ready? A survey on synergies and substituting effects among growth paths, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 166, № 1120650. doi: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120650>.
8. Межевич, Н. М., Ткачев, С. А. 2021, К вопросу о специфике инновационных процессов в приграничных пространствах, *Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления*, № 11 (31), с. 83—87.
9. Meijer, M. W., Giacometti, A. 2021, *Nordic border communities in the time of COVID-19*, Stockholm, Nordregio, 10 p. doi: <https://doi.org/10.6027/PB2021:3.2001-3876>.
10. Hennig, A. 2021, The spatial dimension of coronavirus crisis management and the role of subnational actors in the German-Polish border region, *European Societies*, № 123, p. S859—S871. doi: <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1846065>.
11. Vicente, M. R., López, A. J. 2011, Assessing the regional digital divide across the European Union-27, *Telecommunications Policy*, vol. 35, № 13, p. 220—237. doi: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2010.12.013>.
12. Zemtsov, S., Barinova, V., Semenova, R. 2019, The risks of digitalization and the adaptation of regional labor markets in Russia, *Foresight and STI Governance*, vol. 13, № 12, p. 84—96. doi: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96>.
13. Земцов, С. П., Комаров, В. М. 2015, Формирование экономики знаний в регионах России в 1998—2012 гг., *Инновации*, № 110 (204), с. 29—36.
14. Кузнецов, А. В. 2008, Еврорегионы: полвека «малой» интеграции, *Современная Европа*, № 12 (34), с. 48—59.
15. Edquist, H., Goodridge, P., Haskel, J., Li, H., Lindquist, E. 2018, How important are mobile broadband networks for the global economic development? *Information Economics and Policy*, № 145, p. 16—29. doi: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2018.10.001>.

16. Lee, S., Marcu, M., Lee, S. 2011, An empirical analysis of fixed and mobile broadband diffusion, *Information economics and policy*, vol. 23, № 13–4, p. 227–233. doi: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2011.05.001>.

17. Ghosh, S. 2017, Broadband penetration and economic growth: Do policies matter? *Telematics and informatics*, vol. 34, № 15, p. 676–693. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.12.007>.

18. Touhidul, Md. Is. 2019, Future Impact of 4G on Business in Bangladesh, *International Journal of Research in Business Studies and Management*, vol. 6, № 11, p. 17–26.

19. Lentz, R. G., Oden, M. D. 2001, Digital divide or digital opportunity in the Mississippi Delta region of the US, *Telecommunications Policy*, vol. 25, № 15, p. 291–313. doi: [https://doi.org/10.1016/S0308-5961\(01\)00006-4](https://doi.org/10.1016/S0308-5961(01)00006-4).

20. Головчин, М. А. 2019, Влияние интернет-активности на жизнь в эпоху цифровизации общества и экономики: на данных регионального исследования, *Актуальные проблемы экономики и права*, № 13, с. 1356–1369. doi: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1356-1369>.

21. Elia, S., Giuffrida, M., Mariani, M. M., Bresciani, S. 2021, Resources and digital export: An RBV perspective on the role of digital technologies and capabilities in cross-border e-commerce, *Journal of Business Research*, № 1132, p. 158–169. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.04.010>.

22. Klatt, M., Herrmann, H. 2011, Half empty or half full? Over 30 years of regional cross-border cooperation within the EU: experiences at the Dutch–German and Danish–German border, *Journal of Borderlands Studies*, vol. 26, № 11, p. 65–87. doi: <https://doi.org/10.1080/08865655.2011.590289>.

23. Spierings B., van der Velde, M. 2008, Shopping, Borders and Unfamiliarity: Consumer Mobility in Europe, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie (Journal of Economic and Human Geography)*, vol. 99, № 14, p. 497–505. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.2008.00484.x>.

24. Зверева, А. А., Беляева, Ж. С., Сохаг, К. 2019, Влияние цифровизации экономики на благосостояние в развитых и развивающихся странах, *Экономика региона*, Т. 15, № 14, с. 1050–1062. doi: <https://doi.org/10.17059/2019-4-7>.

25. Beck, J. 2021, Open government and cross-border cooperation – perspectives for the context of transnational policy-making in border-regions, *Central and Eastern European eDem and eGov Days 2021*, Budapest, Hungary, 5–8 May, p. 141–159. doi: <https://doi.org/10.24989/ocg.v341.10>.

26. Войников, В. В., Энтина, Е. Г., Энтин, М. Л. 2019, Перспективы, потребности и подводные камни конституционализации ЕС и ЕАЭС, *Политические исследования*, № 14, с. 89–103. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.07>.

27. Кузавко, А. С. (ред.) 2019, *Днепро-Двинский регион в зеркале социологии*, монография, Смоленск, Изд-во СмолГУ, 141 с.

28. Бороздин, А. Н., Коварда, В. В. 2020, Анализ системы обеспечения защиты информации в процессе цифровизации ее оборота в рамках ЕАЭС в аспекте повышения экономической безопасности, *Вестник Евразийской науки*, № 14 (12). URL: <https://esj.today/PDF/41ECVN420.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

29. Смирнов, Е. Н. 2019, Параметры развития и регулирования международной цифровой торговли на современном этапе, *E-Management*, Т. 2, № 1, с. 78–84. doi: <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2019-1-78-84>.

Об авторе

Анна Алексеевна Михайлова, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6807-6074>

CROSS-BORDER DIGITALIZATION OF THE WESTERN BORDER OF RUSSIA: POTENTIAL AND PROSPECTS

A. A. Mikhaylova

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 10.12.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-6
© Mikhaylova, A. A., 2022

Border regions are significant geostrategic territories, which long-term sustainable development is one of the priorities of Russia's national security. The specificity of their economic-geographical position necessitates the development and implementation by the authorities of special governance approaches aimed at finding a balance between the openness and barrier function of the state border. One of the most common tools for the spatial development of border areas is the sustainable cross-border cooperation with the regions of neighboring countries using various forms of cross-border cooperation, incl. focused on the generation and diffusion of innovations. The covid-19 coronavirus pandemic, having become a truly global challenge of our time, has made significant changes not only in the policies of many countries regarding the border, but also in the functioning of already established cross-border regions. The impossibility of fully implementing the previous formats of interethnic and interregional interaction has necessitated the search for new forms of cooperation, primarily based on the use of rapidly developing digital technologies. This led to the growth of academic and practical interest in substantiating the mutual effects of digitalization, innovation and internationalization for the regions. This article is devoted to assessing the potential and prospects of cross-border digitalization of the Western borderland of Russia. The objectives of the study were to identify the gap between border regions in the level of accessibility and penetration of digital technologies, as a significant condition for the formation of cross-border digital connections. The object of study is 15 subjects of the Russian Federation and 17 regions of NUTS 2 neighboring states. Using geoinformation and statistical methods of analysis, a typology of regions by the value of the digitalization index is proposed, with the allocation of leaders, moderate and lagging regions, and an assessment of their spatial location relative to the state border. Possible reasons for the current digital inequality, primarily of a socio-economic nature, are discussed. The determining role of the institutional factor in realizing the potential of cross-border digitalization has been substantiated. It is concluded that political efforts for digital convergence in the western direction are being undertaken only between Russia and Belarus, although further intensification is required.

Keywords:

border region, digital divide, cross-border digital space, internationalization, innovation, digital transformation, Internet coverage

Acknowledgement. *The study is funded by the RSF project No. 21-77-00082 "Digital transformation of cross-border cooperation of Russian regions as a factor of national security". The author is grateful for help with the cartographic material to IKBFU student A. P. Plotnikova.*

References

1. Liu, Yi. 2020, "Digital Silk Road" as innovative basis of the global project "One Belt, One Road", *Innovation & Investment*, no. 12, p. 278—282 (in Russ.).
2. Doronin, B. A. Glotova, I. I., Tomilina, E. P. 2020, The role of the globalization process in the formation of the digital economy, *Kant*, no. 4 (37), p. 77—81 (in Russ.). doi: <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2020-37.1>.
3. Schilirò, D. 2020, Towards digital globalization and the covid-19 challenge, *International Journal of Business Management and Economic Research*, vol. 2, no. 11, p. 1710—1716.
4. Foster, J. 2017, TPP and the future of the digital economy in the Asia pacific region, *International Conference on Advanced Computer Science and Information Systems 2016*, Malang, Indonesia, 15—16 October, p. 1—8. doi: <https://doi.10.1109/ICACISIS.2016.7872713>.
5. Revenko, L. S., Revenko, N. S. 2020, Use of digital technologies in trade between the EAEU countries, *Information Society*, no. 5, p. 2—9 (in Russ.).
6. Lola, I. S., Bakeyev, M. B. 2020, *Tsifrovaya povestka i initsiativy v oblasti tsifrovyykh tekhnologiy v usloviyakh COVID-19 (obzor praktik Yevropeyskogo soyuza, Organizatsii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya, a takzhe drugikh stran)* [Digital Agenda and Initiatives in the field of digital technologies in the context of COVID-19 (overview of practices of the European Union, the Organization for Economic Cooperation and Development, as well as other countries)], Moscow, HSE Publishing House. 19 p. (in Russ.).
7. Denicolai, S., Zucchella, A., Magnani, G. 2021, Internationalization, digitalization, and sustainability: Are SMEs ready? A survey on synergies and substituting effects among growth paths, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 166, no. 120650. doi: <https://doi.10.1016/j.techfore.2021.120650>.
8. Mezhevich, N. M., Tkachev, S. A. 2021, Specificities of innovation processes in the border areas, *Vestnik of the Komi Republican Academy of State Service and Administration. Theory and practice of administration*, no. 1(31), p. 83—87 (in Russ.).
9. Meijer, M. W., Giacometti, A. 2021, *Nordic border communities in the time of COVID-19*, Stockholm, Nordregio, 10 p. doi: <https://doi.10.6027/PB2021:3.2001-3876>.
10. Hennig, A. 2021, The spatial dimension of coronavirus crisis management and the role of subnational actors in the German–Polish border region, *European Societies*, no. 23, p. S859—S871. doi: <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1846065>.
11. Vicente, M. R., López, A. J. 2011, Assessing the regional digital divide across the European Union-27, *Telecommunications Policy*, vol. 35, no. 3, p. 220—237. doi: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2010.12.013>.
12. Zemtsov, S., Barinova, V., Semenova, R. 2019, The risks of digitalization and the adaptation of regional labor markets in Russia, *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 2, p. 84—96. doi: <https://doi.org/10.17523/2500-2597.2019.2.84.96>.
13. Zemtsov, S. P., Komarov, V. M. 2015, Formation of the knowledge economy in the regions of Russia in 1998—2012 years, *Innovations*, no. 10 (204), p. 29—36 (in Russ.).
14. Kuznetsov, A. V., 2008, Euroregions: Half a Century of «Small» Integration, *Sovremennaya Evropa*, no. 2 (34), p. 48—59 (in Russ.).
15. Edquist, H., Goodridge, P., Haskel, J., Li, H., Lindquist, E. 2018, How important are mobile broadband networks for the global economic development? *Information Economics and Policy*, no. 45, p. 16—29. doi: <https://doi.10.1016/j.infoecopol.2018.10.001>.
16. Lee, S., Marcu, M., Lee, S. 2011, An empirical analysis of fixed and mobile broadband diffusion, *Information economics and policy*, vol. 23, no. 3-4, p. 227—233. doi: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2011.05.001>.
17. Ghosh, S. 2017, Broadband penetration and economic growth: Do policies matter? *Telematics and informatics*, vol. 34, no. 5, p. 676—693. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.12.007>.
18. Touhidul, Md. Is. 2019, Future Impact of 4G on Business in Bangladesh, *International Journal of Research in Business Studies and Management*, vol. 6, no. 1, p. 17—26.
19. Lentz, R. G., Oden, M. D. 2001, Digital divide or digital opportunity in the Mississippi Delta region of the US, *Telecommunications Policy*, vol. 25, no. 5, p. 291—313. doi: [https://doi.org/10.1016/S0308-5961\(01\)00006-4](https://doi.org/10.1016/S0308-5961(01)00006-4).

20. Golovchin, M. A. 2019, Influence of internet activity on life in the epoch of digitalization of the society and economy: by the data of regional research, *Actual problems of economics and law*, vol. 13, no. 3, p. 1356—1369 (in Russ.). doi: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1356-1369>.

21. Elia, S., Giuffrida, M., Mariani, M. M., Bresciani, S. 2021, Resources and digital export: An RBV perspective on the role of digital technologies and capabilities in cross-border e-commerce, *Journal of Business Research*, no. 132, p. 158—169. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.04.010>.

22. Klatt, M., Herrmann, H. 2011, Half empty or half full? Over 30 years of regional cross-border cooperation within the EU: experiences at the Dutch–German and Danish–German border, *Journal of Borderlands Studies*, vol. 26, no. 1, p. 65—87. doi: <https://doi.org/10.1080/08865655.2011.590289>.

23. Spierings B., van der Velde, M. 2008, Shopping, Borders and Unfamiliarity: Consumer Mobility in Europe, *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie (Journal of Economic and Human Geography)*, vol. 99, no. 4, p. 497—505. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.2008.00484.x>.

24. Zvereva, A. A., Belyaeva, Zh. S., Sohag, K. 2019, Impact of the Economy Digitalization on Welfare in the Developed and Developing Countries, *Economy of Region*, vol. 15, no. 4, p. 1050—1062 (in Russ.). doi: <https://doi.org/10.17059/2019-4-7>.

25. Beck, J. 2021, Open government and cross-border cooperation — perspectives for the context of transnational policy-making in border-regions, *Central and Eastern European eDem and eGov Days 2021*, Budapest, Hungary, 5—8 May, p. 141—159. doi: <https://doi.org/10.24989/ocg.v341.10>.

26. Voynikov, V. V., Entina, E. G., Entin, M. L. 2019, Prospects, Needs and Pitfalls of Constitutionalization of the EU and the EAEU, *Polis. Political Studies*, no. 4, p. 89—103. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.07> (in Russ.).

27. Kuzavko, A. S. (ed.) 2019, *Dnepro-Dvinskiy region v zerkale sotsiologii* [The Dnieper-Dvina region in the mirror of sociology], monograph, Smolensk, SmolGU Publishing House, 141 p. (in Russ.).

28. Borozdin, A. N., Kovarda, V. V. 2020, Analysis of the information security system in the process of digitalization of its turnover within the EEU in the aspect of improving economic security, *The Eurasian Scientific Journal*, no. 4 (12), available at: <https://esj.today/PDF/41ECVN420.pdf> (accessed 1.09.2021) (in Russ.).

29. Smirnov, E. N. 2019, Parameters of development and regulation of the international digital trade at the present stage, *E-Management*, vol. 2, no. 1, p. 78—84. doi: <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2019-1-78-84> (in Russ.).

The author

Dr Anna A. Mikhaylova, Senior Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6807-6074>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЭКСКЛАВА НА БАЛТИКЕ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ СТРАНЫ

В. А. Шупер

Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29
Университет Бернардо О'Хиггинса,
Чили, Сантьяго

Поступила в редакцию 05.11.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-7
© Шупер В. А., 2022

Происходящие геополитические и геоэкономические сдвиги требуют переосмысления роли Калининградской области в Балтийском регионе. Цель исследования — показать потенциальное влияние некоторых тенденций в развитии сопредельных стран на будущее Калининградской области, а также выдвинуть предложения относительно новых возможностей ее макроспециализации. В условиях «осыпания» мирового порядка С. А. Караганов призывает к умеренному изоляционизму. Калининградская область — интереснейший исторический эксперимент, который должен привести к новым неожиданным результатам. Усиление страны, сопряженное во времени с завершением трехсотлетних попыток вписаться в Европу в том или ином качестве, существенно трансформирует функции Калининградской области. Ее уникальное географическое положение в сочетании с бережным отношением к историческому наследию делают регион весьма перспективным плацдармом для проекции «мягкой силы». Развитие области как лаборатории будущего, создающей его модели не только для внутреннего потребления, но и на экспорт, позволит исключительно успешно оперировать масштабами, одновременно пользуясь конкурентными преимуществами и большой, и малой страны. Высшее образование может сыграть в этом ведущую роль. В условиях возрождения консерватизма следует взять на вооружение многие идеи и подходы, применявшиеся при создании новосибирского Академгородка.

Ключевые слова:

Калининградская область, Польша, Литва, Большая Евразия, консерватизм, интеллектуальная эмансипация

Происходящие на наших глазах быстрые изменения соотношения сил различных государств приводят к радикальному переструктурированию всей системы международных отношений. В этих условиях как странам, так и отдельным регионам необходимо не просто приспособливаться к фундаментальным геополитическим и геоэкономическим сдвигам, но и играть на опережение, стремясь направить эти изменения в благоприятное для себя русло, либо использовать их, чтобы извлечь возможно большую пользу, минимизируя практически неизбежные потери. Цель статьи — предложить весьма перспективное, с точки зрения автора, использование уникального географического положения Калининградской области, ее ин-

Для цитирования: Шупер В. А. Новые возможности для российского эксклава на Балтике в изменяющемся геополитическом положении страны // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 109–121.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-7.

теллектуального и культурного потенциала для решения важнейших задач развития страны. Будущее России геополитически и геоэкономически предполагает поворот на Восток, усиление связей с Азией при поддержании возможно более сносных отношений с Европой как для обеспечения экономического развития, так и во избежание односторонней зависимости от Китая. Во внутренней геополитике — это необходимость резкой интенсификации освоения Сибири и Дальнего Востока, что невозможно без самых глубоких изменений в нашем обществе. Успешное решение столь масштабных задач, в свою очередь, станет катализатором таких изменений. Однако смелые эксперименты будут необходимы не только в районах нового освоения, но и на западном направлении, ведь активная роль России в Европе потребует использования балтийского фасада не только как «приемной» для капиталов и инноваций, но и как плацдарма для проекции российской «мягкой силы». Эксклавное положение Калининградской области, ее выдвинутость на запад в совокупности с другими факторами создают наиболее благоприятные условия для проведения различных экспериментов. Статья носит дискуссионный характер и призвана внести скромный вклад в их обсуждение.

«Распределение весов» в формирующемся мировом порядке

Глубокая трансформация геополитической ситуации в современном мире заставляет переосмысливать, казалось бы, неизблемые категории. По справедливому мнению Т. В. Бордачёва, «было бы странно думать, что наступающая реальность будет только адаптированным под новое соотношение сил повторением прошлого» [4]. Мы не должны ожидать, что в будущем мировом порядке весы, определяющие балансы сил, останутся такими же, как и сейчас, только гири будут другими. Можно обоснованно предположить, что изменится и сама конструкция весов.

Исследователи с естественно-научным стилем мышления обречены разрывать между стремлением сформулировать объективные закономерности общественного развития и совершеннейшим нежеланием встать на позиции исторического детерминизма в духе истмата или «конца истории». Исторические события, осознаваемые как неизбежные задним числом, в реальности, возможно, и не были таковыми. Возвращаясь к истокам нынешнего противостояния, М. Э. Саротт пишет: «Министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер позже предлагал еще один вариант: объединить НАТО и Варшавский договор в “составную систему общей, коллективной безопасности”, в рамках которой “оба альянса в итоге растворятся”. Бывшие диссиденты из Центральной Европы готовы были пойти еще дальше, предлагая полную демилитаризацию региона» [17]. Однако политическое развитие Европы не пошло этим прекрасным путем и теперь подчиняется, увы, совсем другим и при этом вполне объективным закономерностям. В экспертном сообществе, как в отечественном, так и в западном, стало предметом консенсуса представление не только о долговременности санкций, но и о тенденции к их ужесточению в перспективе 10—15 лет [23].

Формирующийся мировой порядок на глазах перестает быть временем прочных, надежно сцементированных союзов и превращается в арену взаимодействия ситуативных коалиций. При этом биполярный мир, основанный на блоковом противостоянии, делал любую, даже небольшую страну ценным активом для главных игроков. Активом, важным как для решения военно-стратегических задач, так и для усиления политического влияния, любая страна как минимум прибавляла голос в международных организациях. Сложно судить, стал ли сейчас мир действительно многополярным, но очевидно, что он превратился в конструкцию с весьма размытыми, а не четко очерченными границами между блоками [2].

Ныне переживаемый второй глобальный дезинтеграционный цикл начался в 2008 году, когда последний экономический кризис достиг апогея, и будет продолжаться еще лет 15, после чего начнется третья глобализация, контуры которой еще совершенно неясны. Если первая глобализация (середина XIX века — 1914 год) вошла в историю как *Pax Britannica* [18], а вторая (1945—2008) как *Pax Americana* с известными оговорками касательно соперничества США и СССР, то предвещать наступление *Pax Sinensis* было бы крайне неосмотрительно. «Век Европы закончился в 1914 году, век Америки заканчивается на наших глазах, веку Китая не быть — его все будут сдерживать, но XXI век станет веком Азии, когда основные системообразующие конфликты будут происходить в самой населенной части Земли» [3]. Многополярность и даже биполярность едва ли допускают единоличное лидерство. Глубокие изменения в «конструкции весов» уже привели к тому, что наиболее крупные игроки обеспечивают свою безопасность собственными силами и в минимальной степени склонны к вмешательству в конфликты между малыми странами или внутри них, если не считают, что оттуда исходит значимая угроза [2]. Позиция России в ходе вооруженного конфликта между Азербайджаном и Арменией в 2020 году служит наглядным тому примером.

Это новое положение в перспективе может приобрести большое значение для Калининградской области, зажатой между Польшей и Литвой, странами, проводящими крайне недружественную политику по отношению к России и резко выделяющимися в этом плане на фоне других стран ЕС. Если отношения с Польшей с ее динамично развивающейся экономикой и растущим населением вряд ли начнут улучшаться в обозримой перспективе, то по Литве прогноз может быть более благоприятным. В отличие от во многом самодостаточной и потому самостоятельной Польши это маленькая страна, чья экономика в последнее десятилетие не демонстрировала высоких темпов роста. За годы независимости она потеряла четверть населения. Противостояние России, выбранное как *raison d'être*, становится все менее рентабельным в условиях перемещения геостратегических интересов США в Азиатско-Тихоокеанский регион и утверждения Германии в качестве единоличного лидера ЕС. Вряд ли в Берлине будет с годами крепнуть желание щедро спонсировать антироссийскую политику Литвы, равно как и Латвии с Эстонией. Поэтому весьма вероятно, что в ближайшие годы руководство Литвы начнет проявлять возрастающую склонность к использованию географического положения страны для извлечения возможно больших выгод в рамках формирующейся Большой Евразии.

Неоизоляционизм как условие экспериментов

В условиях происходящей дезинтеграции, «осыпания» мирового порядка [1] С. А. Караганов призывает к умеренному изоляционизму: «Россия должна быть сильной, мощной крепостью, и это главное в очень опасном и непредсказуемом мире. Чем больше мы влезает в этот мир, который сейчас будет сыпаться вокруг нас, тем более мы уязвимы. Тем более что все выигрыши в таком турбулентном мире преходящие, а проигравши, мы тратим время, деньги и все остальное» [7]. При этом умеренный изоляционизм, предполагающий ударение на слове «умеренный», нисколько не противоречит активной внешней политике, будь то в Сирии или в Закавказье, если результат достигается ограниченным применением сил и средств. Он постулирует приоритет внутренней геополитики и геоэкономики, при котором решение внешнеполитических задач призвано создать благоприятные условия для развития страны, выступая геополитической проекцией «умеренного» консерватизма, о котором говорил В. В. Путин на XVIII заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 года [5].

А. А. Сушенцов отметил, что «каждое государство является экспериментом с открытым финалом» [19]. Это во многом относится и к регионам, особенно к такому, как Калининградская область. Эксперимент приносит успех, если он талантлив и смел. Как сказал Ф. Жолио-Кюри (1900—1958), чем дальше эксперимент от теории, тем ближе он к Нобелевской премии. Регион может сыграть выдающуюся роль в формировании Большой Евразии, выступая западной оконечностью оси, начинающейся у берегов Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Разворот России к Азии, расширяющееся хозяйственное взаимодействие с Китаем и другими ее странами не только не снизят геополитическое и геоэкономическое значение Калининградской области, но, напротив, усилят его в результате укрепления позиций страны в целом. Нам, географам, никогда не следует забывать об «игре масштабами», которой нас учил И. М. Маергойз (1908—1975) [11]. «Начав поворот на Восток, мы существенно изменили в свою пользу баланс сил в отношениях с Западом, особенно с Европой. Из ее окраины, стремящейся к центру и готовой за это платить, превращаемся в центр нового большого евразийского пространства, возвращаем особенно выгодную сейчас, при подъеме Азии, русскую евразийскую идентичность. Естественно, не отказываясь от своей в основном европейской культуры» [6].

Если Прибалтика на протяжении двух с половиной столетий при небольшом по историческим меркам перерыве между двумя мировыми войнами играла роль морского фасада великой державы, то сейчас «окном в Европу» остались Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области, причем последняя имеет явные преимущества в географическом положении по сравнению с двумя другими субъектами Федерации. Усиление страны, сопряженное во времени с завершением трехсотлетних попыток вписаться в Европу в том или ином качестве, которые достигли апогея в первые полтора постсоветских десятилетия [12], существенно трансформирует функции этих трех регионов. Изменение соотношения политических весов в Европе, в том числе и в результате укрепления наших позиций в Азии, требует от них не только выполнения транспортно-логистических функций, равно как и функций своего рода приемной для капиталов и инноваций, но и плацдарма для российской экономической и культурной экспансии в Европу, которая в будущем должна становиться все более и более активной.

Россия, в отличие от Китая, не сможет выиграть у Запада по его правилам (именно успехи Китая привели к ревизии принципов глобализации, особенно глубокой в годы президентства Д. Трампа). Однако есть и исключения из этого бесспорного положения. В области «мягкой силы» Россия как раз стала действовать симметрично, запустив *Russia Today* и *Sputnik*. Тот взрыв ненависти и произвола, который вызвала их деятельность в самых разных, но сугубо демократических странах, — лучшее свидетельство ее успеха. Аналогично и в советские времена глушение передач западных радиостанций на русском языке на всей сколько-нибудь населенной территории СССР было бесспорным доказательством их востребованности.

Уникальное географическое положение Калининградской области в сочетании с бережным отношением к историческому наследию делают регион весьма перспективным плацдармом для проекции «мягкой силы». Постоянное наращивание культурного и рекреационного потенциалов, развитие инфраструктуры и элементарное благоустройство городов увеличивают привлекательность области для жителей близлежащих стран. Однако особая роль принадлежит высшему образованию, поскольку именно в этой сфере обогнать Запад вполне реально, но для этого надо многое взять из советского прошлого, а не повторять заморские глупости вместо того, чтобы избавляться от своих. В этих вопросах, как и в ряде других, соседство с консервативной Польшей, безусловно, — благоприятное обстоятельство, из которого можно извлечь немалую пользу.

Парадокс Ратцеля, свойства больших и малых стран

Прорыв всегда требует смелости и таланта. С. А. Караганов постоянно подчеркивает, что Сибирь развивалась исторически тогда, когда развивалась именно как территория экономической свободы. Начавшийся поворот на Восток не будет результативным, если Сибирь не станет гигантской лабораторией будущего, ведь пионерное освоение территории — это венчурный процесс [14], он не может быть успешным без духа фронтира, отваги и даже авантюризма первопроходцев. Однако наряду с огромной восточной лабораторией стране необходимо иметь и небольшую, но ультрасовременную западную. Начавшаяся интеллектуальная эмансипация России, переход от копирования американских и европейских образцов к самостоятельным творческим поискам при максимальной выдвинутой на запад и эксклавном положении создают объективные предпосылки для такой макроспециализации Калининградской области. Ведь именно соперничество в наибольшей степени способствует творчеству, сотрудничество вполне допускает заимствование готовых образцов, в лучшем случае адаптируемых с учетом местных условий. Для этого сильные исследовательские лаборатории явно не нужны. Между тем Х. Ортега-и-Гассет (1883—1955) настоятельно призывал нас заимствовать материал, а не образцы, ни в коем случае не освобождая себя от напряженной творческой работы [13].

Решение важнейших задач внутренней и внешней геополитики, связанных как с поворотом на Восток, так и с отмеченным выше возрастанием роли больших стран в международных отношениях при относительном сокращении веса малых [2], объективно требует резкого усиления внимания к большим пространствам. Общеизвестно хрестоматийное положение Ф. Ратцеля (1844—1904), отца антропогеографии и предтечи геополитики, о необходимости для быстрого прогресса высокой плотности населения. Сформулированное в XIX веке, оно интуитивно представляется настолько верным, что даже не нуждается в доказательствах, а потому лежит и сейчас в основе почти всех исследований распространения инноваций. Между тем Ф. Ратцель, который был значительно глубже, чем это представлялось современникам и потомкам, оставил нам следующую мысль: «Чем шире и яснее географический горизонт, тем обширнее политические планы и тем больше становится мерило. *А вместе с этим растут и государства, и народы.* Народ, работающий на большом пространстве, выигрывает в силе, в широте взгляда и в свободе; в этом заключается награда за этот самоотверженный труд» [16, с. 31]. Это явное противоречие заслуживает того, чтобы войти в науку как *парадокс Ратцеля*. Его анализ выходит за рамки данной статьи, но для решения поставленных здесь задач необходимо соотнести его с другими теоретическими конструкциями.

Вопрос о сравнительных конкурентных преимуществах больших и малых стран не нов, он рассматривался Б. Н. Зиминым (1929—1995) при создании теории малых высокоразвитых стран еще на рубеже 1970—1980-х годов [15]. Малая страна была определена Б. Н. Зиминим как страна меньше одного стандартного экономического района, также получившего четкое определение. Главные преимущества малых высокоразвитых стран определяются более высоким уровнем социальной инфраструктуры, которую Б. Н. Зимин трактовал не только в традиционном понимании, но прежде всего как образ трудового мышления. В основе же лежит пирамида прямого восприятия — все жители такой страны знакомы либо лично, либо через общих знакомых. Результат — не только меньшая удаленность власти от народа, меньший расход человеческого материала в фиктивных сферах деятельности вроде бюрократического аппарата, более низкий уровень преступности, но и более

высокий образовательный уровень, большая инновационность. Б. Н. Зимин любил подчеркивать, что высшее образование в некоторых скандинавских странах стало бесплатным уже в начале XX века, даже раньше, чем в Советской России. Располагая значительно меньшими человеческими ресурсами, малые страны должны были неустанно заботиться об их возможно более эффективном использовании. Это был вопрос их выживания в жесткой конкурентной борьбе с большими странами с их емкими рынками и обильными человеческими ресурсами.

Региональная макроспециализация

Развитие Калининградской области как западной лаборатории будущего, создающей его модели не только для внутреннего потребления, но и на экспорт, позволит стране исключительно успешно сыграть масштабами, одновременно пользуясь конкурентными преимуществами и большой, и малой страны. В условиях неизбежного возрождения консерватизма следует максимально использовать интеллектуальный потенциал страны, что совсем не требовалось при основанной на заимствованиях модернизации. Необходимо взять на вооружение многие идеи и подходы, применявшиеся при создании новосибирского Академгородка, включая и те, которые не были реализованы полностью в силу политических ограничений тех лет и идеологических предрассудков.

Мы еще далеко не вполне осознаем, что стали (точнее, остались) одной из самых свободных в интеллектуальном отношении стран, а все ограничения в этой области связаны как раз с заимствованием западных образцов, хотя и далеко не полным [10]. К этим ограничениям следует отнести в первую очередь угасание научных дискуссий, отмирание семинарской жизни, без чего немислимы не только развитие науки и высшего образования, но и нормальный демократический процесс. При этом попытки представить нашу страну тоталитарным государством будут продолжаться и усиливаться, поскольку никак не связаны с реальным уровнем политических свобод и гарантий гражданских прав, а коренятся исключительно в геополитическом противостоянии.

По справедливому мнению М. Ларюэль, перспективы нахождения взаимопонимания между Западом и Россией никак нельзя считать обнадеживающими, поскольку для Запада «нормальность» относится к тому краткому периоду, когда Россия почти безоговорочно принимала навязываемые ей принципы и правила поведения на международной арене, в то время как для самой России «нормальность» — это статус великой державы, которым она обладала в период проигранной ею холодной войны. Подобная невозможность опереться на единообразное понимание «нормальности» создает произвол в трактовке будущего Европы и вытекающем из нее распределении на врагов и друзей. Для консервативной России неприемлем демонтаж как Ялтинского мирового порядка, так и основ классической европейской цивилизации с помощью постмодернистских теорий, отрицающих традиционные ценности, национальную идентичность и государственный суверенитет [24].

Нам с очевидностью навязали идеологическую войну, в которой мы должны решительно защищать то, что нам дорого. Но войны не выигрываются обороной, а для грядущего контрнаступления Калининградская область была бы наиболее подходящим плацдармом. В советские времена существование развитых стран Запада как альтернативы положению в нашей стране весьма способствовало развитию критического отношения к отечественным реалиям и критического мышления в целом. Сейчас же нам следует полагаться только на себя, на свой разум и на тот опыт, который мы можем почерпнуть в истории, отечественной и зарубежной, и на этой основе выстраивать свою идеологию и стратегию во внешнем мире.

Наступательность в развитии Калининградской области должна предполагать в первую очередь ее позиционирование в интеллектуальном пространстве Европы как свободной трибуны для выражения различных точек зрения по важнейшим проблемам современности. Этому будет весьма способствовать проведение международных форумов с разным охватом участников — от семинаров до конгрессов, но всегда со свободными дискуссиями между представителями разных точек зрения, чего сейчас не хватает на Западе, а в последние годы и у нас. Дискуссионность сделает эти мероприятия интересными и привлекательными. Надо хорошо уяснить, что упадок дискуссионности на Западе вызван не каким-то недомыслием или нелепой интеллектуальной модой, а его глубоким системным кризисом. Чем более уязвим существующий порядок вещей для критики, тем более необходимо ее избегать. Запад стал в этом отношении зеркальным отражением СССР.

Постоянно действующей свободной трибуной должны стать и журналы — научные, научно-популярные, общественно-политические, издаваемые на двух и более языках и находящиеся в открытом доступе в интернете. Такие журналы будут мощным проявлением «мягкой силы», свободной от негативных последствий пропаганды и контрпропаганды, о чем уже доводилось писать [21]. Успех в конкурентной борьбе, в том числе и на региональном уровне, требует трезвого учета своих сильных и слабых сторон — мы не должны ни презирать, ни идеализировать себя, хотя исторически мы очень склонны впасть в одну из этих крайностей. Мы в несравненно большей мере люди порыва, нежели систематической работы. Было бы совсем неплохо завести в себе «немного немца», как нам давно советует Я. И. Кузьминов, но это вряд ли поможет хоть в чем-то обойти Германию. Нам надо научиться использовать наши недостатки в качестве конкурентных преимуществ, ведь если наши недостатки — продолжения наших достоинств, то справедливо и обратное. Мы страшно любим спорить, зачастую на это уходит вся энергия. Отчего бы не использовать эту нашу особенность для развития международных журналов, обеспечивая высокий интеллектуальный и моральный уровень дискуссий, ведущихся на их виртуальных страницах?

Эксперименты в науке и высшей школе

«Разумный», «здоровый» и «умеренный» консерватизм, о котором говорил В. В. Путин [5], с очевидностью предполагает извлечение пользы из нашего отставания от Запада во многих сферах образования, науки и общественно-политической жизни. К сожалению, именно в этих сферах отставание преодолевается особенно рьяно. Приходится констатировать, что, весьма успешно восстановив суверенное целеполагание во внешней политике, резко повысив боеспособность вооруженных сил, страна остается в зависимости от Запада в области образования и науки. Как можно было отдать на аутсорсинг геополитическим соперникам оценку квалификации научных и научно-педагогических работников, а также исследовательских организаций и вузов?!

Замечательный гносеолог и философ науки М. А. Розов (1930—2011) часто использовал понятие «болтливый факт» — факт, который свидетельствует о наличии некой важной закономерности. Именно такой «болтливый факт» показала недавняя практика Института географии РАН (ИГРАН). В июле 2021 года поступило предложение Института водных проблем РАН вступить в консорциум по изучению водных ресурсов Крыма, горячо поддержанное лабораторией гидрологии ИГРАН. Для оформления участия в консорциуме необходимо решение ученого совета. Казалось бы, вопрос чисто технический. Однако в ходе дистанционного голосования развернулась нешуточная полемика. Выяснилось, что многие члены ученого сове-

та, включая ряд руководителей подразделений и некоторых весьма авторитетных исследователей, либо категорически возражают против участия в этом консорциуме, либо как минимум его не поддерживают, поскольку любые ассоциации ИГРАН с Крымом повредят их международным связям. Подчеркнем, что речь шла об участии ИГРАН, а не об их личном участии — тут каждый волен выбирать сам. Только пространное и прочувствованное письмо и. о. директора позволило набрать $\frac{2}{3}$ голов. Трудно судить о настроениях в коридорах власти, но при проведении здорового патриотического курса будет естественно задаться вопросом, зачем стране ученые, которые даже в самых ответственных ситуациях смотрят не в ту сторону, и как изменить их мотивацию, чтобы они смотрели в свою.

«Беда в том, что указы президента являются элементами плановой экономики (цель — поднять престиж ученого, работающего на государство), а исполнять их в Министерстве науки и высшего образования РФ хотят сугубо рыночными методами», — пишет директор ИНИОН РАН А. В. Кузнецов [9]. Еще большая беда в том, что других методов нынешние чиновники просто не знают — они не жили в СССР, где наукой, причем куда более мощной, особенно в качественном отношении, управляли без всякой библиометрии. Делалось это тоже далеко не безупречно, но гораздо лучше, чем сейчас. Очевидно, что наша страна в обозримой перспективе не сможет даже приблизиться к США и другим ведущим странам Запада по объемам финансирования образования и науки. Следовательно, необходимо делать упор на повышение эффективности затрат, а для этого нужны талантливые и смелые эксперименты, подходящей площадкой для которых могла бы стать Калининградская область. Романтический лозунг 1930-х годов «Догоним и перегоним!» может оказаться старым, но грозным оружием, поскольку наука на Западе далеко не отличается эффективностью, что стало особенно очевидным в ходе разработки вакцин против COVID-19, хотя множество свидетельств тому было и ранее.

Еще менее впечатляет уровень высшего образования. У нас принято восхищаться Лигой плюща, но выпускник Гарварда Дж. Буш-мл. путал Австрию и Австралию, Грузию и штат Джорджия. Выпускница Брауновского университета В. Нуланд изъявила готовность направить американский флот к берегам Беларуси. Сила этих университетов (и многих других) — в их рейтингах. Высокая репутация обеспечивает им обильное финансирование, последнее позволяет привлекать звезд мировой науки, а звездный состав профессорского корпуса создает высокие рейтинги. Однако уровень научных исследований в университетах весьма косвенным образом связан с уровнем подготовки выпускников, большинство из которых вовсе не стремится к академической карьере. В то же время крупные ученые если и тратят силы и время на работу со студентами, то только для подготовки научной смены. Студенты Гарварда в частном порядке рассказывают, что выступления на спортивных соревнованиях за *alma mater* способствуют академическим успехам ничуть не меньше, чем усердная учеба. Сюрреалистическая ситуация в наших вузах, при которой неуклонный рост требований к публикационной активности преподавателей сопровождается столь же неуклонным снижением требований к знаниям студентов, — результат нелепой гонки за рейтингами, проигрыш в которой обеспечен нам самим фактом участия.

Между тем и на Западе есть трезвые головы, вполне осознающие, что миссия университета, как ее сформулировал 90 лет назад Х. Ортега-и-Гассет, в том, чтобы быть на высоте своего времени, готовить профессионалов с широким общенаучным и культурным кругозором, а не узких специалистов, в лучшем случае разбирающихся только в своей бласти, оставаясь при этом варварами во всем остальном. Победное шествие фашизма он связывал именно с катастрофическим падением

культурного уровня образованных слоев общества [13]. Университет Леуфана в Люнебурге, созданный решением ландтага Нижней Саксонии в 1989 году (основан в 1946 году как педагогический колледж), явно не озабочен своим местом в рейтингах. Там самостоятельно решают, чему учить, уделяют большое внимание дисциплинам, формирующим гуманистическое и общенаучное мировоззрение, не жалуют узкую специализацию и не испытывают при этом недостатка в абитуриентах. «Умные компании знают: хорошие выпускники смотрят за горизонт своей специальности и обеспокоены ключевыми общественными проблемами, — говорит ректор. — И поэтому наши выпускники легко находят себе работу». На вопрос «Ваша модель обучения дороже традиционной функциональной?» он отвечает: «Наша модель сложнее, поскольку и студенты, и профессора должны больше трудиться. Однако совсем не обязательно она должна быть дороже» [22].

Перестав поклоняться рейтингам, можно будет взять все лучшее из опыта советской высшей школы, совсем неплохой, особенно по сегодняшним меркам, вернуть преподавателей к преподаванию, объяснив им, что их основная продукция — знания и умения их студентов, а за научные достижения они могут получить дополнительное поощрение. Публикации в журналах из *Web of Science* и *Scopus*, да еще верхних квартилей, отнюдь не нужны, чтобы читать студентам совершенно элементарные курсы. Финансирование вузов должно быть поставлено так, чтобы отчисление неуспевающих студентов не сказывалось на зарплатах преподавателей и управленцев. Только таким образом можно заставить студентов учиться, а не небрежно имитировать учебу.

Представляется, что наиболее благоприятные условия для осуществления этого захватывающе смелого, но более чем реалистичного эксперимента — именно в эксклавном регионе, российском форпосте в Европе. Совершенно очевидно, что за несколько лет его проведения уровень высшего образования вырастет настолько, что сделает регион привлекательным и авторитетным как минимум среди Балтийских стран, а вместе с тем существенно увеличит и «мягкую силу» нашей страны в целом. Ума, таланта, денег на его проведение хватит точно. Единственное, чего может не хватить, — это политической воли.

В. А. Федорцев пишет, что немцы с 1973 года, после первого энергетического кризиса, вкладывают деньги в ВИЭ и сейчас считают, что приходит их время стать энергетической сверхдержавой, ведь энергетические ресурсы будут теперь почти у всех, а технологии их использования — в первую очередь у них [20]. Немцы явно не постоят за ценой, отказываясь не только от угольной генерации, но в перспективе и от газовой, уже сейчас закрыты почти все АЭС, что совершенно не требуется для сокращения углеродного следа, но все равно разумно, поскольку в области ядерной энергетики Германии лидерство не светит. Нам тоже необходимо вернуться к здоровому консерватизму и использовать советское наследие (пока от него еще что-то остается), созданное неимоверными усилиями и жертвами народа на протяжении многих десятилетий, чтобы занять достойное место в мире.

Нам потребуется гораздо меньше денег, чем немцам, но гораздо больше мужества и интеллектуальной честности, чтобы восстановить суверенное целенаправление, от которого мы отвыкли в постсоветский период. Это во многом задача из семантики возможных миров, когда конструируется такой мир, в котором данное утверждение будет истинным. Мы должны с полным напряжением интеллектуальных сил проектировать такой мировой порядок, в котором страна будет одним из ключевых игроков, от которого многое зависит. Здесь мы вполне можем не уступить немцам. Но надо будет не менее успешно добиваться и осуществления нашего проекта.

Отвечая на вопрос «Как сделать так, чтобы российская “мягкая сила” стала по-настоящему эффективной?» в ходе упоминавшегося выступления на заседании Валдайского клуба, В. В. Путин сказал: «Себя уважать — вот это главное. Не нужно из кожи лезть вон, чтобы кому-то доказывать, что мы хорошие, не надо этого делать. Вот это самое главное. Относиться с уважением к себе, к своей истории, к своей культуре, и люди к вам потянутся» [5]. Нам, право же, есть о чем задуматься, если мы склонны ставить великие цели для великой страны, а не жить сегодняшним днем. Восстановив уважение к себе, мы обретем и веру в свои силы, столь необходимую для проведения масштабных и смелых экспериментов. Без них не обеспечить достойное будущее страны в крайне турбулентном мире переходного периода. Контуры грядущего мирового порядка начнут вырисовываться только через несколько лет, но действовать надо уже сейчас. «Общества и государства имеют неотъемлемое право и даже в какой-то степени обязанность экспериментировать со своими национальными путями политического и социального развития. Каждый такой эксперимент — удачный или неудачный — вносит свой вклад в общий социальный опыт человечества. Только история в состоянии судить, какие модели в итоге окажутся эффективными, продуктивными, справедливыми и успешными, а какие найдут свое место на обширной и постоянно пополняющейся свалке человеческих заблуждений» [8].

Финансирование. Госзадание Института географии РАН № 13 АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

Список литературы

1. Барабанов, О., Бордачёв, Т., Лисоволик, Я. и др. 2018, *Жизнь в осыпающемся мире*, Доклад Международного дискуссионного клуба Валдай, октябрь, 2018, 25 с., URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 28.10.2021).
2. Барабанов, О., Бордачёв, Т., Лисоволик, Я. и др. 2021, *Эпоха пандемии: год второй. Возвращение будущего*, Доклад Международного дискуссионного клуба Валдай, октябрь 2021, 29 с. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/39314/> (дата обращения: 24.10.2021).
3. Бордачёв, Т. 2018, Две войны Запада. Что делать России, чтобы не исчезнуть с карты мира, *Международный дискуссионный клуб Валдай*, 06.04.2018, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dve-voyny-zapada/> (дата обращения: 30.10.2021).
4. Бордачёв, Т. 2021, Когда России станут безразличны соседи, *ВЗГЛЯД*, 13 августа 2021, URL: <https://vz.ru/opinions/2021/8/13/1113574.html> (дата обращения: 28.10.2021).
5. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021, *Президент России*, 21 октября 2021 года, 21:25, Сочи, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 28.10.2021).
6. Караганов, С. Куда идти и с кем идти. Внешняя политика на пороге нового десятилетия, *Российская газета*, Федеральный выпуск, № 294 (8052), 26.12.2019, URL: <https://rg.ru/2019/12/26/sergej-karaganov-neobhodim-kurs-na-preodolenie-ostatocchnogo-zapadnocentrizma.html> (дата обращения: 30.10.2021).
7. Караганов, С. 2021, «В этом мире Россия должна быть крепостью». Интервью, *ЭКС-ПЕРТ*, № 10 (1197), 1 марта 2021, URL: https://expert.ru/expert/2021/10/v-etom-mire-rossiya-dolzna-byt-krepostyu/?utm_source=mis&utm_medium=vk&utm_campaign=rss&utm_term=/expert/2021/10/v-etom-mire-rossiya-dolzna-byt-krepostyu/ (дата обращения: 28.10.2021).
8. Кортунов, А. 2021, Между пленумом ЦК КПК и «саммитом демократий», *Российский совет по международным делам*, 22 ноября 2021, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdu-plenumom-tsk-kpk-i-sammitom-demokratii/> (дата обращения: 25.11.2021).

9. Кузнецов, А. 2019, Каким задумывался ИНИОН, что будет с ним дальше и кто делает науку? *Российский совет по международным делам*, 19 июля 2019, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kakim-zadumyvaysya-inion-chto-budet-s-nim-dalshe-i-kto-delacet-nauku/> (дата обращения: 13.11.2020).

10. Лукин, А. 2021, Право на безумие, *Россия в глобальной политике*, № 5, сентябрь/октябрь, 01.09.2021, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pravo-na-bezumie/> (дата обращения: 30.09.2021).

11. Маергойз, И. М. 1986, *Территориальная структура хозяйства*, Новосибирск, Наука, Сиб. отд-ние, 300 с.

12. Миллер, А., Лукьянов, Ф. 2016, Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности, *Совет по внешней и оборонной политике*, URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (дата обращения: 30.10.2021).

13. Ортега-и-Гассет, Х. 2010, *Миссия университета*, пер. с испанского М. Голубевой, А. Корбута, М., Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 144 с.

14. Пилиясов, А. Н. 2009, *И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания*. М., ЛИБРОКОМ, 542 с.

15. Горкин, А. П., Липец, Ю. Г. (сост.) 2003, *Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б. Н. Зимина*, М., Альфа-М, 176 с.

16. Ратцель, Ф. 2020, *Человечество как жизненное явление на Земле (репринт издания 1901 г.)*, М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 58 с.

17. Саротт, М. Э. 2021, Сдерживание после холодной войны, *Россия в глобальной политике*, Т. 19, № 6, с. 44—60, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sderzhivanie-posle-holodnoj-voynu/> (дата обращения: 24.11.2021).

18. Синцеров, Л. М. 2000, Длинные волны глобальной интеграции, *Мировая экономика и международные отношения*, № 5, с. 56—64.

19. Сушенцов, А. 2021, Внешняя политика Украины как эксперимент, *Международный дискуссионный клуб Валдай*, 10.08.2021, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnyaya-politika-ukrainy-kak-eksperiment/> (дата обращения: 28.10.2021).

20. Федорцев, В. 2021, Германия надеется выиграть зелёную революцию, *ВЗГЛЯД*, 29 октября 2021, URL: <https://vz.ru/opinions/2021/10/29/1125468.html> (дата обращения: 30.10.2021).

21. Шупер, В. А. 2020, Севший голос науки. Взгляд из Отечества, *Управление наукой: теория и практика*, Т. 2, № 1, с. 40—53, URL: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/44/56> (дата обращения: 30.10.2021).

22. «Экономистам мы преподаем вопросы этики». Интервью с президентом Университета Люнебурга профессором Сашей Слоуном, *ЭКСПЕРТ*, № 13 (845), 29.03.2013, URL: <http://expert.ru/expert/2013/13/ekonomistam-myi-prepodaem-voprosyi-etiki/> (дата обращения: 01.11.2021).

23. Drezner, D. W. 2021, The United States of Sanctions. The Use and Abuse of Economic Coercion, *Foreign Affairs*, vol. 100, № 5, September/October, p. 142—154.

24. Laruelle, M. 2021, *Is Russia Fascist? Unraveling Propaganda East and West*, Ithaca [N. Y.] & London, Cornell University Press, 256 p.+VII p.

Об авторе

Вячеслав Александрович Шупер, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия; ассоциированный профессор, Университет Бернардо О'Хиггинса, Чили.

E-mail: vshuper@yandex.ru

NEW OPPORTUNITIES FOR THE RUSSIAN BALTIC EXCLAVE IN THE CONTEXT OF CHANGES IN THE COUNTRY'S GEOPOLITICAL SITUATION

V. A. Shuper

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
29 Staromonentny pereulok, Moscow, 119017, Russia

Bernardo O'Higgins University
1497 Avenida Viel, Santiago, Chile

Received 05.11.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-7

© Shuper, V. A., 2022

Current geopolitical and geoeconomic changes require a reconsideration of the role of the Kaliningrad region in the Baltic region. This study aims to demonstrate the possible effect of some trends in the development of the neighbouring countries on the future of the Kaliningrad region and make recommendations on the territory's macrospecialisation. Amid the erosion of the world order, Sergey A. Karaganov calls for moderate isolationism. The Kaliningrad region is an incredibly interesting historical experiment bound to produce unexpected results. The strengthening of Russia, which coincided with the termination of 300 years of attempts to become part of Europe in some capacity, radically affects the functions of the Kaliningrad region. Its unique geographical position and caring attitude to the historical heritage make it a likely outpost of Russia's soft power. Developing the region as a laboratory of the future, which builds models for the domestic market and exports, will allow the country to benefit from scale, taking advantage of its larger and smaller territories. Higher education may play a leading part in the process. In particular, as conservatism revives, it is time to take another look at the ideas and approaches used when creating Akademgorodok in Novosibirsk.

Keywords:

Kaliningrad region, Poland, Lithuania, Big Eurasia, conservatism, intellectual emancipation

References

1. Barabanov, O., Bordachev, T., Lisovolik, Ya., Lukyanov, F., Sushentsov, A., Timofeev, I. 2018, Living in a crumbling world, *Valdai International Discussion Club*, October, 2018, 25 p., available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (accessed 28.10.2021) (in Russ.).
2. Barabanov, O., Bordachev, T., Lisovolik, Ya., Lukyanov, F., Sushentsov, A., Timofeev, I. 2021, The era of the pandemic: year two. Return of the future, *Valdai International Discussion Club*, October, 2018, 25 p., available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/39314/> (accessed 24.10.2021) (in Russ.).
3. Bordachev, T. 2018, Two wars of the West. What should Russia do so as not to disappear from the world map, *Valdai International Discussion Club*, 06.04.2018, available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dve-voyny-zapada/> (accessed 30.10.2021) (in Russ.).
4. Bordachev, T. 2021, When neighbors become indifferent to Russia, *VZGLYAD*, 13 August 2021, available at: <https://vz.ru/opinions/2021/8/13/1113574.html> (accessed 28.10.2021) (in Russ.).
5. Meeting of the Valdai Discussion Club. Vladimir Putin took part in the plenary session of the 18th meeting of the Valdai Discussion Club, 2021, *President of Russia*, October 21, 2021, Sochi, available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (accessed 28.10.2021) (in Russ.).
6. Karaganov, S. President of Russia, Where to go and with whom to go. Foreign Policy on the Threshold of a New Decade, *Rossiyskaya Gazeta*, 26.12.2019, available at: <https://rg.ru/2019/12/26/sergej-karaganov-neobhodim-kurs-na-preodolenie-ostatochnogo-zapadnocentrizma.html> (accessed 30.10.2021) (in Russ.).
7. Karaganov, S. 2021, "In this world, Russia must be a fortress." Interview, *EXPERT*, № 10 (1197), 1 March 2021, available at: [https://expert.ru/expert/2021/10/v-etom-mire-rossiya-dolzha-byt-krepostyu/](https://expert.ru/expert/2021/10/v-etom-mire-rossiya-dolzha-byt-krepostyu/?utm_source=mis&utm_medium=vk&utm_campaign=rss&utm_term=expert/2021/10/v-etom-mire-rossiya-dolzha-byt-krepostyu/) (accessed 28.10.2021) (in Russ.).

To cite this article: Shuper, V. A. 2022, New opportunities for the Russian Baltic exclave in the context of changes in the country's geopolitical situation, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no. 1, p. 109–121. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-7.

8. Kortunov, A. 2021, Between the Plenum of the CPC Central Committee and the “Summit of Democracy”, *RIAC*, 22 November 2021, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdu-plenumom-tsk-kpk-i-sammitom-demokratii/> (accessed 25.11.2021) (in Russ.).
9. Kuznetsov, A. 2019, How did INION think, what will happen to him next and who makes science? *Russian International Affairs Council*, July 19, 2019, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kakim-zadumyvalsya-inion-chto-budet-s-nim-dalshhe-i-kto-delaet-nauku/> (accessed 13.11.2020) (in Russ.).
10. Lukin, A. 2021, The Right to Madness, *Rossiya v global'noi politike* [Russia in Global Affairs] № 15, September-October, 01.09.2021, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/pravo-na-bezumie/> (accessed 30.09.2021) (in Russ.).
11. Maergoiz, I. M. 1986, *Territorial'naya struktura khozyaistva* [Territorial structure of the economy, Novosibirsk], Novosibirsk, Nauka, Sib. department, 300 p. (in Russ.).
12. Miller, A., Lukyanov, F. 2016, Detachment Instead of Confrontation: Post-European Russia in Search of Self-Sufficiency, *Foreign and Defense Policy Council*, available at: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf (accessed 30.10.2021) (in Russ.).
13. Ortega y Gasset, H. 2010, University Mission.
14. Pilyasov, A. N. 2009, *I poslednie stanut pervymi: severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the Last Come First: The Northern Periphery on the Path to a Knowledge Economy], M., LIBROKOM, 542 p. (in Russ.).
15. Gorkin, A. P., Lipets, Yu. G. (comp.) 2003, *Razmeshchenie proizvodstva v rynochnoi srede. Iz trudov B. N. Zimina* [Placement of production in a market environment. From the works of B. N. Zimina], M., Alfa-M, 176 p. (in Russ.).
16. Ratzel, F. 2020, *Chelovechestvo kak zhiznennoe yavlenie na Zemle (reprint izdaniya 1901 g.)*, [Mankind as a Life Phenomenon on Earth (reprint of the 1901 edition)], M., Book house “LIBROKOM”, 58 c. (in Russ.).
17. Sarott, M. E. 2021, Post Cold War Containmentны, *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global politics], vol. 19, no. 6, p. 44–60, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/sderzhivanie-posle-holodnoj-vojny/> (accessed 24.11.2021) (in Russ.).
18. Sintserov, L. M. 2000, Long waves of global integration, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], no. 5, p. 56–64 (in Russ.).
19. Sushentsov, A. 2021, Foreign Policy of Ukraine as an Experiment, *Valdai International Discussion Club*, 10.08.2021, available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnyaya-politika-ukrainy-kak-eksperiment/> (accessed 28.10.2021) (in Russ.).
20. Fedortsev, V. 2021, Germany hopes to win the green revolution, *VZGLYAD*, October 29, 2021, available at: <https://vz.ru/opinions/2021/10/29/1125468.html> (accessed 30.10.2021) (in Russ.).
21. Shuper, V. A. 2020, The dead voice of science. View from the Fatherland, *Upravlenie naukoi: teoriya i praktika* [Science Management: Theory and Practice], vol. 2, no. 1, p. 40–53, available at: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/44/56> (accessed 30.10.2021) (in Russ.).
22. Sumlenny, C. 2013, “Economists We Teach Ethics.” Interview with the President of the University of Lüneburg Prof. Sascha Spoon, *EXPERT*, no. 13 (845), 29.03.2013, available at: <http://expert.ru/expert/2013/13/ekonomistam-myi-prepodaem-voprosyi-etiki/> (accessed 01.11.2021) (in Russ.).
23. Drezner, D. W. 2021, The United States of Sanctions. The Use and Abuse of Economic Coercion, *Foreign Affairs*, vol. 100, № 15, September/October, p. 142–154.
24. Laruelle, M. 2021, *Is Russia Fascist? Unraveling Propaganda East and West*, Ithaca [N. Y.] & London, Cornell University Press, 256 p.+VII p.

The author

Prof. Vyacheslav A. Shuper, Leading Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Associate Professor, Bernardo O'Higgins University, Chile.

E-mail: vshuper@yandex.ru

СТРАНЫ ЕС В БАЛТИЙСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕСУРСОВ ЕС И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СТРАНЫ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

М. Л. Энтин¹

Е. Г. Энтина^{2,3}

В. В. Войников^{1,4}

---

¹ МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

² НИУ Высшая школа экономики,
101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., 20

³ Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11, стр. 3

⁴ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 23.04.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-8

© Энтин М. Л., Энтина Е. Г.,
Войников В. В., 2022

Принятие очередного финансового плана ЕС на 2021—2027 годы пришлось на период глубокого кризиса, вызванного последствиями незавершающейся пандемией коронавируса. В условиях стремительного ухудшения экономической ситуации страны ЕС пошли на беспрецедентные шаги, связанные с коренным изменением принципов распределения ресурсов ЕС: был согласован план восстановления экономики, внедрен принцип обусловленности при выделении денежных средств, изменена система собственных ресурсов ЕС. Цель настоящей статьи состоит в выявлении существенных характеристик принятых Союзом решений в рамках утверждения многолетнего финансового плана, а также в определении их значения в развитии интеграции. Авторы пытаются ответить на вопрос, означают ли принятые решения переход к новому этапу интеграции и насколько они соответствуют праву Союза. В рамках настоящего исследования авторы проводят анализ нескольких инициатив ЕС, касающихся перераспределения долгов, а также изучают влияние указанных инициатив на страны Восточной Европы, главным образом региона Балтийского моря. В статье рассматриваются принятые решения с позиции юридической и политической науки. В частности, авторы полагают, что при достижении компромисса по вопросу обусловленности предоставления финансовой помощи ЕС и государствам-членам пришлось использовать механизм отсрочки исполнения акта Союза, при этом такой механизм не соответствует базовым принципам права ЕС. С политической точки зрения принятие пакета законодательных актов в рамках многолетнего финансового рамочного плана будет означать усиление зависимости государств-членов от центра, а также повышение уровня солидарности и лояльности внутри ЕС.

Ключевые слова:

Европейский союз, обобществление долгов, многолетний финансовый рамочный план, солидарность, принцип обусловленности, коронавирус, план восстановления экономики

Для цитирования: Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Войников В. В. Новые принципы распределения ресурсов ЕС и их влияние на страны Балтийского региона // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 122—137.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-8.

Введение

Шестнадцатого декабря 2020 года ЕС был принят пакет законодательных актов, касающихся утверждения многолетнего финансового рамочного плана на 2021—2027 годы. Помимо регламента об утверждении многолетнего финансового рамочного плана¹ пакет включал в себя также регламент, устанавливающий Инструмент ЕС для поддержки восстановления после кризиса COVID-19², регламент об общем режиме обусловленности для защиты бюджета Союза³, а также решение Совета о собственных ресурсах Союза⁴.

Таким образом, по сравнению с предыдущими финансовыми планами данный документ содержал в себе существенные изменения, имеющие огромное влияние на дальнейшее развитие ЕС. Во многом этому способствовали последствия распространения новой коронавирусной инфекции. Пандемия коронавируса, разрозненный и не всегда адекватный ответ на нее государств-членов, бездействие и нерешительность институтов ЕС на первоначальных этапах ее распространения поставили Союз в крайне затруднительное положение [1, с. 25]. В этих условиях ЕС предстояло принимать жесткие, не всегда стандартные решения, которые, с одной стороны, должны были продемонстрировать солидарность внутри ЕС, а с другой — решить внезапно возникшие вызовы.

Безусловно, такие решения не всегда вызывали всеобщее согласие и одобрение со стороны государств — членов ЕС, а наоборот, усиливали разногласия и недовольство со стороны ряда стран Союза.

При этом последствия пандемии коронавируса только увеличивали накапливающиеся годами проблемы, вызванные противоречиями в модели роста и институциональной архитектуре ЕС [2, р. 411]. Одним из средств решения проблем стал механизм перераспределения ресурсов ЕС.

Обобществление долгов

Экономический и валютный союз (ЭВС) выступает в качестве одного из ключевых достижений ЕС, при этом практика его построения продемонстрировала ряд недостатков, выражающихся в его асимметричности [3; 4] и незавершенности [5; 6].

В силу ст. 123 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС) установлен запрет на кредитование институтов ЕС, центральных администраций, региональных или местных органов, других органов публичной власти со стороны Европейского центрального банка и национальных центральных банков государств-членов. При этом согласно ст. 125 ДФЕС Союз не отвечает по обязательствам государств-членов, а равно не принимает на себя эти обязательства.

Таким образом, учредительные договоры предусматривают принцип финансовой и кредитной автономности Союза и государств-членов. Однако на фоне панде-

¹ Council Regulation (EU, Euratom) 2020/2093 of 17 December 2020 laying down the multiannual financial framework for the years 2021 to 2027, 2020, *OJ L*, 4331, 22.12.2020, p. 11—22.

² Council Regulation (EU) 2020/2094 of 14 December 2020 establishing a European Union Recovery Instrument to support the recovery in the aftermath of the COVID-19 crisis, 2020, *OJ L*, 4331, 22.12.2020, p. 23—27.

³ Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget, 2020, *OJ L*, 4331, 22.12.2020, p. 1—10.

⁴ Council Decision (EU, Euratom) 2020/2053 of 14 December 2020 on the system of own resources of the European Union and repealing Decision 2014/335/EU, Euratom, 2020, *OJ L*, 424, 15.12.2020, p. 1—10.

мии коронавируса ЕС вынужден был изменить свои подходы к данному вопросу и пойти на беспрецедентный шаг по обобществлению долгов, представляющий собой механизм, при котором ЕС фактически принимает на себя долговые обязательства государств-членов. Справедливости ради следует отметить, что и до пандемии институты ЕС использовали подобную практику, хотя в значительно меньшем масштабе [7, с. 259].

Идея обобществления долгов не находила поддержки у благополучных стран, считающих ее пагубной и крайне нежелательной, поскольку она способна привести к утрате ЕС всех тех черт, которые делали его финансово-экономическую систему надежной и привлекательной для инвесторов. Однако впоследствии противники обобществления долгов вынуждены были изменить свою позицию, что выступило в конечном итоге ключевым условием достижения согласия [8].

Инициатором идеи обобществления долгов можно назвать Испанию. Суть испанской инициативы состояла в создании специального фонда ЕС объемом до 1,5 трлн евро для помощи наиболее пострадавшим странам Союза путем предоставления им невозвратных грантов на преодоление последствий пандемии коронавируса. Финансирование данных грантов предполагалось осуществлять за счет так называемого вечного долга Европейского союза⁵.

В ответ на испанскую инициативу Франция и Германия подготовили свои предложения, которые предполагали создание Фонда восстановления экономики в рамках многолетнего финансового рамочного плана⁶. Такой фонд должен быть по-настоящему крупным, чтобы профинансировать возрождение экономики региона, использоваться сугубо по назначению и просуществовать столько времени, сколько нужно для решения поставленных перед ним задач. Таким образом, во франко-германской инициативе четко прослеживается симбиоз ранее разнонаправленных требований.

Франко-германская инициатива послужила основой плана восстановления экономики ЕС, который вскоре представила Европейская комиссия [9]. Комиссия дала документу амбициозное название «ЕС следующего поколения» (EU Next Generation)⁷. С презентацией плана председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен выступила в Европейском парламенте 27 мая 2020 года⁸.

Одновременно с планом восстановления экономики региона Европейская комиссия представила и новый вариант многолетнего финансового рамочного плана на 2021—2027 годы в размере 1074,3 млрд евро, поскольку план восстановления может быть реализован только в бюджетных рамках. К тому же бюджетные день-

⁵ Spain proposes a €1.5 trillion coronavirus recovery fund financed through perpetual EU debt, 2020, *El Pais*, available at: <https://english.elpais.com/politics/2020-04-20/spain-proposes-a-15-trillion-coronavirus-recovery-fund-financed-through-perpetual-eu-debt.html> (accessed 21.04.2021).

⁶ European Union — French-German initiative for the European recovery from the coronavirus crisis (Paris, 18 May 20), 2020, *France Diplomacy*, 18.05.2020, available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/coming-to-france/coronavirus-advice-for-foreign-nationals-in-france/coronavirus-statements/article/european-union-french-german-initiative-for-the-european-recovery-from-the> (accessed 21.04.2021).

⁷ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Europe’s moment: Repair and Prepare for the Next Generation, 2020, COM, 456 final, Brussels, 27.05.2020, available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1590732521013&uri=COM:2020:456:FIN> (accessed 11.04.2021).

⁸ Europe’s moment: Repair and prepare for the next generation, 2020, *European Commission*, Brussels, 27.05.2020, available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_940 (accessed 11.03.2021).

ги и заимствования на свободном финансовом рынке должны преследовать общие цели и дополнять друг друга. Это последовательно учтено в новом варианте многолетнего финансового рамочного плана⁹. Его расходная часть сформулирована таким образом, чтобы придать ему и плану восстановления экономики «ЕС следующего поколения» синергетический эффект. В результате они реально складываются в единый пакет предстоящих расходов в объеме около 1850 млрд евро.

Одним из ключевых элементов плана возрождения европейской экономики провозглашены цифровизация и транзит к климатически нейтральной энергетике, включая декарбонизацию экономики. Насколько нужна климатическая нейтральность и не приведут ли усилия по ее достижению к напрасному расходованию колоссальных средств, остается неясным. Но в плане ЕС акценты явно смещены в пользу прежде всего построения именно зеленой экономики. На достижение климатической нейтральности ЕС обязуется направить до 30 % всего пакета бюджетных средств.

План восстановления экономики планируется сделать достаточно гибким, что позволит перебрасывать средства на решение срочных острейших проблем сразу по их идентификации. Серьезная превентивная переброска средств на финансирование приоритетов, идентичных тем, что указаны в плане восстановления, уже была проведена Комиссией в представленном варианте многолетнего финансового рамочного плана на 2021—2027 годы¹⁰.

По итогам заседания Европейского совета 17—21 июля 2020 года¹¹ с большим трудом и ценой сложного компромисса [10] было принято политическое решение о согласовании плана восстановления экономики в размере 750 млрд евро, которые подлежат заимствованию со стороны Комиссии и последующему распределению среди государств-членов, особенно пострадавших от пандемии.

Таким образом, дополнительно к обычному семилетнему бюджету в 1074,3 млрд евро выделяется 750 млрд евро (в ценах 2018 года), которые Европейская комиссия займет от имени ЕС на свободном финансовом рынке. Они будут распределены между государствами-членами на следующих условиях: 360 млрд евро в виде кредитов, 390 млрд евро в форме грантов и бюджетных гарантий.

Решение об обобществлении долгов радикально меняет природу ЕС, оно переводит объединение на качественно более высокий уровень интеграции, фактически превращая его в фискальную федерацию [11], которая предполагает создание единых и обязательных правил для бюджетно-фискального и макроэкономического регулирования [12, с. 38].

Такую трансформацию Союза можно объяснить двумя причинами: во-первых, характером шока, который вызван не поведением определенных государств-членов, а исключительными обстоятельствами, имеющими объективный и всеобщий характер; во-вторых, аномальным и драматичным последствием кризиса с точки зрения здравоохранения, экономики и общества [13, р. 2]. Такое решение имело

⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels. The EU budget powering the recovery plan for Europe, 2020, COM, 27.5.2020, no. 442, 21 p. available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/about_the_european_commission/eu_budget/1_en_act_part1_v9.pdf (accessed 11.04.2021).

¹⁰ The EU budget powering the recovery plan for Europe, 2020, *European Commission*, 27.05.2020, available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/factsheet_1_en.pdf (accessed 01.04.2021).

¹¹ Conclusions. Special meeting of the European Council (17, 18, 19, 20 and 21 July 2020), 2020, *European Council*, Brussels, 21 July 2020, available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/45109/210720-euco-final-conclusions-en.pdf> (accessed 11.04.2021).

сугубо прагматичный характер, как и в предыдущие кризисы [14] цель заключалась не столько в том, чтобы спасти пострадавшие страны, а в том, чтобы обеспечить сохранение Экономического и валютного союза.

Финансово-экономическое пространство ЕС приобретает большую цельность путем снижения разрыва между богатыми и бедными странами ЕС. Причем делается это не за счет повышения уровня развития бедных стран, а за счет более успешных государств.

По сравнению с первоначальными предложениями итоговое решение имело компромиссный характер, объем грантов был урезан с 500 до 390 млрд евро, на чем помимо прочего настаивали Австрия, Нидерланды, Германия, Швеция [15, p. 20].

Достигнутые Европейским советом договоренности повсюду получили очень высокую оценку. У европейских стран после длительного перерыва действительно появились мощная программа совместных действий и финансовые возможности добиться ее осуществления, что позволило «ЕС следующего поколения» выступить с серьезной заявкой на обновление, с которой придется считаться¹². В комментариях экспертов также отмечается, что ЕС удалось проявить мудрость, следовать духу солидарности, искать и находить общий интерес и таким образом двигаться вперед вопреки всем преградам и трудностям [16]. В связи с этим достигнутое решение можно квалифицировать как ключевой этап в развитии Союза.

ЕС и Германия решились на то, чтобы двинуться по пути фискальной интеграции, от которой зависит эффективность Экономического и валютного союза.

Одновременно с принятием политического решения в отношении многолетнего финансового рамочного плана и плана восстановления экономики члены Европейского совета договорились о наращивании собственных ресурсов. В Заключениях Европейского совета предусматривается проведение реформы системы собственных ресурсов. В качестве первого шага уже с 1 января 2021 года ЕС приступил к взиманию налога на неразлагающийся пластиковый мусор, не поддающийся утилизации. Не позже начала 2023 года будут введены пограничный углеродный сбор на углеродоемкий импорт и цифровой налог. Модификации подвергнется также механизм торговли квотами на эмиссию парниковых газов с его возможным распространением на авиа- и морские перевозки. Кроме того, государства-члены стараются наделить ЕС и другими новыми источниками доходов, в разряд которых, в частности, мог бы попасть налог на финансовые транзакции [17].

Верховенство права vs верховенство денег.

Механизм контроля за соблюдением принципа

верховенства права

Проект по обобществлению долгов, безусловно, затрагивает интересы всех государств — членов ЕС, в особенности тех, экономика которых очень сильно завязана на субсидии из ЕС.

Одновременно с обсуждением плана «ЕС следующего поколения» Европейская комиссия вернулась к вопросу о введении механизма обусловленности предоставления финансовой помощи при соблюдении принципа верховенства права (EU Budget Conditional to Rule of Law Respect).

Основной смысл данного механизма состоит в том, что Комиссия получает право приостанавливать выплаты из бюджета ЕС странам, которые не соблюдают принцип верховенства права. Иными словами, принцип обусловленности означа-

¹² Primakov Readings: New Generation EU, 2020, *Interfax*, 19.06.2020, available at: <https://www.interfax.ru/russia/713768> (accessed 11.04.2021).

ет прямую зависимость между выделением из средств ЕС финансовой помощи в пользу определенного государства и соблюдением данным государством ключевых ценностей ЕС, включая верховенство права.

Первоначально проект соответствующего регламента о защите бюджета Союза при нарушении принципа верховенства был подготовлен Комиссией еще в 2018 году¹³. С самого начала данный законопроект вызвал неоднозначную реакцию как в политической среде, так и среди экспертов. М. Блаубергер и В. Хюллен полагают, что предложенный законопроект является шагом вперед [18, р. 2, 12], поскольку в любом случае он лучше, нежели показавший свою несостоятельность [19] механизм, предусмотренный ст. 7 Договора о Европейском союзе (ДЕС). По мнению Л. Бахмайер, верховенство права как ключевая ценность ЕС нуждается в защите, однако предложенный механизм навряд ли выступает в качестве эффективного и подходящего средства, поскольку способен нанести ущерб другим не менее важным ценностям Союза [20, р. 124].

Вполне предсказуемо Польша и Венгрия выразили свое несогласие с введением такого механизма, пригрозив заблокировать принятие многолетнего финансового рамочного плана ЕС (EU's multiannual financial framework (MFF)).

Для Польши и Венгрии введение указанного механизма создавало вполне определенный риск, поскольку в отношении обоих государств уже запущена процедура разбирательства в Совете в рамках ст. 7 ДЕС в связи с наличием явного риска серьезного нарушения польскими и венгерскими властями верховенства закона, а также иных основополагающих ценностей ЕС [21].

По мнению Брюсселя, Польша и Венгрия осуществляют националистическую и авторитарную политику [22, S. 381], которая противоречит принципу верховенства права [23]. Суть претензий к указанным странам связана с частичным разрушением системы сдержек и противовесов в функционировании политической системы и концентрации власти в руках правящей партии и ее лидеров, независимости судебной системы и т. д. [24; 25]. На деле ЕС не устраивает показная самостоятельность членов Вишеградской группы, демонстрируемая ими сплоченность, взаимная поддержка [26, с. 89], а также способность противостоять оказываемому на них давлению.

Комиссии и иным институтам Союза до сих пор не удавалось повлиять на указанные страны во многом благодаря огромной финансовой помощи со стороны ЕС, которая, в свою очередь, позволила Польше и Венгрии в экономическом плане чувствовать себя вполне уверенно [27].

Необходимо отметить тот факт, что ЕС вполне мог бы принять регламент о введении механизма обусловленности и при отсутствии согласия Польши и Венгрии, поскольку в данном случае применяется обычная законодательная процедура на основе квалифицированного большинства в Совете (ст. 322 ДФЕС). Однако принятие многолетнего финансового рамочного плана, а также решения о собственных ресурсах Союза требуют единогласия всех членов Совета.

В конечном итоге в ходе саммита Европейского совета 10—11 декабря 2020 года¹⁴ государствам — членам ЕС удалось найти компромисс, в результате которого в об-

¹³ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the protection of the Union's budget in case of generalised deficiencies as regards the rule of law in the Member States, 2018, COM, no. 324 final — 2018/0136 (COD), available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52018PC0324> (accessed 27.03.2021).

¹⁴ European Council meeting (10 and 11 December 2020). Conclusions, 2020, European Council, available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/47296/1011-12-20-euco-conclusions-en.pdf> (accessed 27.03.2021).

мен на целый ряд уступок Польша и Венгрия согласились снять свои возражения в отношении утверждения многолетнего финансового рамочного плана, включая проект «ЕС следующего поколения».

В соответствии с заключениями Европейского совета были изложены параметры механизма обусловленности, а также гарантии для государств, возражающих против данного механизма. Среди прочего было решено, что никакие меры не будут приниматься на основании Регламента о защите бюджета Союза при нарушении принципа верховенства права до тех пор, пока Комиссия не завершит разработку руководящих принципов его применения. Кроме того, Европейский совет специально оговорил право заинтересованных государств-членов оспаривать данный механизм в порядке ст. 263 ДФЕС. Данное право было реализовано Польшей и Венгрией путем подачи соответствующего заявления в суд ЕС 11 марта 2021 года [28]. При этом разработка руководящих принципов должна быть завершена не ранее вынесения судом решения по заявлению заинтересованных стран об оспаривании механизма обусловленности.

По мысли разработчиков законопроекта, идея механизма обусловленности предоставления финансовой помощи при соблюдении принципа верховенства права состоит не столько в наказании государств-членов, нарушающих данный принцип, а сколько в обеспечении защиты бюджета Союза от мошенничества, коррупции и конфликта интересов. Ведь указанные противоправные явления получают свое развитие именно в тех странах, где не обеспечивается соблюдение принципа верховенства права. Соответственно, такие страны должны быть ограничены в доступе к финансовым ресурсам ЕС, поскольку существует серьезный риск их противоправного использования. Таким образом, механизм обусловленности предоставления финансовой помощи при соблюдении принципа верховенства направлен более против коррупции, чем на соблюдение фундаментального принципа верховенства права.

В рамках достигнутых договоренностей 16 декабря 2020 года Совет и Парламент приняли регламент № 2020/2092¹⁵ об общем режиме обусловленности для защиты бюджета Союза, за основу которого был взят проект, подготовленный Комиссией еще в 2018 году.

В соответствии с регламентом Совет по предложению Комиссии может применять соответствующие меры по защите финансовых интересов Союза путем ограничения государств-членов к доступу к финансовым ресурсам ЕС при наличии нарушения принципов верховенства закона, если такие нарушения влияют или могут повлиять на разумное финансовое управление бюджетом Союза.

Согласно регламенту установлены квалификационные признаки нарушения со стороны государств-членов принципа верховенства права, условия применения механизма обусловленности, а также его процедура.

Из ст. 10 регламента № 2020/2092 следует то, что он подлежит применению с 1 января 2021 года, то есть с начала действия многолетнего финансового рамочного плана. Однако, как было указано выше, члены Европейского совета договорились о том, что данный механизм не будет применяться до разработки руководящих принципов, которая должна быть завершена не ранее вынесения судом решения по заявлению об оспаривании регламента.

Здесь усматривается существенное противоречие, поскольку регламент является нормативно-правовым актом, обладающим прямым действием и обязывающим характером. В то же время заключения Европейского совета не обладают таким

¹⁵ Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget, 2020, *OJ L*, 4331, 22.12.2020, p. 1 – 10.

свойством, такой документ имеет исключительно политический характер и фактически выступает в роли акта мягкого права. В связи с этим возникает ситуация, при которой действие нормативно-правового акта приостанавливается на основании акта мягкого права, что явно не соответствует общим принципам права ЕС, включая принцип верховенства права. Иными словами, заключения Европейского совета, не обладающие обязательной юридической силой, делают уже принятый регламент практически неисполняемым [29, p. 176].

Достигнутый Европейским советом компромисс и последующее принятие регламента № 2020/2092, устанавливающего механизм обусловленности, вызывает противоречивую оценку. Такой механизм, даже несмотря на сложность его применения, в определенной степени будет иметь превентивный характер. Ведь в последние годы в рамках ЕС наблюдается дефицит солидарности внутри Союза, а институты ЕС обладают сравнительно небольшим набором средств для того, чтобы заставить «оппозиционные страны» соблюдать общие интересы [30]. Теперь формально Комиссия получила в свои руки соответствующий инструмент, который можно сравнить с огнестрельным оружием, не пригодным для боевого применения. В этом и проявляется отрицательная сторона достигнутого компромисса. Во-первых, как уже отмечалось выше, сам механизм обусловленности предоставления финансовых средств при соблюдении принципа верховенства права сам по себе подрывает принцип верховенства права. Во-вторых, фактическая заморозка применения данного механизма и увязка его с руководящими принципами, являющимися подзаконным актом, существенно снижает эффективность нового инструмента и превращает его из правового в политический инструмент.

По этой причине принятие механизма обусловленности нельзя расценивать как победу принципа верховенства права. Это всего лишь временная сделка, которая не решает существующие противоречия между государствами, а лишь маскирует их.

Rail Baltica. Поезд дальше не идет?

Уже после принятия пакета законодательных актов в рамках многолетнего финансового рамочного плана его дальнейшая имплементация опять оказалась под угрозой. На этот раз она пришла от традиционно «послушных» стран Прибалтики.

В соответствии со ст. 311 ДФЕС решение о системе собственных ресурсов ЕС принимается Советом единогласно, при этом оно вступает в силу только после одобрения государствами-членами в соответствии с конституционными правилами каждого из них. Таким образом, соответствующее решение Совета № 2020/2053¹⁶ от 14 декабря 2020 года подлежит дополнительному одобрению на национальном уровне, при отсутствии которого и многолетний финансовый план, и план восстановления экономики «ЕС следующего поколения» теряют смысл.

В январе 2021 года лидеры Литвы, Латвии и Эстонии направили письмо в адрес премьер-министра Португалии, председательствующей в Совете ЕС, в котором фактически пригрозили заблокировать одобрение решения Совета о собственных ресурсах Союза в случае отсутствия гарантий финансирования из средств бюджета ЕС строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали Rail Baltica [31].

Rail Baltica представляет собой амбициозный проект строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали стандартной европейской колеи 1435 мм,

---

¹⁶ Council Decision (EU, Euratom) 2020/2053 of 14 December 2020 on the system of own resources of the European Union and repealing Decision 2014/335/EU, Euratom, 2002, *OJ L*, 424, 15.12.2020, p. 1 – 10.

которая должна соединить Таллин, Ригу, Каунас, Варшаву и Берлин. Помимо этого предусмотрено строительство железнодорожного тоннеля между Таллином и Хельсинки либо запуск парома.

Данный проект на протяжении длительного времени является приоритетом для Прибалтийских государств, поскольку позволит соединить страны Балтии со странами Западной Европы, а также обеспечить железнодорожное сообщение между самими Прибалтийскими странами, фактически прерванное после распада СССР.

Экономическое положение стран Балтии не позволяет им реализовать столь масштабный проект самостоятельно, поэтому они рассчитывают на финансовую поддержку со стороны ЕС.

В соответствии с п. 32 заключения Европейского совета от 17—21 июля 2020 года¹⁷ главы государств и правительств договорились выделить 1,384 млрд евро в рамках фонда «Соединяющаяся Европа» (Connecting Europe Facility) для завершения крупных трансграничных железнодорожных маршрутов между странами. В п. 31 заключения проект Rail Baltica упомянут в качестве одного из важных трансграничных проектов, при этом в самом документе нигде не сказано, что указанная сумма выделяется именно на данный проект.

Тем не менее руководители стран Балтии квалифицировали данные положения как политическое решение о выделении денежных средств на строительство Rail Baltica. Однако члены Европейского парламента так не считали, поскольку распределение денежных средств в рамках фонда «Соединяющаяся Европа» должно осуществляться на конкурсной основе, а не на основе политического решения.

В середине марта 2021 года было объявлено, что представители Совета и Парламента пришли к компромиссу по вопросу утверждения бюджета фонда «Соединяющаяся Европа». В соответствии с достигнутыми соглашениями приоритет будет отдаваться железнодорожным проектам, и страны Балтии могут рассчитывать на финансирование проекта Rail Baltica, однако распределение средств будет осуществляться по стандартной процедуре, при отсутствии целевого финансирования [32].

По всей вероятности, такой компромисс, который должен еще получить законодательное закрепление, в принципе устраивает страны Балтии, хотя это не то, на что они рассчитывали с самого начала. Тем не менее угроза отказа от согласования решения Совета о собственных ресурсах Союза от руководителей стран Балтии уже не звучит.

Надо отметить тот факт, что, несмотря на свое политическое и экономическое значение для Прибалтийских стран, проект Rail Baltica в последнее время вызывает серьезные сомнения с точки зрения окупаемости и целесообразности. Учитывая существенное снижение численности населения в странах Балтии, снижение грузопотока и отсутствие крупных производственных объектов, не очень понятно, что и кого будут перевозить поезда по данной магистрали.

Строительство железнодорожной магистрали само по себе не способно решить проблемы Прибалтийских стран. Политические элиты ЕС убеждены в том, что все проблемы периферии ЕС связаны с тем, что входящие в нее страны либо не приступили к проведению необходимых социально-экономических реформ, либо затянули с ними.

Более того, предусмотренные в бюджете ЕС средства для завершения крупных трансграничных железнодорожных маршрутов между странами представляют собой лишь пятую часть от общей стоимости строительства Rail Baltica. В связи с этим у стран Балтии не так много аргументов для того, чтобы убедить Европейскую комиссию в том, что именно их проект заслуживает финансирования со стороны ЕС.

¹⁷ Conclusions. Special meeting of the European Council (17, 18, 19, 20 and 21 July 2020), 2020, *European Council*, Brussels, 21 July 2020, available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/45109/210720-euco-final-conclusions-en.pdf> (accessed 29.03.2021).

Данная ситуация лишней раз демонстрирует усиление противоречий между странами Западной и Восточной Европы. Однако если раньше возмутителями спокойствия выступали страны Вишеградской группы, то сейчас к ним присоединились и страны Балтии, которые до этого всегда проявляли лояльность в рамках общей политики ЕС, хотя у последних результативность сопротивления оказалась значительно ниже.

Очевидно, что такая ситуация начинает вызывать раздражение у Брюсселя, что в конечном итоге может повлечь за собой пересмотр системы принятия решения для ее адаптации к подобным вызовам.

Заключение

За короткий период времени в несколько месяцев страны ЕС проделали большой путь. Разработанный ими план действий по восстановлению и качественной трансформации экономики открывает перед ЕС новые перспективы. На осуществление данного плана выделены гигантские средства, которые послужат гарантией для еще более масштабных инвестиций. В случае его прагматичной и эффективной реализации ЕС выйдет на более высокий уровень интеграции, укрепит свой индустриальный и технологический потенциал, обретет большую самостоятельность, сделается более конкурентоспособным, получит больше оснований претендовать на мировое лидерство.

Одновременно Брюссель добился введения механизма обусловленности предоставления финансовой помощи при соблюдении принципа верховенства права. Однако эта победа далась путем целого ряда уступок противникам данного механизма, что во многом снижает его эффективность. Более того, по-прежнему существует определенная двусмысленность в отношении принципа верховенства права, которая оставляет широкие возможности для его интерпретации.

Принятие пакета законодательных актов в рамках многолетнего финансового рамочного плана, с одной стороны, сулит странам «периферии» дополнительные возможности для восстановления экономики, с другой — в обмен на финансовую помощь ЕС требует от них еще большей лояльности, солидарности и послушания, дефицит которых в последнее время стал проявляться все чаще. Соответственно, углубление экономической интеграции влечет за собой более тесный политический Союз. Такая ситуация вызывает определенное недовольство у некоторых государств-членов, однако инструментов для эффективного сопротивления этому у них становится все меньше.

ЕС превращается в еще более централизованную организацию, где страны Восточной Европы теряют свою самостоятельность как в экономической, так и в политической сфере. Вместе с тем новые принципы распределения ресурсов по-разному влияют на страны Балтийского региона. Польше, а вместе с ней и странам Вишеградской группы, пока удается отстаивать свои интересы, в то время как страны Балтии вынуждены практически полностью подчиняться Брюсселю.

При этом согласование пакета антикризисных мер не означает разрешения всех разногласий. Государствам-членам предстоит еще долго согласовывать национальные программы расходования средств и решений об их финансировании, которые должны приниматься институтами ЕС. Реализация плана восстановления экономики будет очень долгой, сложной и непредсказуемой. По аналогии с событиями 1790 года, когда по предложению А. Гамильтона долги американских штатов были переведены на федеральное правительство, обобществление долгов в ЕС эксперты нередко именуют «моментом Гамильтона для Европы» [33], подчеркивая при этом

возможность далеко идущей федерализации. Сейчас трудно спрогнозировать, к каким последствиям она приведет. Однако принятые решения дают Союзу шанс в действительности построить «ЕС следующего поколения».

Кроме того, опыт ЕС в области обобществления долгов будет интересен для ЕАЭС, который в отдаленной перспективе также может столкнуться с подобным вызовом. От того, как пройдет этот этап ЕС, во многом будет зависеть привлекательность данного механизма для других интеграционных организаций.

Список литературы

1. Энтин, М.Л. 2020, Безальтернативный характер развития ЕС, *Современная Европа*, № 4, с. 25–36. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420202536>.
2. Celi, G., Guarascio, D., Simonazzi, A. 2020, A fragile and divided European Union meets Covid-19: Further disintegration or ‘Hamiltonian moment’? *Journal of Industrial and Business Economics*, vol. 47, № 3, p. 411–424.
3. Alogoskoufis, G., Jacque, L. 2019, Economic and Financial Asymmetries in the Euro Area, *CGK Working Paper*, № 2, 53 p.
4. Verdun, A. 1996, An “asymmetrical” economic and monetary union in the EU: Perceptions of monetary authorities and social partners, *Journal of European Integration*, vol. 20, № 1, p. 59–81.
5. Howarth, D., Verdun, A. 2020, Economic and Monetary Union at twenty: a stocktaking of a tumultuous second decade: introduction, *Journal of European Integration*, vol. 42, № 3, p. 287–293.
6. De Grauwe, P. 2006, Flaws in the Design of the Eurosystem, *International Finance*, vol. 9, № 1, p. 137–144.
7. Лифшиц, И. М. (ред.) 2020, Международное финансовое право и право Европейского союза: взаимодействие и взаимовлияние: монография, М., Юстицинформ, 548 с.
8. de la Porte, C., Jensen, M. D. 2021, The next generation EU: An analysis of the dimensions of conflict behind the deal, *Social Policy and Administration*, vol. 55, № 2, 3, p. 388–402. doi: <https://doi.org/10.1111/spol.12709>.
9. Schulz, F., Grill, P. 2020, EU recovery deal: the summit that will cement Merkel’s legacy, *Euractiv*, 23.07.2020, available at: <https://www.euractiv.com/section/future-eu/news/angela-merkel-der-gipfel-ihrer-karriere/> (accessed 15.01.2021).
10. Верников, В.Л. 2020, Коронавирус в Испании туристами не испугаешь, *Аналитическая записка института Европы РАН*, № 30 (213), 9 с., URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2020/an213.pdf> (дата обращения 15.01.2021).
11. Grosse, T. G. 2020, A Hamiltonian Moment for the European Union, *The Warsaw Institute Review*, vol. 13, № 2, available at: <https://warsawinstitute.review/issue-2-2020/a-hamiltonian-moment-for-the-european-union/> (accessed 21.04.2021).
12. Туркина, А. В. 2019, *Построение Бюджетно-фискального союза в Европейском союзе и его влияние на дальнейшую интеграцию*, дис. ... канд. юрид. наук, М., 206 с.
13. da Costa Cabral, N. 2021, Borrowing in the European Union: from a pure national model to the antechamber of a European fiscal federal solution, *Journal of European Integration*, p. 1–16. doi: <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1881499>.
14. Van Middelaar, L. 2019, *Alarums and Excursions: Improvising Politics on the European Stage*, Agenda Publishing, 320 p.
15. Genschel, P., Jachtenfuchs, M. 2021, Postfunctionalism reversed: solidarity and rebordering during the COVID-19 pandemic, *Journal of European Public Policy*, 11.02.2021, available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2021.1881588> (accessed 16.04.2021).
16. Tooze, A. 2020, It’s a New Europe — if You Can Keep It. The continent has managed to take a great leap forward — but there still might be a crash landing, *Foreign Policy*, 07.08.2020, available at: <https://foreignpolicy.com/2020/08/07/merkel-macron-eu-its-a-new-europe-if-you-can-keep-it/> (accessed 15.09.2020).
17. Лифшиц, И. М. 2020, Налог на финансовые транзакции как возможный инструмент развития интеграции в ЕС, *Современная Европа*, № 5, с. 165–172. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020165172>.

18. Blauburger, M., van Hüllen, V. 2021, Conditionality of EU funds: an instrument to enforce EU fundamental values? *Journal of European Integration*, p. 1—16, doi: <http://dx.doi.org/10.1080/07036337.2019.1708337>.
19. Closa, C. 2019, The Politics of Guarding the Treaties: Commission Scrutiny of Rule of Law Compliance, *Journal of European Public Policy*, vol. 26, № 5, p. 696—716 (710). doi: <http://dx.doi.org/10.1080/13501763.2018.1477822>.
20. Bachmaier, L. 2018, Compliance with the Rule of Law in the EU and the Protection of the Union's Budget. Further reflections on the Proposal for the Regulation of 18 May, *EUCRIM*, № 2, p. 120—126. doi: <http://dx.doi.org/10.30709/eucrim-2019-008>.
21. Scheppele, K. L., Pech, L., Platon, S. 2020, Compromising the Rule of Law while Compromising on the Rule of Law, *VerfBlog*, 2020/12/13. doi: <http://dx.doi.org/10.1010.17176/20201214-060045-0>.
22. Franzius, C. 2018, *Der Kampf um Demokratie in Polen und Ungarn — Wie kann und soll die Europäische Union reagieren*, Die Öffentliche Verwaltung, № 10, p. 381—389.
23. Kochenov, D. 2019, Elephants in the Room: The European Commission's 2019 Communication on the Rule of Law, *Hague Journal on the Rule of Law*, vol. 11, № 2—3, p. 423—438. doi: <http://dx.doi.org/10.1007/s40803-019-00126-x>.
24. Neuwahl, N., Kovacs, C. 2020, Hungary and the EU's rule of law protection. *Journal of European Integration*, p. 1—16. doi: <http://dx.doi.org/202010.1080/07036337.2020.1717484>.
25. Bogdanowicz, P., Taborowski, M. 2020, How to Save a Supreme Court in a Rule of Law Crisis: the Polish Experience: ECJ (Grand Chamber) 24 June 2019, Case C-619/18, European Commission v. Republic of Poland, *European Constitutional Law Review*, p. 1—22. doi: <http://dx.doi.org/10.1017/S1574019620000115>.
26. Шишелина, Л. Н. 2020, Вишеградская группа на фоне вызовов 2020 года, *Современная Европа*, № 5, с. 89—98. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520208998>.
27. Kelemen, R. D. 2020, The European Union's authoritarian equilibrium, *Journal of European Public Policy*, vol. 26, № 3, p. 481—499.
28. Maksimov, V. 2021, Hungary, Poland refer controversial rule of law mechanism to court, *Euractiv.com*, 21 March, available at: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/hungary-poland-refer-controversial-rule-of-law-mechanism-to-court/> (accessed 16.03.2021).
29. Wahl, T. 2020, Compromise on Making EU Budget Conditional to Rule of Law Respect, *EUCRIM*, № 3, p. 174—176, available at: <https://eucrim.eu/news/compromise-making-eu-budget-conditional-rule-law-respect/> (accessed 17.03.2021).
30. Войников, В. В. 2019, От Средиземноморья до Балтики: проблема имплементации принципа солидарности в рамках политики ЕС в области иммиграции и убежища, *Балтийский регион*, Т. 11, № 2, с. 17—31. doi: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-2>.
31. Vantinen, P. 2021, Baltic states favour rail over recovery, *Euractiv.com*, Jan 28, available at: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/baltic-states-favour-rail-over-recovery/ (accessed 16.03.2021).
32. Goulding Carro, S. 2021, EU reaches agreement on cross-border infrastructure funding, *Euractiv.com*, Mar 15, available at: <https://www.euractiv.com/section/transport/news/eu-reaches-agreement-on-cross-border-infrastructure-funding/> (accessed 16.03.2021).
33. Issing, O. 2020, The COVID-19 crisis: A Hamilton moment for the European Union? *International Finance*, vol. 23, № 2, p. 340—347. doi: <https://doi.org/10.1111/inf.12377>.

Об авторах

Марк Львович Энтин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: entinmark@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9562-8340>

Екатерина Геннадьевна Энтина, доктор политических наук, заместитель проректора по науке, НИУ Высшая школа экономики, Россия; старший научный сотрудник, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: e.entina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4198-4870>

Вадим Валентинович Войников, доктор юридических наук, профессор кафедры европейского права, МГИМО МИД России, Россия; профессор кафедры европейского и международного права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: voinicov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1495-3227>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

NEW PRINCIPLES OF RESOURCE DISTRIBUTION IN THE EU AND THEIR IMPACT ON THE COUNTRIES OF THE BALTIC REGION

M. L. Entin¹

E. G. Entina^{2, 5}

V. V. Voynikov^{1, 4}

¹ MGIMO-University
76 Vernadskogo St., Moscow, 119454, Russia

² Higher School of Economics national research university,
20 Myasnitskaya St., Moscow 101000 Russia

³ Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11/3 Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia

⁴ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236106, Russia

Received 23.04.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-8

© Entin, M. L., Entina, E. G.,
Voynikov, V. V., 2022

The Multiannual Financial Framework for 2021–2027 was adopted during the severe crisis caused by the ongoing coronavirus pandemic. In the face of a rapidly deteriorating economic situation, EU countries took unprecedented steps radically changing the principles of resource allocation in the Union. These included the recovery plan for Europe, making the EU budget conditional on respect for the rule of law and the new EU resources system. This article seeks to identify the essential characteristics of the decisions made within the Multiannual Financial Framework and define their significance for advancing integration. The study attempts to answer two questions: do these decisions mark the transition to a new stage of integration and to what extent do they comply with the law of the Union. Several EU initiatives related to debt redistribution are analysed, along with the impact of these initiatives on Eastern European countries, particularly those of the Baltic Sea region. The research explores the decisions from the standpoint of legal and political science. In particular, it is stressed that, when reaching a compromise on making the budget conditional on respect for the rule of law, the EU and its member states had to use a mechanism for postponing the execution of an act of the Union,

which contradicts the basic principles of EU law. From a political point of view, the adoption of a package of legislative acts within the Multiannual Financial Framework means growing dependence of the member states and an increase in solidarity and loyalty within the Union.

Keywords:

European Union, debt socialisation, Multiannual Financial Framework, solidarity, conditionality, coronavirus, EU recovery plan

References

1. Entin, M.L. 2020, Non-alternative nature of the development of the EU, *Sovremennaya Evropa*, no. 4, p. 25—36. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420202536> (in Russ.).
2. Celi, G., Guarascio, D., Simonazzi, A. 2020, A fragile and divided European Union meets Covid-19: Further disintegration or 'Hamiltonian moment'? *Journal of Industrial and Business Economics*, vol. 47, no. 3, p. 411—424.
3. Alogoskoufis, G., Jacque, L. 2019, Economic and Financial Asymmetries in the Euro Area, *CGK Working Paper*, no. 2, 53 p.
4. Verdun, A. 1996, An "asymmetrical" economic and monetary union in the EU: Perceptions of monetary authorities and social partners, *Journal of European Integration*, vol. 20, no. 1, p. 59—81.
5. Howarth, D., Verdun, A. 2020, Economic and Monetary Union at twenty: a stocktaking of a tumultuous second decade: introduction, *Journal of European Integration*, vol. 42, no. 3, p. 287—293.
6. De Grauwe, P. 2006, Flaws in the Design of the Eurosystem, *International Finance*, vol. 9, no. 1, p. 137—144.
7. Lifshits, I.M. (ed.) 2020, *Mezhdunarodnoe finansovoe pravo i pravo Evropeiskogo soyuza: vzaimodeistvie i vzaimovliyaniye* [International Financial Law and European Union Law: Interaction and Mutual Influence], monograph, M., Yustitsinform, 548 p. (in Russ.).
8. de la Porte, C., Jensen, M.D. 2021, The next generation EU: An analysis of the dimensions of conflict behind the deal, *Social Policy and Administration*, vol. 55, no. 2, 3, p. 388—402. doi: <https://doi.org/10.1111/spol.12709>.
9. Schulz, F., Grüll, P. 2020, EU recovery deal: the summit that will cement Merkel's legacy, *Euractiv*, 23.07.2020, available at: <https://www.euractiv.com/section/future-eu/news/angela-merkel-der-gipfel-ihrer-karriere/> (accessed 15.01.2021).
10. Vernikov, V.L. 2020, Coronavirus in Spain don't scare tourists, *Analiticheskaya zapiska instituta Evropy RAN* [Analytical note of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences], no. 30 (213), 9 p., available at: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2020/an213.pdf> (accessed 15.01.2021) (in Russ.).
11. Grosse, T.G. 2020, A Hamiltonian Moment for the European Union, *The Warsaw Institute Review*, vol. 13, no. 2, available at: <https://warsawinstitute.review/issue-2-2020/a-hamiltonian-moment-for-the-european-union/> (accessed 21.04.2021).
12. Turkina, A.V. 2019, *Postroenie Byudzhethno-fiskal'nogo soyuza v Ev-ropeiskom soyuze i ego vliyanie na dal'neishuyu integratsiyu* [Building a Fiscal Union in the European Union and its impact on further integration], PhD Thes., M., 206 p. (in Russ.).
13. da Costa Cabral, N. 2021, Borrowing in the European Union: from a pure national model to the antechamber of a European fiscal federal solution, *Journal of European Integration*, p. 1—16. doi: <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1881499>.
14. Van Middelaar, L. 2019, *Alarums and Excursions: Improvising Politics on the European Stage*, Agenda Publishing, 320 p.
15. Genschel, P., Jachtenfuchs, M. 2021, Postfunctionalism reversed: solidarity and rebordering during the COVID-19 pandemic, *Journal of European Public Policy*, 11.02.2021, available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13501763.2021.1881588> (accessed 16.04.2021).
16. Tooze, A. 2020, It's a New Europe — if You Can Keep It. The continent has managed to take a great leap forward — but there still might be a crash landing, *Foreign Policy*, 07.08.2020, available at: <https://foreignpolicy.com/2020/08/07/merkel-macron-eu-its-a-new-europe-if-you-can-keep-it/> (accessed 15.09.2020).

17. Lifshits, I. M. 2020, Tax on financial transactions as a possible tool for the development of integration into the EU, *Sovremennaya Evropa*, no. 5, p. 165—172. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020165172> (in Russ.).
18. Blauberger, M., van Hüllen, V. 2021, Conditionality of EU funds: an instrument to enforce EU fundamental values? *Journal of European Integration*, p. 1—16, doi: <http://dx.doi.org/10.1080/07036337.2019.1708337>.
19. Closa, C. 2019, The Politics of Guarding the Treaties: Commission Scrutiny of Rule of Law Compliance, *Journal of European Public Policy*, vol. 26, no. 5, p. 696—716 (710). doi: <http://dx.doi.org/10.1080/13501763.2018.1477822>.
20. Bachmaier, L. 2018, Compliance with the Rule of Law in the EU and the Protection of the Union's Budget. Further reflections on the Proposal for the Regulation of 18 May, *EUCRIM*, no. 2, p. 120—126. doi: <http://dx.doi.org/10.30709/eucrim-2019-008>.
21. Scheppele, K. L., Pech, L., Platon, S. 2020, Compromising the Rule of Law while Compromising on the Rule of Law, *VerfBlog*, 2020/12/13. doi: <http://dx.doi.org/1010.17176/20201214-060045-0>.
22. Franzius, C. 2018, *Der Kampf um Demokratie in Polen und Ungarn — Wie kann und soll die Europäische Union reagieren*, *Die Öffentliche Verwaltung*, no. 10, p. 381—389.
23. Kochenov, D. 2019, Elephants in the Room: The European Commission's 2019 Communication on the Rule of Law, *Hague Journal on the Rule of Law*, vol. 11, no. 2—3, p. 423—438. doi: <http://dx.doi.org/10.1007/s40803-019-00126-x>.
24. Neuwahl, N., Kovacs, C. 2020, Hungary and the EU's rule of law protection. *Journal of European Integration*, p. 1—16. doi: <http://dx.doi.org/202010.1080/07036337.2020.1717484>.
25. Bogdanowicz, P., Taborowski, M. 2020, How to Save a Supreme Court in a Rule of Law Crisis: the Polish Experience: ECJ (Grand Chamber) 24 June 2019, Case C-619/18, *European Commission v. Republic of Poland*, *European Constitutional Law Review*, p. 1—22. doi: <http://dx.doi.org/10.1017/S1574019620000115>.
26. Shishelina, L. N. 2020, Visegrad Group against the backdrop of the challenges of 2020, *Sovremennaya Evropa*, no. 5, p. 89—98. doi: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520208998> (in Russ.).
27. Kelemen, R. D. 2020, The European Union's authoritarian equilibrium, *Journal of European Public Policy*, vol. 26, no. 3, p. 481—499.
28. Makszimov, V. 2021, Hungary, Poland refer controversial rule of law mechanism to court, *Euractiv.com*, 21 March, available at: <https://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/hungary-poland-refer-controversial-rule-of-law-mechanism-to-court/> (accessed 16.03.2021).
29. Wahl, T. 2020, Compromise on Making EU Budget Conditional to Rule of Law Respect, *EUCRIM*, no. 3, p. 174—176, available at: <https://eucrim.eu/news/compromise-making-eu-budget-conditional-rule-law-respect/> (accessed 17.03.2021).
30. Voynikov, V. V. 2019, From the Mediterranean to the Baltic: the problem of implementing the principle of solidarity in the EU area of immigration and asylum, *Balt. Reg.*, vol. 11, no. 2, p. 17—31. doi: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-2>.
31. Vantinen, P. 2021, Baltic states favour rail over recovery, *Euractiv.com*, Jan 28, available at: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/baltic-states-favour-rail-over-recovery/ (accessed 16.03.2021).
32. Goulding Carro, S. 2021, EU reaches agreement on cross-border infrastructure funding, *Euractiv.com*, Mar 15, available at: <https://www.euractiv.com/section/transport/news/eu-reaches-agreement-on-cross-border-infrastructure-funding/> (accessed 16.03.2021).
33. Issing, O. 2020, The COVID-19 crisis: A Hamilton moment for the European Union? *International Finance*, vol. 23, no. 2, p. 340—347. doi: <https://doi.org/10.1111/inf.12377>.

The authors

Prof. Mark L. Entin, Head of the Chair on European Law, MGIMO-University, Russia.

E-mail: entinmark@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9562-8340>

Prof. Ekaterina G. Entina, Deputy Vice-Rector for Research, Higher School of Economics National Research University, Russia; Senior Researcher, Institute of Europe Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: e.entina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4198-4870>

Prof. Vadim V. Voynikov, Chair on European Law, MGIMO-University, Russia; Chair on International and European Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: voinicov@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9562-8340>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛАТВИЙСКИХ ПАРТИЙ: ФАКТОР СОСЕДСТВА

Л. С. Жирнова

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию: 22.06.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-9
© Жирнова Л. С., 2022

Анализируется фактор соседства в электоральном поведении латвийцев на последних четырех парламентских выборах с учетом этнонациональной ориентации партий. Актуальность исследования состоит в расширении инструментария электоральной географии за счет современных методов пространственного анализа, а также в углублении знаний о положении русскоязычных в партийно-политическом ландшафте Латвии. Цель исследования — оценить роль фактора соседства на латвийских выборах и выявить устойчивые пространственные кластеры в голосовании. Для каждой из парламентских партий, а также для партии «Русский союз Латвии», не представленной в парламенте, но сохраняющей значимость в политической системе в целом, проанализирована степень пространственной автокорреляции и ее динамика. Кроме того, выявлены статистически значимые пространственные кластеры высокой и низкой поддержки, проведено их сравнение и проанализирована их устойчивость на протяжении рассматриваемого периода. Структура этих кластеров у «русских» партий («Согласие» и «Русский союз Латвии») в целом совпадает, а у «латышских» наблюдается большее разнообразие. В регионах, граничащих с Россией, анализ выявляет четкие пространственные кластеры по результатам голосования в полном соответствии с отношением партий к русскоязычным и Российской Федерации в целом. «Русские» партии, а также партии, проявляющие некоторое расположение к русскоязычным («За лучшую Латвию», «От сердца — Латвии»), имеют здесь кластеры высокой поддержки, а «латышские» — низкой. Однако эту закономерность, вероятнее всего, нужно связать не столько с близостью к российской границе, сколько с высокой долей нелатышского населения в Латгалии, которая, в свою очередь, также имеет тесные исторические связи с Россией и особенности развития как приграничный регион.

Ключевые слова:

пространственный анализ, электоральная география, Латвия, Латгалия, русские, партии, этнолингвистический раскол, выборы

Хотя этнолингвистический раскол в Латвии в его электоральном преломлении не раз становился предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых, современные методы пространственного анализа позволяют взглянуть на него по-новому за счет обработки большого массива данных и представления результатов в наглядной картографической форме.

Актуальность исследования состоит, с одной стороны, в расширении инструментария электоральной географии, а с другой — в особом значении для российской внешней политики изучения партийно-политического ландшафта зарубежных стран с большой долей русскоязычного населения с учетом приоритетного характера поддержки соотечественников за рубежом.

Для цитирования: Жирнова Л. С. Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 138–158. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-9.

В данной работе методы пространственного анализа, пока еще не столь распространенные в российской политической науке, применяются для анализа фактора соседства в голосовании за латвийские партии на последних четырех парламентских выборах.

Цель исследования — выделить пространственную структуру этнолингвистического раскола на латвийских выборах. Для этого необходимо оценить значимость фактора соседства в голосовании за латвийские партии, выявить кластеры соседства для каждой партии и проанализировать их устойчивость, а также определить, насколько в этих кластерах проявляется этнолингвистический раскол голосования.

Разумной гипотезой представляется предположение, что партии, которые принято считать «русскими», — «Согласие» и «Русский союз Латвии» — обнаружат устойчивые кластеры соседства с высокими значениями в Латгалии и кластеры низких значений в других областях Латвии. Однако интересно посмотреть, имели ли какой-то успех попытки некоторых условно «латышских» партий преодолеть этнолингвистические линии разлома партийно-политического пространства и, соответственно, найти поддержку в тех региональных кластерах, которые зачастую голосуют за «русские» политические силы.

Методы исследования

Для анализа электоральных результатов использованы методы пространственного статистического анализа, которые позволяют более подробно вычленять и картографировать пространственную структуру общественно-политических процессов [1, с. 9], а в данном случае более тщательно анализировать пространственные аспекты этнолингвистического раскола в латвийской политике. Еще в 1970-е годы П. Тейлор и Р. Джонстон анализировали эффект соседства в электоральном поведении, отмечая, что он может иметь решающее значение для исхода голосования [2, р. 265]. Современное развитие геоинформационных систем дает возможность протестировать эти предположения на обширных массивах данных.

Для каждой партии был рассчитан индекс пространственной автокорреляции Морана I, демонстрирующий, насколько результаты в регионе коррелируют со средними результатами в соседних регионах. Также был применен метод расчета локальных индикаторов пространственной автокорреляции LISA, показывающий статистически значимые кластеры, в которых высокий результат партии в регионе коррелирует с высоким результатом в соседних регионах, и наоборот. Также картограммы LISA выявляют регионы-«ошибки», где по логике соседства результат должен быть одним, а по факту оказывается другим. Такие случаи тоже представляют интерес с точки зрения анализа [3, с. 161 — 163, 166 — 168].

Поскольку распределение по пяти избирательным округам (Рига, Видземе, Земгале, Курземе и Латгалия) для пространственного анализа представляется недостаточно подробным, выбран муниципальный уровень со 119 самоуправлениями. Электоральная статистика была соединена с картографической основой для дальнейшего анализа в геоинформационных системах QGIS и GeoDa. В открытом доступе подходящей картографической основы с делением на 119 муниципалитетом найти не удалось, поэтому ее пришлось подготовить самостоятельно.

Последствия этнолингвистического раскола

На протяжении вот уже трех десятилетий с момента восстановления независимости основным свойством общественной структуры и партийно-политического ландшафта Латвии остается острый этнолингвистический раскол между латыш-

ским большинством и русскоязычным меньшинством¹. Хотя русскоязычные составляют более трети населения страны, партии, их представляющие, не допускаются до формирования правительства, даже если получают на выборах больше всех остальных политических сил.

Стоит отметить, что не все русскоязычные допущены к политическому участию, поскольку многие из них остаются негражданами — это особый статус постоянных жителей, не имеющих доступа к целому ряду прав, включая базовое политическое право избирать и быть избранными. В начале 1990-х новая правящая элита независимой Латвии решила восстановить действие Конституции 1922 года и автоматически дать гражданство только тем, кто был гражданином первой Латвийской Республики до 17 июня 1940 года, и их потомкам. Остальные — треть постоянных жителей страны — оказались негражданами. Изначально статус задумывался как временный, но спустя почти тридцать лет каждый десятый латвиец остается негражданином².

В итоге русскоязычные составляют около 36 %³ населения страны, но лишь около 27 %⁴ граждан Латвии, что искусственно ограничивает электорат партий, опирающихся на это этнолингвистическое меньшинство. В то же время, хотя сами неграждане не имеют права ни баллотироваться в выборные органы, ни голосовать ни на одном из уровней (в отличие от неграждан Эстонии, которые могут голосовать на местных выборах), проблематика негражданства остается важной линией размежевания для латвийской политики.

Однако еще более существенное влияние на партийно-политическую структуру имеют «красные линии» латышской элиты, которая (по крайней мере на общенациональном уровне) не допускает сотрудничества с «русскими» партиями. Из-за этого после каждых парламентских выборов волеизъявление четверти избирателей, благодаря которым партия «Согласие» раз за разом получает большинство голосов, фактически игнорируется. Ситуация усугубляется тем, что в последние двадцать лет в латвийском парламенте закрепился такой порядок управления, при котором правящее большинство не дает оппозиции возможности значительно повлиять на законотворческий процесс и политику [4, p. 120].

Такое положение дел имеет целый ряд негативных последствий. Во-первых, маргинализированный статус мешает консолидации русскоязычных политических сил. (Впрочем, здесь свою роль играют и амбиции их лидеров.) Как отмечал Я. Икстенс [5, p. 51], усугубляет ситуацию тот факт, что перспектив попасть в правительство у этих партий не появится, пока ценностный разрыв между латышами и русскоязычными не исчезнет, и спустя пятнадцать лет каких-то значимых подвижек в этом плане не наблюдается.

¹ Хотя речь идет о противопоставлении двух этнолингвистических сообществ: русскоязычного и латышскоязычного, использование последнего термина применительно к Латвии представляется избыточным, поскольку латышскоговорящее сообщество составляют практически одни латыши, тогда как среди русскоязычных наблюдается большее этническое разнообразие.

² Iedzīvotāju skaits un ipatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā, 2021, *Centrālā statistikas pārvalde*, available at: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec> (accessed 30.09.2021).

³ 60,8% Latvijas iedzīvotāju dzimtā valoda ir latviešu, 2021, *Centrālā statistikas pārvalde*, available at: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/meklet-tema/2747-608-latvijas-iedzivotaju-dzimta-valoda-ir-latviesu> (accessed 30.09.2021).

⁴ Последние данные на этот счет относятся к переписи 2011 года, однако можно допустить, что они мало изменились, поскольку темпы натурализации остаются крайне низкими. Tautas skaitīšana. Galvenie rādītāji, 2021, *Centrālā statistikas pārvalde*, available at: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/tautas-skaitisana/galvenie-raditaji/latvija-2011-gada-1-marta-dzivoja-2-070> (accessed 30.09.2021).

Во-вторых, отсечение столь значительной части электорального поля расширяет положение партий латышского мейнстрима, которые вынуждены идти на серьезные компромиссы и формировать неустойчивые коалиции [6, с. 87]. Всего за тридцать лет независимости в Латвии прошло девять парламентских выборов, но сменилось уже два десятка правительств, и какой-то тенденции к стабилизации не наблюдается. После последних парламентских выборов в правящую коалицию вошли пять разнородных партий, объединенных в первую очередь желанием не допустить в правительство неугодных победителей выборов — партию «Согласие», опирающуюся на русскоязычный электорат. Неудивительно, что за два с половиной года в правительстве сменилась половина министров, а из коалиции исключили одну из партий — наиболее ослабленную внутренними распрями. Потенциал эффективной работы такого правительства серьезно ограничен, а ведь именно четкие и последовательные действия необходимы стране в борьбе с пандемией.

В-третьих, столь упорное игнорирование мнения около четверти избирателей, когда победитель выборов раз за разом не попадает в правительство, в сочетании с объединением в рамках одного правительства идеологических противников, неспособных в таких условиях выполнять свою предвыборную программу, постепенно подрывает доверие общества к политической системе. Как отмечает В. В. Воронников [7, с. 85], недовольство правящими политиками стимулирует апатичность, которая проявляется в последовательном снижении явки на выборах: от 91,2 % в 1993 году до 63,12 % в 2010 году и 54,6 % в 2018-м (рис. 1).

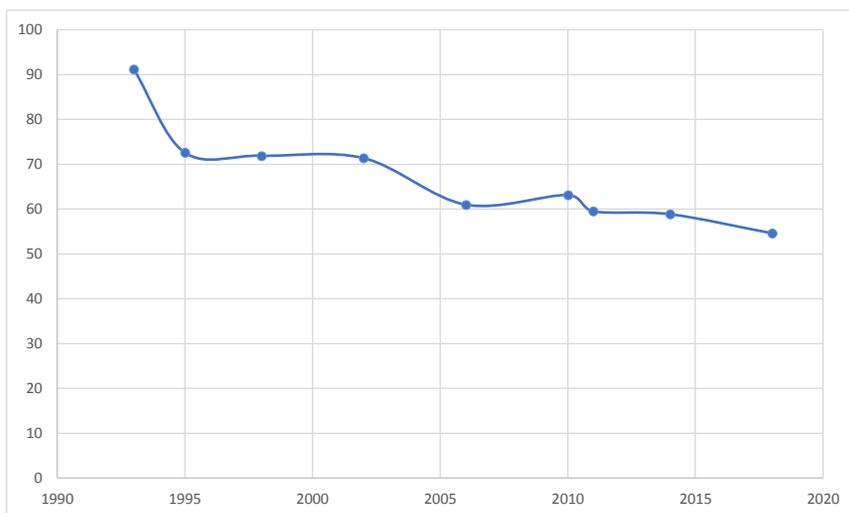

Рис. 1. Явка на парламентских выборах в Латвии, %⁵

Недоверие к политической системе создает благодатную почву для появления новых партийных проектов, преимущественно популистского толка, стимулируя и без того большую фрагментацию политического поля. Впрочем, как отмечает Д. Ауэрс [8], здесь свою роль играют также низкие барьеры численности партий и сравнительно более позднее внедрение их государственного финансирования по сравнению, к примеру, с соседней Эстонией, где степень институционализации партийной системы значительно выше, а пространства для популистских проектов меньше.

⁵ Saeimas vēlēšanas, 2021, *Centrālā vēlēšanu komisija*, available at: <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas> (accessed 30.09.2021).

По классификации Дж. Сартори [9, р. 111 — 112], латвийскую партийную систему можно охарактеризовать как систему умеренного плюрализма, но тенденция к ее фрагментации нарастает. Достаточно сказать, что сейчас в парламент входят семь партий, из которых четыре формируют правительство, причем 2021 год привнес в партийно-политический ландшафт еще несколько партийных проектов, которые сделали серьезную заявку на места в следующем созыве Сейма.

На высокую фрагментацию партийной системы указывают и значения индексов эффективного числа парламентских партий, рассчитанные по методикам Лааксо — Таагеперы (8,4) и Голосова (5,8) (на основе результатов выборов 2018 года) [10, р. 188]. Индекс Голосова ниже, поскольку при его расчете меньший вес придается тем партиям, которые значительно уступают победителю выборов, что особенно актуально для Латвии, где отрыв лидеров — «Согласия» — достаточно большой.

Изученность проблемы

Электоральные исследования — одни из наиболее популярных в политической науке во многом благодаря большой практической значимости их результатов, которые позволяют не только объяснить поведение избирателей, но и спрогнозировать результаты выборов в будущем [11, с. 187]. В поле зрения исследователей попадали и пространственные факторы электорального поведения. Еще в начале XX века один из основоположников политической географии А. Зигфрид [12] изучал влияние географических переменных на исход голосования наряду с экономическими и социокультурными. Ключевое значение для электоральных исследований имеют идеи С. Липсета и С. Роккана [13] о влиянии социально-групповых конфликтов на политическую систему. Они выделяли три вида таких расколов: классовый, религиозный и раскол между центром и периферией.

В книге «География выборов» П. Тейлор и Р. Джонстон [2] представили теорию социальных расколов, отражающих социальную и территориальную структуру общества. Авторы отметили, что фактор соседства может иметь значимое воздействие на исход выборов, но не смогли с помощью доступных на тот момент инструментов точно измерить этот эффект. Как писали впоследствии Р. Джонстон и Ч. Патти, было бы преувеличением сказать, что локальный контекст определяет исход голосования, но учет этого фактора может принести партиям значительные выгоды [14, р. 396].

Российские ученые также изучали пространственные закономерности электорального поведения. К примеру, Р.Ф. Туровский исследовал различия в уровне поддержки левых и правых партий в городских и сельских избирательных округах [15]. Возможности пространственного электорального анализа как метода политической географии анализировал А.С. Ахременко [16]. Также можно отметить проект А. Сидоренко «Электоральная география 2.0», который изучает воздействие пространства на голосование не только в России, но и в других странах [17].

Латвийские выборы и партийная система регулярно становятся предметом научного интереса латвийских и российских исследователей, причем именно этнолингвистический раскол оказывается в центре внимания. Новизна данной работы заключается в использовании методов пространственного анализа для изучения данной проблематики, что позволяет на основе достаточно обширных массивов данных выявить устойчивые пространственные закономерности в голосовании и расширить имеющиеся знания об электоральном поведении латвийцев в целом и латвийских русскоязычных в частности.

Я. Икстенс и И. Балцере [18, р. 258] отмечают, что в латвийском общественно-политическом дискурсе традиционное деление партий на левые и правые зачастую лишено того смысла, который оно имеет в западных странах, и определяется

в первую очередь по той же принадлежности к условно «русским» и «латышским» партиям: «русские» партии характеризуются как левые и левоцентристские, а «латышские» — как правые или правоцентристские.

Ту же особенность фиксирует и В. Воротников [7, с. 85], который пишет, что партии левоцентристского толка, которые на протяжении всех десятилетий независимости находились в оппозиции, ассоциируются в Латвии не столько с альтернативной социально-экономической программой, сколько с «пророссийскостью».

Стоит отметить, что не только этнолингвистический раскол в обществе предопределяет размежевание партий. Партийные элиты также охотно мобилизуют этнические лозунги в политической борьбе. Как показало исследование Б. Зепы и И. Шупуле [19, р. 36], активное использование подобной риторики политиками остается одним из основных катализаторов этнического напряжения в обществе. За прошедшие десятилетия в этом плане мало что поменялось.

Более того, как показало исследование Р. Накаи [20, р. 214], именно в преддверии выборов наблюдается рост национализма как среди представителей этнических меньшинств, так и у латышского большинства, то есть этнический раскол только обостряется. Как отмечает Р. Накаи в другой статье, написанной в соавторстве с М. Хигашиимой [21], по мере развития партийно-политической системы партии этнического характера все больше стимулируют этническую идентификацию и у представителей своего электората, и у других групп, которые ощущают от них угрозу. В связи с этим авторы считают, что необходимо законодательно ограничивать возможности партий апеллировать к конкретным этническим интересам, иначе межнациональный антагонизм будет только нарастать и может привести к ожесточенным конфликтам.

Л. Бенних-Бьоркман и К. М. Йоханссон [22] также объясняют сохранение интенсивного этнического противостояния в политической системе внутренней логикой межпартийного взаимодействия, отмечая, что вне политики латыши и нелатыши сосуществуют намного более мирно и имеют много горизонтальных связей. Противоположный пример — Эстония, где этнолингвистические общины живут более обособленно, но в политике этнические мотивы имеют все меньшее значение.

Интересно наблюдение С. Блума [23, р. 175—176], который доказывает провальный характер попыток латышских националистов возложить вину за экономический кризис на русскоязычных — после кризиса 2008—2009 годов большую поддержку избирателей обеспечили те партии, которые делали упор на экономические проблемы без этнической окраски.

Ю. Розенвалдс в начале 2010-х годов [24, с. 160] фиксировал тенденцию к «дегерметизации» правящей элиты в Латвии и видел перспективы большего допуска представителей национальных меньшинств к управлению государством, особенно на фоне некоторого дистанцирования партий, опирающихся на национальные меньшинства, от Москвы. Однако, как признает И. Иябс [25, р. 308—309], после референдума о статусе русского языка 2012 года стало понятно, что эти предположения не подтверждаются — этнолингвистический раскол стал еще более явственным, а в преамбуле к латвийской Конституции был закреплен примат латышского языка и культуры. На фоне обострения геополитического противостояния между Россией и Западом в последних электоральных циклах латышские политические силы вновь и вновь доказывали существенность красных линий в вопросе допуска того же «Согласия» в правительство, так что о подобной «дегерметизации» в обозримой перспективе говорить не приходится.

Как подчеркивает М. Коммерсио [26], русскоязычные, которые хотят встроиться в правящую политическую элиту Латвии, вынуждены делать это на условиях латышского истеблишмента — они должны не просто быть гражданами, но и хорошо

При этом, как фиксируют А. Немет и З. Довеный [33, р. 798], Национальное объединение, продвигающее идею «латышской Латвии», более популярно не столько в этнически гомогенных самоуправлениях с преобладанием латышского населения, сколько в этнически гетерогенных городах с большой долей нелатышских жителей — здесь местные латыши склонны поддерживать этнонационалистический проект «Национального объединения», а не более умеренные партии. При этом в сельской местности такой жесткой поляризации и стремления латышей поддержать идею «латышской Латвии» уже не наблюдается.

А. Мелешевич [34, р. 119] проанализировал электоральную географию в Латвии, Литве, Эстонии, России и на Украине и выделил регионы, которые показывают устойчивую тенденцию к голосованию, отличному от общестранового. В Латвии таким регионом является Латгалия, регион у границы с Россией и Беларусью, в котором большинство населения дома говорят по-русски. Закономерно, что именно здесь силы, выступающие в защиту прав русскоязычных, набирали больше всего голосов.

При этом Я. Пайдерсу и Ю. Пайдерсу [35] не удалось установить значимого эффекта близости российской и белорусской границы при голосовании в Латгалии на парламентских выборах 2010 года: вторым по значимости фактором электорального поведения после этнолингвистического они называют личностный — отдельных ярких кандидатов в округах. При этом, согласно другому их исследованию [36], в сельских районах этнолингвистический состав электората больше влияет на результаты голосования, чем в городах государственного значения.

Характеристика электоральных циклов

Если давать характеристику четырем последним электоральным циклам, следует отметить тенденцию к росту числа партий, которые проходят в парламент. После выборов 2010 и 2011 годов представительство в Сейме получали 5 партий, по результатам голосования в 2014 году — 6 партий, в 2018 году — уже 7. Выросло и число подаваемых списков: по 13 в 2010, 2011 и 2014 годах, а в 2018-м — уже 16.

Выборам 10-го Сейма, состоявшимся в 2010 году, предшествовала консолидация на правоконсервативном фланге, вызванная растущей популярностью «Центра согласия», опирающегося на русскоязычный электорат. На базе трех политических сил — «Новое время», «Гражданский союз» и «Общество за другую политику» — была создана партия «Единство». Консолидировались и латышские националисты — за три месяца до голосования партии «Всё для Латвии» и «Отечеству и Свободе/Движение за национальную независимость Латвии» образовали предвыборный союз «Национальное объединение ВЛ-ТБ/ДННЛ». Также на объединение пошла «Латвийская первая партия/Латвийский путь» (ЛПП/ЛП), которая слилась с ветераном латвийской политики «Народной партией» и с несколькими региональными силами.

Предвыборная кампания проходила на фоне экономического кризиса и обсуждения связанной с ним «революции булыжников» — массовых беспорядков 2009 года. На выборах победило «Единство» (31,22 % голосов), которое стало главной партией власти в Латвии на много лет и является ей и сейчас.

Однако после 2010 года этой партии уже не удавалось набрать больше всего голосов — на последующих выборах она уступила первенство «Согласию», которое в правительство так ни разу и не попало.

Десятому Сейму не удалось проработать даже года. На фоне экономических проблем и недовольства населения президент Валдис Затлерс неоднократно поднимал вопрос о роспуске Сейма еще в 2009 году, а когда в 2011 году недавно избран-

ный созыв парламента отклонил запрос прокуратуры на обыск у депутата Айнарса Шлесерса, президент заявил о том, что Сейм потерял доверие народа, и инициировал референдум о роспуске парламента, который оказался успешным — 94,5 % проголосовавших высказались «за».

Новая предвыборная кампания прошла под лозунгом «борьбы с олигархами», в том числе и со Шлесерсом, и в итоге его партия, стартовавшая под брендом «Партия реформ Шлесерса ЛПП/ЛЦ», не преодолела пятипроцентный барьер. Победил «Центр согласия» (28,37 %), на втором месте на фоне роста популярности президента, распустившего парламент, оказалась «Партия реформ Затлерса» (20,82 %). Премьерская партия «Единство» столкнулась с резким снижением поддержки и довольствовалась третьим местом (18,83 %), что, впрочем, не помешало ей вновь получить пост премьера и сформировать правительство без победителя выборов.

Так как 11-й Сейм был внеочередным, он проработал три года вместо четырех. За это время депутаты успели разрешить двойное гражданство, а также дополнили Конституцию (Сатверсме) преамбулой, где закрепили цель латвийского государства — гарантировать существование и развитие латышской нации, ее языка и культуры. Внесению преамбулы в основной закон предшествовал провал референдума о придании русскому языку статуса второго государственного, после которого латышская правящая элита практически полностью перестала считаться с русскоязычным меньшинством. Именно на преамбулу Сатверсме ссылается теперь Конституционный суд при рассмотрении исков русскоязычных активистов, когда признает конституционным вытеснение русского языка со всех уровней образования в Латвии.

Период работы 11-го Сейма омрачила страшная трагедия — обрушение торгового центра *Maxima* 21 ноября 2013 года в рижском микрорайоне Золитуде, унесшее жизни 54 человек. Премьер-министр Валдис Домбровскис («Единство»), возглавлявший правительство с марта 2009 года, взял на себя политическую ответственность за случившееся и покинул свой пост. Его заменила представительница его же партии Лаймдота Страуюма, которая продолжила возглавлять правительство и после выборов 2014 года.

На выборах в 12-й Сейм 4 октября 2014 года победила партия «Согласие», правда, получила она немного меньше, чем в 2011 году, — 23 %. «Единство», оказавшееся на втором месте, отстало незначительно, получив 21,87 %, и без особых проблем сформировало правительство с «Союзом зеленых и крестьян» и «Национальным объединением». Правда, в 2016 году в результате внутренних интриг «Единство» уступило премьерский пост «Союзу зеленых и крестьян».

Работа 12-го Сейма запомнилась образовательной реформой 2018 года, положившей конец билингвальному образованию в школах и русскоязычным программам в вузах, в том числе в частных. Более того, правила кабинета сделали латышский основным языком общения в дошкольных учреждениях вне зависимости от пожеланий родителей.

На выборах в 13-й Сейм 6 октября 2018 года вновь победила партия «Согласие», правда, набрала она еще меньше, чем в прошлый раз, — 19,8 %. На втором месте оказались новички и триумфаторы этих выборов — партия актера Артусса Кайминьша «KPV LV» (от *Kam pieder valsts?* — «Кому принадлежит государство?»). Сейм оказался очень раздробленным, в него прошли сразу семь партий, а с учетом нежелания допускать в правительство «Согласие» задача по созданию правительства оказалась особенно сложной — в итоге на это ушли рекордные 109 дней. После нескольких неудачных попыток претендентов от других партий правящую коалицию возглавил теперь уже бывший евродепутат Кришьянис Кариньш, представлявший то же самое «Единство» (которое на этих выборах стартовало с припи-

ской «Новое», объединившись с несколькими региональными партнерами). И это при том, что «Новое Единство» получило всего 6,69 % — меньше всех среди партий, прошедших в парламент. В правительство вошли пять партий, которые нещадно конкурировали между собой в преддверии выборов, а это не добавило коалиции стабильности.

В итоге после многочисленных распрей и скандалов в начале июня 2021 года, в самый канун муниципальных выборов из правительства исключили партию «KPV LV», которая к этому времени потеряла большую часть депутатов и популярности и стала самым слабым звеном коалиции. Бывшие партнеры договорились ее исключить и в нарушение коалиционного договора перераспределили ее министерские посты.

Для русскоязычных ключевое решение 13-го Сейма — это принятие закона об автоматическом предоставлении гражданства Латвии детям неграждан, который остановил воспроизводство этой категории населения с 1 января 2020 года. Но основной мотив работы этого созыва парламента — борьба с пандемией нового коронавируса. В первую волну пандемия задела Латвию по касательной, но к зиме 2020 года страна полностью ощутила на себе натиск вируса и вновь оказалась в тисках жестких ограничений. Ситуация стала улучшаться только к лету 2021 года. Действия правительства в этот период нельзя оценить как эффективные, учитывая скандал с отказом от более 700 000 доз вакцины Pfizer в декабре 2020 года, вызвавшим недостаток вакцины, а также противоречивость многих ограничений. Низкий уровень доверия к властям подорвал и доверие к кампании вакцинации от COVID-19.

Фактор соседства в результатах партий

Рассмотрим пространственные зависимости в голосовании за латвийские партии в последние четыре электоральных цикла. Расчеты сделаны исходя из соседства по смежности по принципу k — ближайших соседей с числом соседей — 5. Так как деление на пять избирательных округов для пространственного анализа слишком крупное, представлены результаты по 119 самоуправлениям.

Начнем с «русских» партий: «Согласия» и «Русского союза Латвии».

Партия «Согласие» (ранее — «Центр согласия») образовалась в апреле 2010 года на базе трех политических сил: «Социал-демократической партии Эгилса Рутковскиса», «Нового центра» Сергея Долгополова, а также «Партии народного согласия», чей лидер Янис Урбанович единственный входил во все созывы Сейма с 1995 года. Хотя руководство партии заявляло о том, что ориентируется и на русских, и на латышей, ее поддерживают в первую очередь русскоязычные избиратели, причем в последнее десятилетие именно эта партия аккумулировала основную часть русских голосов [26, р. 22]. Изначальная популярность партии была связана с целым рядом факторов, начиная от личной популярности ее лидера Нила Ушакова и заканчивая успешной рекламой партии через Первый Балтийский канал (и антирекламой против ее конкурентов), но не последнюю роль здесь сыграли надежды русскоязычных на то, что эта партия сможет войти во власть. В Риге эти надежды оправдались, но на общенациональном уровне партия осталась «вечной оппозицией».

С 2011 года партия неизменно набирала больше всего голосов на парламентских выборах, но ее результаты постепенно снижались, что связано с нежеланием части избирателей голосовать за «вечную оппозицию», а также с разочарованием неактивной защитой прав русскоязычных и некоторыми антироссийскими заявлениями руководства. При этом в латышском информационном пространстве «Согласие» имеет устойчивую репутацию «руки Кремля», так что любое сотрудничество

с ней латышских партий мейнстрима на общенациональном уровне практически невозможно. (Примечательно, что на региональном, где хозяйственные вопросы перевешивают геополитические, сотрудничество иногда встречалось: к примеру, в 2013 году представители «Центра согласия» вошли в правящую коалицию Адажской думы вместе с депутатами от «Союз зеленых и крестьян», «Единства» и даже «Национального объединения»⁷.)

На протяжении десяти лет «Согласие» удерживало власть в Риге, фактически ставя руководство столицы, где только по официальным данным проживает почти треть населения страны, в оппозицию центральному правительству. Однако после смещения Нила Ушакова с поста столичного мэра и его отъезда на работу в Европарламент партия пребывает в серьезном кризисе, который только усугубил провал на внеочередных выборах в Риге.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную зависимость результатов голосования за «Согласие» на парламентских выборах (индекс Морана в 2010 году — 0,579, в 2011-м — 0,6, в 2014-м — 0,586, в 2018-м — 0,584).

Картограммы пространственной автокорреляции фиксируют два кластера соседства, которые проявляются во всех четырех рассматриваемых циклах (рис. 3). Во-первых, это кластер высоких значений в Латгалии, регионе с высокой долей русскоязычного населения. Во-вторых, кластер низких значений в Курземе, регионе, где русских мало (обратите внимание, что монолитность этого кластера нарушают Лиепая и Вентспилс — крупные города, где тоже есть заметная доля русскоязычных).

Еще три кластера проявляются только в части электоральных циклов. Это два кластера низких значений в Видземе, где так же мало русских, и один кластер высоких значений вокруг столицы.

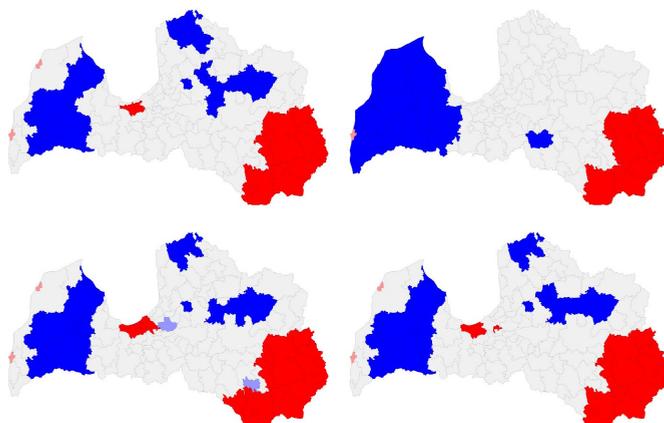

Рис. 3. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за партию «Согласие» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Вторая «русская» партия, «Русский союз Латвии» (РСЛ), за четыре последних электоральных цикла ни разу не получила представительства в парламенте,

⁷ Ruska, R. 2013, Kam pieder atslēgas, *News.lv*, available at: https://news.lv/Latvijas_Avize/2013/08/09/Kam-pieder-atslegas (accessed 30.09.2021).

но остается заметным игроком латвийской политики. РСЛ (до переименования в 2014 году — ЗаПЧЕЛ — «За права человека в единой Латвии») — одна из старейших латвийских партий. Она проводила депутатов в Сейм все созывы с 1993 по 2010 год, но потом лишилась парламентского представительства, а с 2009 до 2020 года не имела своих депутатов в Рижской думе. При этом лидер РСЛ Татьяна Жданок четыре раза успешно избиралась в Европарламент, обеспечивая партии международное сотрудничество и высокое представительство. На парламентских выборах 2018 года РСЛ хотя и улучшил результат за счет разочарования избирателей в «Согласии», но в итоге получил только 3,2 % голосов и провести своих депутатов в Сейм не смог. В последнее время партия переживает некоторый подъем, воодушевленная успехом на внеочередных выборах в Риге (6,52 % голосов и 4 депутата) и ростом популярности благодаря четкой и последовательной позиции по защите интересов русскоязычных.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную корреляцию результатов голосования за РСЛ на последних четырех парламентских выборах с тенденцией к снижению ее степени (индекс Морана в 2010 году — 0,446, в 2011-м — 0,406, в 2014-м — 0,395, в 2018-м — 0,362).

В целом кластеры соседства по результатам голосования за РСЛ похожи на те, которые наблюдаются у «Согласия», и соответствуют параметрам расселения русскоязычных (рис. 4). Точно так же на протяжении всего рассматриваемого периода проявляется латгальский кластер высоких значений и курземский кластер низких (с периодическими исключениями в виде Вентспилса и Лиепай). Однако, в отличие от «Согласия», кластер низких значений в Видземе также фиксируется во все четыре электоральных цикла. В двух случаях в Видземе выделяются два таких кластера. А вот кластер, включающий Юрмалу и ряд земгальских самоуправлений, проявился только на картограмме 2011 года.

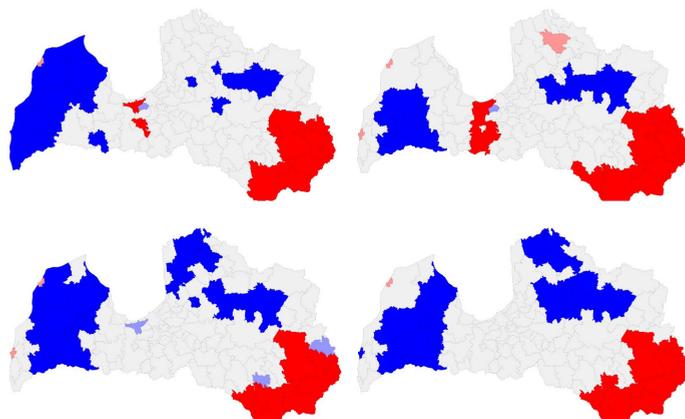

Рис. 4. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Русский союз Латвии» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Рассмотрим «латышские» партии, которые участвовали во всех рассматриваемых парламентских выборах.

Как уже упоминалось, «Единство» (с 2018 года выступающее на политической арене под брендом «Новое Единство» вместе с еще пятью региональными партне-

рами) с момента создания и по сей день является премьерской партией и только на период с 2016 по 2018 год отдало руководство правительством «Союзу зеленых и крестьян» в результате внутренних интриг. Хотя летом 2018 года за несколько месяцев до выборов рейтинг партии составлял около 3 %, ей удалось консолидироваться, найти партнеров и все же пройти в 13-й Сейм, пусть даже с самой маленькой фракцией. Правда, именно «Новое Единство» в итоге сформировало правительство, пусть и изначально ослабленное пестрой коалицией и небольшим размером премьерской фракции.

Несмотря на все сложности, связанные с пандемией и внутренними противоречиями, которые даже вылились в исключение одного из коалиционных партнеров, перспективы падения нынешнего правительства Кришьяниса Кариньша остаются весьма туманными, потому что ни одна из составляющих коалицию политических сил не хочет брать на себя ответственность за развал кабинета. Более того, судя по победе на выборах в Европарламент в 2019 году (26,24 %) и успешному выступлению на внеочередных выборах в Рижскую думу в 2020 году (третье место и 15,24 %), пик внутреннего кризиса «Новое Единство» уже преодолело.

Хотя «Единство» в первую очередь имеет репутацию партии чиновничества, а бренд главных латвийских националистов принадлежит «Национальному объединению», именно «Единство» на протяжении всего десятилетия у власти реализовывало политику ограничения прав нацменьшинств, и именно представители этой партии разрабатывали и реализовывали наиболее жесткие в этом плане реформы, в том числе реформу образования.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную корреляцию результатов голосования за «Единство» в 2010 и 2011 годах и слабую корреляцию в 2014 и 2018 годах (индекс Морана в 2010 году — 0,056, в 2011-м — 0,622, в 2014-м — 0,279, в 2018-м — 0,173).

На картограммах пространственной автокорреляции только один кластер выделяется на протяжении всего рассматриваемого периода — это кластер низкой поддержки в Латгалии, регионе с большой долей нелатвийского населения (рис. 5). Правда, если в 2010 и особенно в 2011 году этот кластер охватывает большую часть Латгалии, к 2018 году в нем остаются только три самоуправления на северо-востоке. А вот пространственный кластер высокой поддержки в Видземе просматривается только три электоральных цикла — кроме последнего.

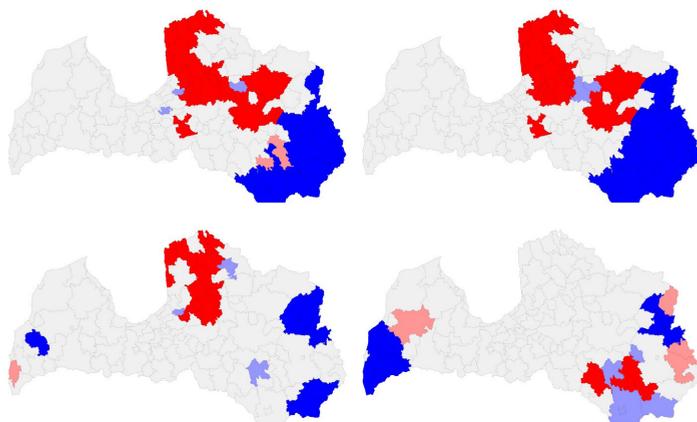

Рис. 5. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Единство» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких

значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Еще одна из ключевых сил на латвийской политической арене — это «Союз зеленых и крестьян» (СЗК), образованный в 2002 году «Латвийским крестьянским союзом» и «Зеленой партией». В том же году СЗК успешно выступил на парламентских выборах и с тех пор не просто имел депутатов в каждом созыве, но и входил в правящую коалицию, кроме двух — в цикле с 2011 по 2014 год и в нынешнем. Позиции партии на выборах 2011 года подточила кампания по «борьбе с олигархами», поскольку один из партнеров по сотрудничеству СЗК — партия «Латвии и Вентспилсу», возглавляемая Айварсом Лембергсом — одним из трех основных латвийских «олигархов». Однако после выборов 2014 года партия вернулась в правительство, а с 2016 по 2018 год даже возглавляла его. Правда, в 2018 году СЗК заметно растерял свои позиции, получив всего 9,91 % голосов вместо 19,5 % на предшествующих выборах, и остался в оппозиции. При этом «Союз зеленых и крестьян» сохранил серьезное влияние на муниципальном уровне, где в разных форматах контролирует около трети самоуправлений.

Партия опирается на сельский консервативный латышский электорат и, соответственно, скорее склонна к лозунгам защиты латышской нации. При этом в оппозиции она успешно сотрудничает с «Согласием».

Анализ фиксирует умеренную положительную пространственную зависимость (индекс Морана в 2010 году — 0,534, в 2011-м — 0,531, в 2014-м — 0,614, в 2018-м — 0,332).

Только один кластер проявляется во всех четырех электоральных циклах — это кластер низкой поддержки в Риге и Пририжье (рис. 6). Действительно, «рижское проклятье» довлеет над СЗК на протяжении всего существования, и пока партии нечем привлечь столичного избирателя. Кроме того, в первых трех циклах выделяются кластеры высокой поддержки в Курземе, включая Вентспилс, и кластер низкой поддержки в Латгалии.

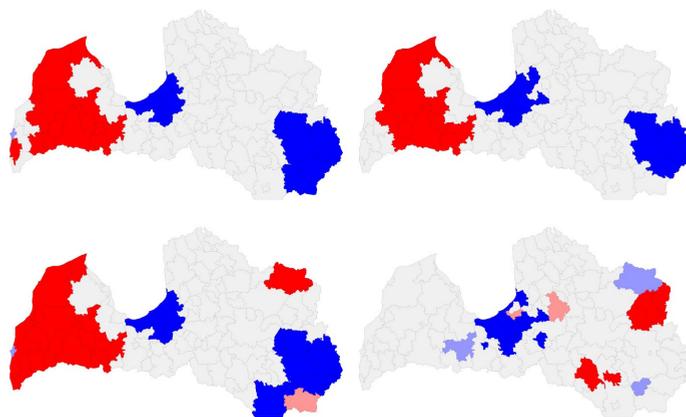

Рис. 6. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Союз зеленых и крестьян» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

«Национальное объединение ВЛ-ТБ/ДННЛ» — главный оплот латышских националистов, чьи представители публично постулируют цель построения «латышской Латвии». Эта политическая сила стабильно входила в правительство в трех из четы-

рех рассматриваемых электоральных циклах, за исключением первого. На протяжении трех первых выборов в 2010, 2011 и 2014 годах она наращивала результаты на выборах в Сейм (до 16,6 % голосов в 2014 году) и только в 2018 году получила более низкий результат (11 %). Однако уже через год, на европарламентских выборах партия смогла доказать, что имеет стабильную поддержку, и отправила в Брюссель уже не одного, а двух депутатов. Хотя сейчас «Национальное объединение» не играет ведущей роли в правительстве, многие его предложения получают поддержку партнеров по коалиции и становятся законами.

Анализ выявляет умеренную положительную пространственную корреляцию в результатах голосования в 2010, 2011 и 2018 годах и высокую корреляцию в 2014 году (индекс Морана в 2010 году — 0,521, в 2011-м — 0,687, в 2014-м — 0,722, в 2018-м — 0,562). Примечательно, что пока «Национальное объединение» наращивало результаты, рос и эффект соседства, а вот в 2018 году он заметно снизился.

На картограммах все четыре цикла выделяется обширный кластер низких значений в Латгалии, для нелатышского населения которой неприемлемы лозунги националистов (рис. 7). Просматриваются и кластер высокой поддержки в Видземе, который, правда, дробится в 2014 году, и кластер высоких значений в Земгале, который дробится в 2018 году.

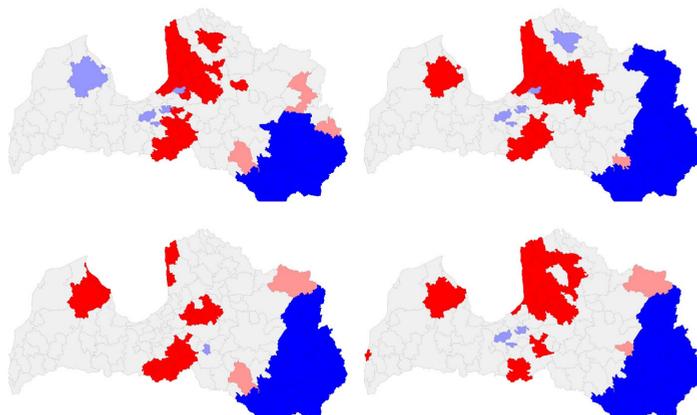

Рис. 7. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за «Национальное объединение» на выборах в 2010, 2011, 2014 и 2018 годах (слева направо, сверху вниз)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Остальные партии в рассматриваемый период проходили в парламент только по одному разу: после выборов 2010 года это было объединение «За лучшую Латвию» (индекс Морана — 0,314); после выборов 2011 года — «Партия реформ Затлерса» (индекс Морана — 0,383); после выборов 2014 года — «От сердца — Латвии» (индекс Морана — 0,377) и «Латвийское объединение регионов» (индекс Морана — 0,141); после выборов 2018 года — «Для развития/За!» (индекс Морана — 0,610), «Новая консервативная партия» (индекс Морана — 0,405) и «KPV LV» (индекс Морана — 0,646). Соответственно, во всех случаях, кроме «Латвийского объединения регионов», пространственная зависимость умеренная и положительная.

Стоит отметить, что для пяти из семи этих «латышских» партий анализ картограмм пространственной автокорреляции выделяет кластер низких значений в Латгалии, и только у объединения «За лучшую Латвию» и партии «От сердца — Лат-

вии» в этом регионе со значительным, а местами преобладающим нелатышским населением фиксируется кластер поддержки (рис. 8). Это можно объяснить тем, что «Латвийская первая партия/Латвийский путь» — одна из составных частей «За лучшую Латвию» — еще раньше позиционировала себя как партия и для латышей, и для нелатышей, и, по-видимому, такой подход был, по крайней мере отчасти, успешным. А руководителя «От сердца — Латвии» Ингуну Судрабу латышские политики чуть ли не напрямую называли «рукой Кремля» и остро критиковали за нежелание жестко высказаться по национальному вопросу, что, по-видимому, также привлекло нелатышских избирателей.

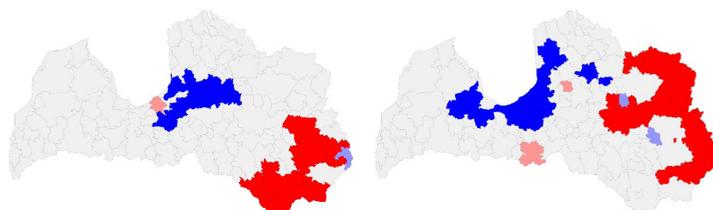

Рис. 8. Картограммы пространственной автокорреляции результатов голосования за объединение «За лучшую Латвию» в 2010 году и партию «От сердца — Латвии» в 2014 году (слева направо)

Примечание: синим показаны кластеры низких значений, красным — кластеры высоких значений, голубым и розовым — регионы, где логика соседства не работает.

Выводы и перспективы

Проведенный анализ позволил более четко выделить пространственную структуру этнолингвистического раскола в электоральном поведении латвийцев и определить устойчивые кластеры соседства в голосовании за те или иные партии. Структура этих кластеров у «русских» партий («Согласие» и «Русский союз Латвии») в целом совпадает, а у «латышских» партий наблюдается большее разнообразие.

Что касается регионов, граничащих с Россией, анализ выявляет четкие пространственные кластеры по результатам голосования в полном соответствии с отношением партий к русскоязычным и Российской Федерации в целом. «Русские» партии («Согласие» и «Русский союз Латвии»), а также партии, проявляющие некоторое расположение к русскоязычным («За лучшую Латвию», «От сердца — Латвии»), имеют здесь кластеры высокой поддержки, а «латышские» партии — низкой. Однако эту закономерность, вероятнее всего, нужно связать не столько с близостью к российской границе, сколько с высокой долей нелатышского населения в Латгалии, которая, в свою очередь, обусловлена тесными историческими связями с Россией и особенностями развития этого приграничного региона.

В перспективе интересным объектом для анализа является преломление обнаруженных пространственных тенденций в следующем электоральном цикле, однако повторить анализ по той же схеме, вероятно, будет сложно с учетом переформатирования муниципальных границ в рамках административно-территориальной реформы.

Еще одно направление развития анализа связано с тем, что данное исследование продолжает серию исследований ЦПАМО ИМИ МГИМО в области электоральной географии. Собранные материалы позволят сравнить пространственные тенденции электорального поведения Латвии с другими странами, граничащими с Россией

[37; 38]. Речь идет и о тех странах, сравнение Латвии с которыми в политической науке встречается не столь часто, но становится возможным благодаря общей методике пространственного анализа (к примеру, исследование электоральных процессов в Норвегии: [39]).

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-930 от 16.11.2020).

Список литературы

1. Окунев, И. Ю. и др. 2020, *Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития*, М., 447 с.
2. Taylor, P., Johnston, R. 1979, *The Geography of Elections*. Harmondsworth, PenguinBooks, 528 p.
3. Окунев, И. Ю. 2020, *Основы пространственного анализа*, монография, М., 255 с.
4. Ikstens, J. 2014, The democratic role of political parties. In: Rozenvalds, J. (ed.) *How democratic is Latvia? Audit of democracy 2005—2014*, Riga, p. 115—128.
5. Ikstens, J. 2006, Eastern Slavic Political Parties in Latvia. In: Muižnieks, N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Riga, p. 41—52.
6. Окунев, И. Ю., Жирнова, Л. С. 2019, Этнический раскол в электоральном поведении Латвии, *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*, № 11 (358), с. 78—90.
7. Воротников, В. В. 2018, Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 5 (5), с. 85—90.
8. Auers, D. 2018, Populism and Political Party Institutionalisation in the Three Baltic States of Estonia, Latvia and Lithuania, *Fudan J. Hum. Soc. Sci.*, № 11, p. 341—355. doi: <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0231-1>.
9. Sartori, G. 2005, *Parties and Party Systems*, Great Britain, ECPR Press, 368 p.
10. Golosov, G. V. 2010, The Effective Number of Parties: A New Approach, *Party Politics*, vol. 16, № 2, p. 171—192. doi: <https://doi.org/10.1177/1354068809339538>.
11. Мелешкина, Е. Ю. 2001, Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения, *Политическая наука*, № 2, с. 187—212.
12. Siegfried, A. 1913, *Tableau politique de la France de l'Ouest sous la III République*, P., Colin, XXVIII, 535 p.
13. Lipset, S., Rokkan, M. 1967, Cleavage structures, party system, and voter alignments: An introduction, *Party system and voter alignments*, N. Y., p. 27—45.
14. Johnston, R., Pattie, Ch. 2017, Local context, social networks and neighborhood effects on voter choice. In: Fisher, J. et al. (eds.) *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*, Routledge, p. 383—400. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315712390>.
15. Туровский, Р. Ф. 1996, Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования), *Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: политология*, № 3 (17), с. 37—52.
16. Ахременко, А. С. 2009, Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований, *Полит. наука*, № 1, с. 32—59.
17. Сидоренко, А. 2007, Латвия, *Электоральная география 2.0.*, available at: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/latvia> (accessed 30.09.2021).
18. Ikstens, J., Balcere, I. 2019, Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity. In: Pionszki, G., Bergman, T., Muller, W. C. (eds.) *Coalition Governance in Central Eastern Europe*, Great Britain, Oxford University Press, p. 252—302.
19. Zepa, B., Šūpule, I. 2006, Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord. In: Muižnieks, N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Riga, p. 33—40.

20. Nakai, R. 2018, Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society — Latvia, *Studies in Ethnicity and Nationalism*, p. 198—220. doi: <https://doi.org/10.1111/sena.12285>.
21. Higashijima, M., Nakai, R. 2016, Elections, Ethnic Parties, and Ethnic Identification in New Democracies: Evidence from the Baltic States, *Studies in Comparative International Development*, № 51, p. 124—146. doi: <https://doi.org/10.1007/s12116-015-9187-1>.
22. Bennich-Björkman, L., Johansson, K. 2012, Explaining moderation in nationalism: Divergent trajectories of national conservative parties in Estonia and Latvia, *Comparative European Politics*, № 10, p. 585—607. doi: <https://doi.org/10.1057/cep.2011.28>.
23. Bloom, S. 2012, Does a Nationalist Card Make for a Weak Hand? Economic Decline and Shared Pain, *Political Research Quarterly*, vol. 65, № 1, p. 166—178. doi: <https://doi.org/10.1177/1065912910388187>.
24. Розенвалдс, Ю. 2012, Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства, *Сравнительная политика*, № 3 (9), с. 149—161. doi: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-149-161](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161).
25. Ijabs, I. 2016, After the Referendum: Militant Democracy and Nation-Building in Latvia, *East European Politics and Societies*, vol. 30, № 2, p. 288—314. doi: <https://doi.org/10.1177/0888325415593630>.
26. Commercio, M. E. 2008, Systems of Partial Control: Ethnic Dynamics in Post-Soviet Estonia and Latvia. *Studies in Comparative International Development*, № 43, p. 81—100. doi: <https://doi.org/10.1007/s12116-007-9013-5>.
27. Ivlevs, A. 2013, Minorities on the move? Assessing post-enlargement emigration intentions of Latvia's Russian speaking minority, *The Annals of Regional Science*, № 51, p. 33—52. doi: <https://doi.org/10.1007/s00168-012-0534-0>.
28. Duina, F., Miani, C. 2015, Fitting in the Baltics: National identity, minorities and compliance with EU accession requirements in Lithuania and Latvia, *Comparative European Politics*, № 13, p. 535—552. doi: <https://doi.org/10.1057/cep.2014.5>.
29. Бузаев, В. В., Никифоров, И. В. 2009, *Современная европейская этнократия. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии*, М., 279 с.
30. Тэвдой-Бурмули, А. И. 2018, *Этнополитическая динамика Европейского союза*, учебное пособие для студентов вузов, М., 224 с.
31. Осколков, П. В. 2020, Партийная система Эстонии на современном этапе: электоральная турбулентность и смена этнорегиональных паттернов, *Балтийский регион*, Т. 12, № 1, с. 4—15.
32. Солопенко, А. В. 2014, *Электоральное поведение жителей Латвии на парламентских выборах 1993—2011 гг. Германия*, LAP Lambert Academic Publishing, 52 p.
33. Németh, Á., Dövényi, Z. 2019, Patterns of Ethnic Homogenisation, Fragmentation and Polarisation and the Vote Shares for Nationalist Parties in Latvia, *Europe-Asia Studies*, vol. 71, № 5, p. 774—804. doi: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1604945>.
34. Meleshevich, A. 2006, Geographical Patterns of Party Support in the Baltic States, Russia, and Ukraine, *European Urban and Regional Studies*, vol. 13, № 2, p. 113—129.
35. Paiders, J., Paiders, J. 2014, EU border proximity effect on political choice in parliamentary elections of Latvia, *Regional Formation and Development Studies*. doi: <http://dx.doi.org/10.15181/rfds.v9i1.59>.
36. Paiders, J., Paiders, J. 2012, Basic factors of parliament election results in the rural areas of Latvia, *Research for Rural Development*, № 2, p. 184—190.
37. Окунев, И. Ю., Шматкова, Л. П. 2020, Трансформация электорального поведения в странах СНГ: опыт пространственного анализа, *Материалы конференции «Современные технологии наблюдения за выборами: моделирование и применение в условиях цифровизации»*, Кишинев, с. 100—110.
38. Okunev, I. Yu., Shestakova, M. N., Bibina, E. S. 2020, Neighborhood with Russia: Implications for regional differentiation of public opinion in Belarus sociological and spatial analysis, *Russia in Global Affairs*, vol. 18, № 4, p. 10—36. doi: <http://dx.doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-10-36>.
39. Захарова, Е. А. 2021, Электоральные процессы в фюльке Норвегии через призму пространственного анализа, *Псковский регионологический журнал*, с. 110—125.

Об авторе

Лидия Сергеевна Жирнова — научный сотрудник, Центр пространственного анализа международных отношений, Институт международных исследований МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2609-5389>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

REGIONAL TRENDS IN ELECTORAL SUPPORT FOR LATVIAN PARTIES: THE NEIGHBOURHOOD EFFECT

L. S. Zhirnova

¹ MGIMO-University
76 Vernadskogo St., Moscow, 119454, Russia

Received 22.06.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-9
© Zhirnova, L. S., 2022

The article analyses the neighbourhood effect in the voting behaviour of the Latvians at the four recent parliamentary elections, the ethnic and national leaning of parties considered. The study expands a set of electoral geography tools by adding modern techniques of spatial analysis as well as by increasing the knowledge on the position of the Russian speakers within Latvia's political party landscape. The research aims to evaluate the role of the neighbourhood effect at Latvian elections and identify stable spatial voting clusters. The degree of spatial autocorrelation and changes in it were analysed for each parliamentary party and the non-parliamentary but still influential Latvian Russian Union (LRU). Statistically significant spatial clusters of high and low support were identified and compared; their steadiness over the study period was examined. The structure of these clusters is generally the same for the 'Russian' parties (Harmony and the LRU), whilst the 'Latvian' parties are characterized by greater spatial diversity. The analysis shows that regions bordering on Russia have clear spatial clusters where election results correspond to the parties' attitudes towards Russian speakers and the Russian Federation. The 'Russian' parties and those more or less favourably disposed to Russian speakers (For a Good Latvia, For Latvia from the Heart) have clusters of high support in the area and the 'Latvian' parties of low. This pattern, however, may be due to the high proportion of the non-Latvian population in Latgale (a region with strong historical connections with Russia) and the character of the development of the border area, rather than to the proximity to the Russian border.

Keywords:

spatial analysis, electoral geography, Latvia, Latgale, Russians, party, ethnolinguistic divide, election

References

1. Okunev, I. Yu. et al. 2020, *Atlas mezhdunarodnykh otnoshenii. Prostranstvennyi analiz indikatorov mirovogo razvitiya* [Atlas of International Relations: spatial analysis of global development indicators], Moscow, Aspect Press, 447 p. (In Russ.).

To cite this article: Zhirnova, L. S. 2022, Regional trends in electoral support for Latvian parties: the neighbourhood effect, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no. 1, p. 138–158. doi: 10.5922/2079-8555-2022-1-9.

2. Taylor, P., Johnston, R. 1979, *The Geography of Elections*. Harmondsworth, Penguin-Books, 528 p.
3. Okunev, I. Yu. 2020, *Osnovy prostranstvennogo analiza* [Spatial Analysis Fundamentals], Moscow, Aspect Press, 255 p. (In Russ.).
4. Ikstens J. 2014, The democratic role of political parties. In: Rozenvalds, J. *How democratic is Latvia? Audit of democracy 2005–2014*, p. 115–128.
5. Ikstens, J. 2006, Eastern Slavic Political Parties in Latvia. In: Muižnieks, N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Riga, p. 41–52.
6. Okunev, I. Yu. Zhirnova, L.S., 2019, Ethnic cleavage in the voting behavior in Latvia, *Obozrevatel – Observer*, no. 11 (358), p. 78–90 (In Russ.).
7. Vorotnikov, V. V. 2018, Party ‘Harmony’ in the parliamentary elections in Latvia in 2018: victory without a winner, *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Herald of IE RAS], no. 5 (5), p. 85–90. doi: <https://doi.org/10.15211/vestnikier-an520188590> (In Russ.).
8. Auers, D. 2018, Populism and Political Party Institutionalisation in the Three Baltic States of Estonia, Latvia and Lithuania, *Fudan J. Hum. Soc. Sci.*, no. 11, p. 341–355. doi: <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0231-1>.
9. Sartori, G. 2005, *Parties and Party Systems*, Great Britain, ECPR Press, 368 p.
10. Golosov, G. V. 2010, The Effective Number of Parties: A New Approach, *Party Politics*, vol. 16, no. 2, p. 171–192. doi: <https://doi.org/10.1177/1354068809339538>.
11. Meleshkina, I. Iu. 2001, The Research of Electoral Behaviour: Theoretic Models and Issues of their Usage, *Politicheskaya nauka* [Political Science], no. 2, p. 187–212 (In Russ.).
12. Siegfried, A. 1913, *Tableau politique de la France de l’Ouest sous la III Republique*, P., Colin, XXVIII, 535 p.
13. Lipset, S., Rokkan, M. 1967, Cleavage structures, party system, and voter alignments: An introduction, *Party system and voter alignments*, N. Y., p. 27–45.
14. Johnston, R., Pattie, Ch. 2017, Local context, social networks and neighborhood effects on voter choice. In: Fisher, J. et al. (eds.) *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*, Routledge, p. 383–400. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315712390>.
15. Turovskii, R. F. 1996, Political Stratification of Russian Regions (History and Formation Factors), *Partiino-politicheskie elity i elektoral’nye protsessy v Rossii. Kruglyi stol biznesa Rossii. Analiticheskie obozreniia Tsentra kompleksnykh sotsial’nykh issledovaniĭ i marketinga. Seriya: politologĭia* [Party and Political Elites and Electoral Processes in Russia. The Round Table of the Russian Business, Analytical Overview of the Center for Complex Social Studies and Marketing. Series: Politology], no. 3 (17), p. 37–52 (in Russ.).
16. Akhremenko, A. S., 2009, Spatial Electoral Analysis: Characterization of the Method, Possibilities of Cross-National Comparative Studies, *Polit. Nauka* [Political Science], no. 1, p. 32–59 (in Russ.).
17. Sidorenko, A. 2007, Latvia, *Electoral Geography 2.0*, available at: <https://www.electoral-geography.com/new/ru/category/countries/1/latvia> (accessed 30.09.2021) (in Russ.).
18. Ikstens, J., Balcerė, I. 2019, Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity. In: Ilonszki, G., Bergman, T., Muller, W. C. (eds.) *Coalition Governance in Central Eastern Europe*, Great Britain, Oxford University Press, p. 252–302.
19. Zepa, B., Šūpule, I. 2006, Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord. In: Muižnieks, N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Riga, p. 33–40.
20. Nakai, R. 2018, Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society — Latvia, *Studies in Ethnicity and Nationalism*, p. 198–220. doi: <https://doi.org/10.1111/sena.12285>.
21. Higashijima, M., Nakai, R. 2016, Elections, Ethnic Parties, and Ethnic Identification in New Democracies: Evidence from the Baltic States, *Studies in Comparative International Development*, no. 51, p. 124–146. doi: <https://doi.org/10.1007/s12116-015-9187-1>.
22. Bennich-Björkman, L., Johansson, K. 2012, Explaining moderation in nationalism: Divergent trajectories of national conservative parties in Estonia and Latvia, *Comparative European Politics*, no. 10, p. 585–607. doi: <https://doi.org/10.1057/cep.2011.28>.

23. Bloom, S. 2012, Does a Nationalist Card Make for a Weak Hand? Economic Decline and Shared Pain, *Political Research Quarterly*, vol. 65, no. 1, p. 166—178. doi: <https://doi.org/10.1177/1065912910388187>.

24. Rozenvalds, J. 2012, The problem of “(de) sealing” of the political elite of Latvia and Estonia: Russian-speaking minority perspectives, *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], no. 3 (9), p. 149—161. doi: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-149-161](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161) (in Russ.).

25. Ijabs, I. 2016, After the Referendum: Militant Democracy and Nation-Building in Latvia, *East European Politics and Societies*, vol. 30, no. 2, p. 288—314. doi: <https://doi.org/10.1177/0888325415593630>.

26. Commercio, M. E. 2008, Systems of Partial Control: Ethnic Dynamics in Post-Soviet Estonia and Latvia. *Studies in Comparative International Development*, no. 43, p. 81—100. doi: <https://doi.org/10.1007/s12116-007-9013-5>.

27. Ivlevs, A. 2013, Minorities on the move? Assessing post-enlargement emigration intentions of Latvia's Russian speaking minority, *The Annals of Regional Science*, no. 51, p. 33—52. doi: <https://doi.org/10.1007/s00168-012-0534-0>.

28. Duina, F., Miani, C. 2015, Fitting in the Baltics: National identity, minorities and compliance with EU accession requirements in Lithuania and Latvia, *Comparative European Politics*, no. 13, p. 535—552. doi: <https://doi.org/10.1057/cep.2014.5>.

29. Buzaev, V. V., Nikiforov, I. V. 2009, *Sovremennaya evropeiskaya etnokratiya: narushenie prav natsional'nykh men'shinstv v Estonii i Latvii* [Contemporary European ethnocracy: violation of ethnic minorities' rights in Estonia and Latvia], Moscow, 279 p. (in Russ.).

30. Tevdoi-Burmuli, A. I. 2018, *Etnopoliticheskaya dinamika Evropeiskogo soyuza* [Ethnopolitical dynamics of the European Union], Moscow, Aspekt-Press, 224 p. (in Russ.).

31. Osolkov, P. V. 2020, Estonia's party system today: electoral turbulence and changes in ethno-regional patterns, *Balt. Reg.*, vol. 12, no. 1, p. 4—15. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-1>.

32. Solopenko, A. V. 2014, *Elektoral'noe povedenie zhitelei Latvii na parlamentskikh vyborakh 1993—2011 gg.* [Electoral behavior of Latvians in parliamentary elections in 1993—2011], Germany, LAP Lambert Academic Publishing, 52 p. (in Russ.).

33. Németh, Á., Dövényi, Z. 2019, Patterns of Ethnic Homogenisation, Fragmentation and Polarisation and the Vote Shares for Nationalist Parties in Latvia, *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 5, p. 774—804. doi: <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1604945>.

34. Meleshevich, A. 2006, Geographical Patterns of Party Support in the Baltic States, Russia, and Ukraine, *European Urban and Regional Studies*, vol. 13, no. 2, p. 113—129.

35. Paiders, J., Paiders, J. 2014, EU border proximity effect on political choice in parliamentary elections of Latvia, *Regional Formation and Development Studies*. doi: <http://dx.doi.org/10.15181/rfds.v9i1.59>.

36. Paiders, J., Paiders, J. 2012, Basic factors of parliament election results in the rural areas of Latvia, *Research for Rural Development*, no. 2, p. 184—190.

37. Okunev, I. Yu., Shmatkova, L. P. 2020, Transformation of electoral behavior in CIS countries: spatial analysis, *Sovremennye tekhnologii nablyudeniya za vyborami: modelirovanie i primeneniye v usloviyakh tsifrovizatsii* [Modern Technologies of Election Observation: Modeling and Usage under Conditions of Digitalization. Materials of the International Scientific Conference], Chişinău, p. 100—110 (in Russ.).

38. Okunev, I. Yu., Shestakova, M. N., Bibina, E. S. 2020, Neighborhood with Russia: Implications for regional differentiation of public opinion in Belarus sociological and spatial analysis, *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no. 4, p. 10—36. doi: <http://dx.doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-10-36>.

39. Zakharova, E. A. 2021, Electoral processes in Norwegian fylke through the prism of spatial analysis, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal of Regional Studies], p. 110—125 (in Russ.).

The author

Lidia S. Zhirnova, Research Fellow, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University, Russia.

E-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2609-5389>

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **двойное «слепое» рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

2) аннотацию на русском и английском языках (*150—250 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

— актуальность исследования;

— цель научного исследования;

— описание методологии исследования;

— основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не менее 30 источников*);

6) приставейные библиографические списки оформляются на русском языке и **на латинице** (в соответствии с Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru>.

BALTIC REGION

2022
Volume 14
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2022.
162 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University
Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:
Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2021

Editorial council

Prof. **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof. **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof. **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. **Vladimir A. Mau**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Peter Oppenheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof. **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof. **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof. **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof. **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Coastal Studies

- Baklanov P. Ya.* Sustainable development of coastal regions: geographical and geopolitical factors and limitations 4
- Druzhinin A. G.* The marine component of human geography studies in Post-Soviet Russia: key trends and development priorities 17

Regional economy

- Glukhikh P. L.* Adapting regional strategies to the new non-resource export development target 34
- Tolstoguzov O. V.* Structural changes in the economy of the Russian North-West regions: institutional factor 56

The development of border regions

- Manakov A. G., Krasilnikova I. N., Ivanov I. A.* Towards a classification of transboundary tourist and recreation mesoregions in the Baltic region..... 75
- Mikhaylova A. A.* Cross-border digitalization of the western border of Russia: potential and prospects..... 90
- Shuper V. A.* New opportunities for the Russian Baltic exclave in the context of changes in the country's geopolitical situation 109

EU countries in the Baltic region

- Entin M. L., Entina E. G., Voynikov V. V.* New principles of resource distribution in the EU and their impact on the countries of the Baltic region..... 122
- Zhirnova L. S.* Regional trends in electoral support for Latvian parties: the neighbourhood effect 138

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2022

Том 14

№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Д. А. Малеваная*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 07.04.2022 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,3
Тираж 300 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ 40
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6